МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

РОССИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ ИСТОРИИ

КОНЕЦ ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА?

Михаил ДЕЛЯГИН

РОССИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ ИСТОРИИ

КОНЕЦ ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА?

Москва • Книжный мир • 2015

Михаил Делягин
Россия перед лицом истории: конец эпохи национального предательства? (Серия «Коллекция Изборского клуба») – М.: Книжный мир, 2015. – 384 с.

ISBN 978-5-8041-0746-9

Новая книга известного российского экономиста, публициста и политика Михаила Делягина посвящена анализу путей развития России в недалеком будущем. Как повлияет на это будущее противостояние России и Запада, война на Украине, грядущий мировой экономический кризис и какие другие события нам стоит ожидать в ближайшие годы?

Что надо сделать, чтобы вырвать нашу страну из смертельных объятий экономического либерализма и мирового финансового олигархата? Что станет с ценой на нефть, долларом и рублем? Сможет ли президент Путин возродить державу и почему для этого придется вспомнить экономическое наследие Сталина?

Об этом и о многом другом, что коснется каждого из нас уже в следующем году – прочти в этой книге.

Знание – сила. Узнай будущее – стань сильным.

ЗАО «Книжный мир» :
Тел. : (495) 720-62-02,
www. kmbook. ru

ISBN 978-5-8041-0746-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

Мы живем в предвоенное время.
Предразлучное.
Предпоходное...
Не желаю,
чтоб подобрели
командиры наши пехотные.
Танки,
тяжкие, как терпение,
переваливаются на марше.
И скрипят
ремни портупейные.
И ладонь –
в оружейном масле.
Радиолы зовут напрасно.
Полдень длится.
И полночь длится.
И Россия
глядит пристрастно
в похудевшие наши лица.
И отцы звенят орденами
над мерцанием
рюмок незвонких.
Обо всем,
что случится с нами,
вы прочтете в письмах.
И сводках...
У истории
неистошный
голос.
Крики потонут в бездне...
Над землею дальневосточной
ходят тучи,
как в старой песне...

Будет трудно?
А что поделать?
Будет смертно?
А как иначе?..
У шлагбаумов запотелых
тормоза визжат
по-щенячьи.
Тонет сумрак в дожде мгновенном.
Козыряют нам часовые...
Не впервые
за послевоенным —
предвоенное.
Не впервые.

Роберт Рождественский,
1969

Предисловие
ГИТЛЕР ВЕРНУЛСЯ

Наше общество вновь приближается к очередному, как говорят в рекламе, «некомфортному» периоду, когда нам опять придется самим отвечать за судьбу не только нашей страны, но и всей русской культуры и русской цивилизации, потому что они действительно вновь могут погибнуть.

Глобальный кризис уже создал страшную ситуацию, в которой миру, и в первую очередь его развитой части, остро не хватает ресурсов. И, когда богатые страны, вдруг ощутив волшебную пустоту в карманах, смотрят на нас, – они видят перед собой 2% человечества, владеющие 20% его ресурсов и при этом откровенно слабых в военном отношении, а в отношении современных социальных технологий – и вовсе почти первобытных.

Они видят перед собой добычу: легкую добычу.

И они говорят нам, – разумеется, дипломатическими, политкорректными и культурными словами, так что не все понимают, но позвольте перевести это на человеческий язык, – они говорят нам: на протяжении жизни целого поколения, все последние четверть века вы были нашими младшими партнерами, и нас это устраивало, но теперь ситуация поменялась, и – «ничего личного, просто бизнес», – теперь вы будете просто нашим сырьем, и вами будут управлять назначенные нами и служащие только нам наемные младшие менеджеры.

Именно поэтому против нас начали пока еще «холодную» войну. Все остальные претензии – даже Крым, даже Новороссия – такие же формальные поводы, как малайзийский «боинг» и свобода навязывания гомосексуализма.

Не было бы их, придумали бы другое, – подобно тому, как после провала провокации с уничтожением «боинга» (когда стало очевидно, что это дело рук как минимум украинских нацистов, а скорее – их американских хозяев) против России ввели санкции сразу же после Минских соглашений: фактически за то, что наши власти попытались приостановить кровопролитие на Украине.

Скоро против России начнут вводить санкции за то, что у Путина есть лабрадор.

Или нет ротвейлера.

Надо осознать с полной, беспощадной ясностью: война на уничтожение России уже идет.

И в этой войне участвует не только Запад как совокупность многими уважаемых и в целом просто замечательных обезьянок с пожилыми нудистками, но и собственно внутрироссийская либеральная «пятая колонна».

Люди, считающие своей Родиной более фешенебельные страны и страшно обиженные тем, что в состоянии заработать на жизнь только здесь – на земле, которую они истово, просто чтобы оправдать перед самими собой свое существование, считают «проклятой богом и людьми».

Заработать уничтожением этой земли.

Заработать на свою жизнь нашим уничтожением.

При общении с нашими респектабельными, как говорит товарищ Путин, «партнерами», ни при каких обстоятельствах, ни на минуту нельзя забывать: в Европу вернулся Гитлер.

Он коллективный, а не индивидуальный, и потому его не поставишь к стенке. Но, когда после расстрела детей в донецкой школе 1 октября, в их первый учебный день, Запад пригрозил санкциями не убийцам детей, а России, – и причем за то, что ополченцы могли взять Донецкий аэропорт и прилегающие к нему позиции, откуда убивают этих детей, и прекратить тем самым убийство детей, – это означает возвращение

в Европу Гитлера, который относится к нам сегодня точно так же, как и в первой половине 40-х годов.

Не только украинские нацисты, но и Запад, и собственно российские либералы считают нас недочеловеками – «колорадами» и «ватниками», подлежащими уничтожению точно так же, как для гитлеровского нацизма подлежали уничтожению евреи и цыгане.

И нам предстоит пройти через войну за выживание.

Она уже началась, – и от того, что мы, разнежившиеся в комфорте, не хотим признавать очевидного, она не остановится, а будет лишь неумолимо нарастать.

И для того, чтобы эту войну пройти и победить в ней, надо понимать, кто мы, зачем мы и чего хотим.

И, самое главное, чего, насколько можно судить, и близко нет сейчас, – это понимание должно быть единым для народа и руководства страны, это понимание должно объединять их, а не раскалывать, как сейчас.

Как достичь единства этого понимания?

В первую очередь просвещением, но просвещение власти – в первую очередь ее внятная конструктивная критика.

Если интеллигентная критика не доходит до мозга, – она должна быть нелицеприятной, а если придется, и грубой.

Такой, чтоб дошла.

У Николая Ушакова есть замечательные слова:

Мир не закончен и не точен.
Поставь его на пьедестал
И надавай ему пощёчин,
Чтоб он из глины мыслью стал.

И к руководящему «миру» это правило, на мой взгляд, относится точно так же, как и к миру обычному.

С каждым нужно говорить на доступном ему языке: не на том, на котором вам приятно вести беседу, а на том, который воспринимает (или который вынужден воспринимать) Ваш собеседник.

И, как бы ни неприятно было нам говорить с российской бюрократией на воспринимаемом ей языке, – говорить придется, выживать нужно не только Путину, но и всем остальным. Хотя без него в предстоящей нам ситуации системного кризиса, а то и глобальной катастрофы, боюсь, просто не получится.

Летом 1986 года я был на выставке Ильи Сергеевича Глазунова в Манеже и даже прямо с нее ушел в армию. Помимо абсолютно незаслуженно малоизвестного сейчас блокадного ленинградского цикла, очень сильное впечатление произвела картина «Петроградская сторона». Сидит на лавочке пожилой рабочий, седоусый, уже совсем на пенсии, и смотрит через реку на плоды своих трудов, – на стену заводов, на огромную индустриальную цивилизацию. И, с одной стороны, он гордится тем, что это создал, а, с другой – ему очень грустно, потому что жизнь прошла, а он мало жил для себя, живя созданием этой цивилизации для всех.

И очень надеюсь, что, когда-нибудь, лет через пятнадцать, Владимир Владимирович Путин тоже будет сидеть на этой же скамеечке и смотреть на цивилизацию, которую он создал.

И пусть ему тогда будет грустно, но страна будет жива, и мы будем живы, и он тоже будет жив.

И если российскую бюрократию придется принуждать к этому разговором с ней, пусть и законным, но в той форме, который она способна воспринимать, – значит, придется.

Потому что единственная альтернатива, как убедительно показывает нам опыт превращенных в руины стран, от Сомали до Украины, – смерть.

Глава 1.
ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ИСТОРИЮ!

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС: ЗАЧЕМ РОССИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ?

Современные экономические проблемы – лишь частное выражение системного кризиса человечества, которое меняет весь свой облик.

Главное, как обычно, происходит вне экономики. Это коренное изменение отношений человека как биологического вида и как части ноосферы с остальной природой – как неживой, так и, возможно, включающей в себя неощущаемое нами, но включающее нас коллективное сознание (интеграция которого с остальной природой и составляет знаменитую ноосферу Вернадского).

С одной стороны, мы подпадаем под закон сохранения рисков: в замкнутой системе минимизация индивидуальных рисков повышает общесистемные риски – вплоть до слома системы.

Мы видели это на американском фондовом рынке, где система деривативов сделала риски инвесторов в первоклассные корпоративные облигации на порядок более низкими, чем риски эмитентов. Индивидуальные риски были минимизированы, общий потенциал рисков был загнан на системный уровень, и система разрушилась.

То же мы наблюдаем в самых разных сферах: от педагогики (где стремление обезопасить мальчиков порождает пассивность целых поколений) до медицины (где спасение больных детей разрушает генофонд развитых стран). Поскольку мы люди, мы не можем остановить нарастание этих рисков — и обречены на их стихийную, то есть разрушительную, реализацию.

С другой стороны, с началом глобализации развитие технологий сделало наиболее прибыльным из общедоступных видов бизнеса формирование сознания. «Наиболее прибыльный из общедоступных» — значит наиболее массовый: главным делом человека становится уже не изменение окружающего мира, а формирование собственного сознания. Меняется сам образ действия человечества. За всю его историю подобного перехода еще не было.

Сознание человека превращается в объект наиболее интенсивного и хаотичного воздействия. Возникает огромное число обратных связей, из-за которых мир становится менее познаваемым. Снижение познаваемости мира повышает спрос на мистику, снижает потребность в науке, — а значит, и в образовании, которое вырождается в инструмент социального контроля. Начинается архаизация человечества, его дегуманизация, скатывание в новое Средневековье.

С сугубо экономической точки зрения это можно объяснить приспособлением социальных отношений на всех уровнях — от семейного до надгосударственного, глобального, — соответствующих уходящим индустриальным технологиям, к новым постиндустриальным технологиям. На первом этапе они информационные, затем, вероятно, придет очередь биологических. Однако, говоря об экономических вопросах, следует помнить, что комплекс изменений значительно шире и глубже того круга явлений, который изучает экономика.

Глубина мирового финансового кризиса недооценивается из-за игнорирования его фундаментальной причины – исчерпанности модели глобального развития, созданной в результате уничтожения Советского Союза. После победы над нами в «холодной войне» Запад эгоистично перекроил мир в интересах своих глобальных корпораций, лишив (для недопущения конкуренции с этими корпорациями) освоенные территории возможности нормального развития.

Но это ограничило сбыт самих развитых стран, создав кризис перепроизводства – правда, в первую очередь не традиционной продукции, а преимущественно продукции информационных и управленческих технологий, направленных на изменение человека и управление им: *high-hume*'а, а не *high-tech*'а.

Инстинктивно нащупанное в качестве выхода из этого кризиса стимулирование сбыта кредитованием неразвитого мира в принципе не предусматривало возврат кредитов и потому вызвало в 1997-1999 годах кризис долгов, бумерангом ударивший по США в 2000-2001 годах.

США вытащили себя (и мировую экономику, стержнем которой они являются) из начинавшейся рецессии двумя стратегиями.

«Накачка» рынка безвозвратных ипотечных кредитов перестала работать в сентябре 2008 года.

Вторая стратегия поддержки экономики США – «экспорт нестабильности», подрывающей конкурентов и вынуждающей их капиталы и интеллект бежать в «тихие гавани» Запада. Рост нестабильности оправдывает рост военных расходов в самих США, стимулирующих экономику и технологии (это «военное кейнсианство», эффективно применявшееся Рейганом). Реализованная в 1999 году в Югославии против еврозоны, эта стратегия исчерпала себя уже в Ираке в 2003 году.

«Арабская весна» и террористическая война против Сирии свидетельствуют о вырождении стратегии «экспорта нестабильности» в опасный и для самих США «экспорт хаоса». Они больше не пытаются контролировать дестабилизируемые ими территории, став катализатором глобального военно-политического кризиса.

Более того: привод к власти нацистов на Украины с разжиганием в ней гражданской войны и создание ИГИЛ производят впечатление подготовки Третьей мировой войны для успешного списания чудовищной пирамиды заведомо безнадежных долгов (как государственных, так и корпоративных).

По доктрине Обамы, пришедшей на смену доктрине Буша, надо в максимальной степени действовать чужими руками, тратя ресурсы своих сателлитов по НАТО, а не свои, и не американизировать незападные общества, а погружать их в самоподдерживающийся хаос, позволяющий контролировать их ресурсы, где они есть, малыми силами. Именно этим вызван союз с исламскими террористами, над которым работал еще Чейни и который стал очевидным в Ливии и Сирии.

Однако в финансовом плане возможности этой стратегии представляются недостаточными для поддержания должного спроса на доллар, – и, соответственно, для сохранения *status quo*.

Сегодня Запад пытается не повысить свою конкурентоспособность, но просто запихнуть мир обратно в прошедшие навсегда 90-е и 2000-е годы, когда под прикрытием разговоров о глобализации и гуманитарных интервенциях почти везде, даже в Восточной Европе, сложился по сути дела новый колониализм.

Это значит (правда, лишь если не рассматривать гипотезу о последовательном разжигании им Третьей мировой войны), что он утратил стратегическую инициативу, которую пока некому подобрать.

Органическая неспособность США поступиться даже малой частью текущих интересов ради урегулирования своих же стратегических проблем, их поистине убийственный эгоизм буквально выталкивает на авансцену мирового развития новых участников – Евросоюз, Китай и, если у нашего руководства хватит решимости и интеллекта, Россию, и кладет конец *Pax Americana*.

Насколько можно понять, интеграция человечества вновь, как в начале XX века, превысила возможности его управляющих систем, и теперь человечество вынуждено уменьшать ее глубину, отступая назад и частично восстанавливая управляемость за счет примитивизации процессов развития.

С сугубо экономической точки зрения содержание современного кризиса – загнивание глобальных монополий. Источников внешней конкуренции на глобальном рынке в силу самой его природы нет. Технологический прогресс, который может быть другим источником конкуренции, тормозится как этими монополиями (в том числе злоупотреблением правом интеллектуальной собственности), так и отсутствием значимых внеэкономических угроз (без которых открытие новых технологических принципов, в отличие от их последующей коммерционализации, нерентабельно).

Поэтому загнивание глобальных монополий будет нарастать, пока не приведет к срыву в депрессию. Из-за нехватки спроса единый глобальный рынок распадется на запутанную систему макрорегионов; снижение масштабов рынков приведет к утрате в некоторых макрорегионах ряда технологий, в том числе критически важных, и к разрушительным техногенным катастрофам.

Макрорегионы будут вести между собой жесткую и хаотичную культурную, политическую, хозяйственную и технологическую конкуренцию, напоминаю-

щую межвоенный период. Формирование макрорегионов ограничит всевластие и, соответственно, загнивание глобальных монополий: при всей их мощи их доступ в «чужие» макрорегионы будет ограничен. Поэтому данный сценарий неприемлем для глобального управляющего класса и ближе всех стоящего к нему руководства США: для них лучше погрузить потенциальные макрорегионы в хаос, чем дать им обособиться от контролируемых глобальными монополиями глобальных рынков.

Тем не менее, равновесие, вероятно, будет временно достигнуто восстановлением биполярной системы (с противостоянием США и Китая при Евросоюзе, Японии, Индии и, возможно, России в качестве сдерживающей остроту этого противостояния силы) в политике и поливалютной – в экономике (каждая валютная зона будет иметь свою резервную валюту).

Однако фундаментальная проблема современного развития заключается не в эгоизме США, не в нехватке ликвидности, не в кризисе долгов, но в отсутствии источника экономического роста США, а с ними – и всей мировой экономики. Ничто не смягчит кризис перепроизводства продукции глобальных монополий и не создаст новый экономический двигатель взамен разрушившихся. Это означает, что из кризиса мировая экономика выйдет не в восстановление, но в депрессию, длительную и достаточно тяжелую. Эта депрессия, как и Великая депрессия, начавшаяся в 1929 году, будет порождать войны, – но войны долгое время не будут выходом из нее, так как не будут вести к объединению разделенных макрорегионов (и, тем самым, к снижению уровня монополизма внутри них).

Ситуацию усугубляет распространение и совершенствование компьютеров, являющихся олицетворением формальной логики. Оно уравнивает нас по доступу к ней, – и конкуренция между людьми и

коллективами постепенно начинает вестись на основе не логического, но внелогического – творческого и мистического – мышления.

В силу неумения их воспитывать с той легкостью, с которой мы воспитываем способность к логическому мышлению, это сделает конкуренцию более биологически и менее социально обусловленной, чем мы привыкли считать приемлемым. Это усилит тенденцию к снижению социальной значимости знания и качества специалистов, что грозит техногенными катастрофами из-за неспособности обслуживать существующую инфраструктуру.

Рост мистического мышления, ужесточение глобальной конкуренции, появление глобального управляющего класса, который, не имея ни избирателей, ни налогоплательщиков, ни влияющих акционеров, принципиально свободен от ответственности, будет способствовать дегуманизации общества.

Распространение информационных технологий ведет к кризису управления, включая кризис традиционной демократии, которая на глазах перестает работать.

Исчерпанность либеральной и в целом рыночной парадигмы стала очевидной, начиная с валютного кризиса неразвитых стран 1997-1999 годов. (Современная рыночная парадигма подразумевает, что человек живет ради наживы, а либеральная – что государство должно обслуживать глобальный бизнес, а не свой народ.)

Одно из проявлений этой исчерпанности – ликвидация среднего класса.

С одной стороны, если долгов слишком много и увеличивать денежную массу больше нельзя, глобальные монополии начинают сокращать издержки. Это означает сокращение потребления населения, которое потребляет рыночных благ больше, чем производит (хотя оно может производить нерыночный

по своей природе человеческий капитал), – то есть в первую очередь среднего класса.

С другой стороны, сверхпроизводительные постиндустриальные технологии делают средний класс функционально лишним.

Глобальные монополии уничтожали его в Африке, Латинской Америке и на постсоциалистическом пространстве. Теперь они уничтожают его в «ядре» капиталистической системы: в США и развитых странах Европы. Обнищание среднего класса развитых стран пресловутого «золотого миллиарда» не спасет от кризиса, но переводит этот кризис в новые, постэкономическую и постдемократическую плоскости.

Ведь демократия существует от имени и во имя среднего класса. После его гибели она выродится в новую диктатуру на основе формирования сознания. Это завершит процесс расчеловечивания, отказа от цивилизации. Мы увидим, как Запад откажется от суверенитета и самосознания личности, этого главного достижения эпохи Просвещения, и вернется в Средние века – может быть, через чудовищные бедствия, которые ломают психику общества и индивидуума. Первый шаг к этому уже сделан: декартовское «Я мыслю – значит, я существую» заменено даже не более комфортной для индивидуума формулой «я потребляю», а прямо служащей бизнесу и только ему «я покупаю – значит, я существую».

Реклама внушает, что изменение этикетки на вещи повышает ее цену в разы. Это значит, что массовый обмен уже стал неэквивалентным. А неэквивалентный обмен – это грабеж. Если грабеж стал нормой, традиционного рынка больше нет. И это естественно: обнищание среднего класса лишает современную экономику спроса. А экономика без спроса есть нерыночная экономика.

С другой стороны, системная утрата собственниками крупных корпораций контроля за их топ-

менеджерами, строго говоря, отменяет частную собственность, а с ней и капитализм в его классическом понимании.

Таким образом, традиционные демократия и рынок закончились, просто мы этого еще не признаем.

Кризис демократии и развитие глобального управляющего класса, осуществляющее внешнее управление по отношению ко всему не входящему в нее человечеству, способствует возрождению скрытых, непубличных систем управления, напоминающих по своей природе средневековые ордена.

Они аккумулируют знания, – однако скрытое знание в силу самой его природы умирает, вырождаясь в ритуалы. Поэтому надвигающееся на нас и предвкушаемое частью глобального управляющего класса компьютерное Средневековье будет оставаться компьютерным недолго.

Таким образом, человечество ждет болезненная и глубокая архаизация, сопровождаемая значительными жертвами, – своего рода падение в новые Темные века.

Такова вполне очевидная, тривиальная тенденция.

Мы не знаем, удастся ли человечеству избежать катастрофического движения по этому пути, но должны прилагать все силы для решения этой задачи.

Она двуедина: сохранить технологии и продолжить технологический прогресс, несмотря на сужение рынков (и, соответственно, снижение степени разделения труда), и сохранить гуманизм, остановив общую дегуманизацию.

Представляется, что Россия, даже в сегодняшнем состоянии, является единственной частью человечества, в принципе способной решить эту задачу (и всем здоровым силам человечества стоит помочь ей в этом, потому что «быть способным» – еще отнюдь не значит свою способность реализовать).

С одной стороны, в рамках советского военно-промышленного комплекса был создан колоссальный, во многом сохраненный и даже развитый задел сверхпроизводительных «закрывающих» технологий, отличающихся от традиционных дешевизной, простотой и эффективностью. В настоящее время блокируемые монополиями, после их краха в условиях глобальной депрессии они способны сохранять высокую рентабельность даже на узких рынках.

С другой стороны, наша культура принципиально гуманистична – в силу исключительного значения для нее стремления к справедливости. Стремление к справедливости способствует постоянному предпочтению эффективности с точки зрения общества перед эффективностью с точки зрения отдельной личности или фирмы, что является залогом как коллективного выживания, так и сохранения гуманизма.

И, наконец, русская культура носит принципиально мессианский характер: ее носители не только не живут без сверхзадачи даже в условиях высокого комфорта (это общая особенность человека как биологического вида), но и способны самостоятельно продуцировать эту сверхзадачу, как в комфорте, так даже и на грани гибели.

Это позволяет России всерьез пытаться искать выход из ловушки, в которой находится современное человечество, на пути своего рода «технологического социализма», сочетающего гуманизм и развитие технологий в рамках соединяющего людей «общего дела».

ГЛОБАЛЬНЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ КЛАСС НА АВАНСЦЕНЕ ИСТОРИИ

Анализ развития глобального экономического кризиса и места в нем России будет заведомо неполным без учета формирования в последние полтора десятилетия качественно нового субъекта глобального развития.

Кардинальное упрощение коммуникаций в ходе глобализации объективно способствует сплочению представителей различных имеющих глобальное влияние управляющих систем (как государственных, так и корпоративных) и обслуживающих их деятелей спецслужб, науки, медиа и культуры на основе общности личных интересов и образа жизни. Образующие его люди живут не в странах, а пятизвездочных отелях и закрытых резиденциях, обеспечивающих минимальный (запредельный для обычных людей) уровень комфорта вне зависимости от страны расположения, а их общие интересы обеспечивают частные наемные армии.

Новый глобальный класс собственников и управленцев противостоит разделенным государственными границами обществам не только в качестве одновременного владельца и управленца (нерасчлененного «хозяина» сталинской эпохи, что является приметой глубокой социальной архаизации), но и в качестве глобальной, то есть всеобъемлющей структуры.

Этот глобальный господствующий класс не привязан прочно ни к одной стране и не имеет внешних для себя обязательств: у него нет ни избирателей, ни налогоплательщиков. В силу самого своего положе-

ния «над традиционным миром» он враждебно противостоит не только экономически и политически слабым обществам, разрушительно осваиваемым им, но и любой национально или культурно (и тем более, территориально) самоидентифицирующейся общности как таковой, — и в первую очередь традиционной государственности.

Под влиянием формирования этого класса, попадая в его смысловое и силовое поле, государственные управляющие системы перерождаются. Верхи госуправления начинают считать себя частью не своих народов, а над- и вненационального глобального управляющего класса. Соответственно, они переходят от управления в интересах наций-государств, созданных Вестфальским миром, к управлению этими же нациями в его интересах, в интересах конгломерата борющихся друг с другом глобальных сетей, объединяющих представителей финансовых, политических и технологических структур и не связывающих себя с тем или иным государством, народом, религией. Естественно, такое управление осуществляется в полном пренебрежении интересами обычных обществ, сложившихся в рамках государств, и за счет этих интересов (а порой и за счет их прямого подавления).

На наших глазах и с нашим непосредственным участием мир вступает в новую эпоху, основным содержанием которой становится национально-освободительная борьба обществ, разделенных государственными границами и обычаями, против всеразрушающего господства глобального управляющего класса. Это содержание с новой остротой ставит вопрос о солидарности всех национально ориентированных сил — ибо традиционная разница между правыми и левыми, патриотами и интернационалистами, атеистами и верующими теряет значение

перед общей перспективой социальной утилизации, разверзающейся у человечества под ногами из-за агрессии «новых кочевников».

Практически впервые в истории теряют значение и противоречия между патриотами разных стран, в том числе и прямо конкурирующих друг с другом. Они оказываются незначительными перед глубиной общих противоречий между силами, стремящимися к благу отдельно взятых обществ, и глобального управляющего класса, равно враждебного любой обособленной от него общности людей. В результате появляется объективная возможность создания еще одного, как ни парадоксально, – патриотического Интернационала, объединенного общим противостоянием глобальному управляющему классу и общим стремлением к сохранению естественного образа жизни и суверенитета своих народов.

Большой Ближний Восток: кто является актором?

В силу своего неформального, сетевого и слабо структурированного характера глобальный управляющий класс слабо наблюдаем; его деятельность можно отслеживать в основном по косвенным признакам.

Так, как следует из воспоминаний отставных сотрудников ЦРУ, в 1985 году против общего врага – Советского Союза – сложилась новая глобальная сеть – техасско-саудовский клан, способствовавший снижению мировых цен на нефть и тем самым крушению Советского Союза.

В 2003 году активность этого клана проявилась «в негативной форме»: уничтожение Ирака как суверенного светского государства было невыгодно и США, и Саудовской Аравии как государствам, но принесло

огромные прибыли тесно связанным друг с другом нефтяным сообществам обоих.

Но впервые в явной форме глобальный управляющий класс проявил себя, насколько можно судить, в ходе продолжающейся серии волнений, восстаний и революций на «Большом Ближнем Востоке», в первую очередь в Северной Африке и Сирии. Именно его активность, как представляется, породила бросающееся в глаза противоречие между полной неожиданностью для США событий в Тунисе (которые «дали старт» арабским революциям) и стремительностью их же собственной реакции (от использования материалов *Wikileaks* до распространения профессиональных инструкций для революционеров) на события в Северной Африке в целом.

Причина противоречия в том, что в рамках одной и той же государственной оболочки США сегодня действуют два принципиально различных по своим устремлениям, хотя совпадающие по институтам (а порой и по отдельным людям) субъекта: национальная бюрократия и манипулирующий ей и (во многом «втемную») использующий ее как свой инструмент глобальный управляющий класс.

События в Тунисе стали неожиданностью для близорукой, инерционной и во многом «ситуационно реагирующей» на события, а не активно конструирующей их, национальной бюрократии.

Глобальный управляющий класс, насколько можно понять, готовил их – и с восторгом воспользовался началом революционного процесса.

Причины усилий Запада по дестабилизации Большого Ближнего Востока, а теперь и Украины (при всей объективной остроте проблем этих регионов без этих усилий они сохранили бы стабильность) многослойны.

На поверхности мы видим традиционную логику борьбы за ресурсы. Здесь в рамках общей тенденции

архаизации налицо возврат к логике колониализма, ведшего войны за непосредственный контроль над территориями, в первую очередь – за нефтью и водой Ливии.

Кроме того, налицо месть Каддафи за социализм, а точнее – за трату ресурсов на обеспечение социальной справедливости. Принципиально важно, что не за теракт в Локерби, – сами ливийцы считали его ответным шагом, но Каддафи откупился от Запада, выдав непосредственных исполнителей, заплатив деньги и допустив в Ливию иностранный капитал. Это ярко характеризует вполне средневековый характер правового сознания лидеров «всего прогрессивного человечества»: заплати выкуп – и живи спокойно!

Но при этом не забывай, что ресурсы твоей страны рассматриваются этими лидерами как принадлежащими «всему человечеству», то есть, в переводе на обычный язык, – глобальным корпорациям, чьи интересы они представляют.

И, когда Каддафи платил тысячу долларов медсестре, а 64 тысячи – молодой семье (хотя, разумеется, реальная жизнь была намного хуже официальной рекламы); когда он почти втрое увеличил свой народ за счет создания для него человеческих условий жизни, когда он обеспечивал почти бесплатный бензин, бесплатное образование, здравоохранение и электричество, – он превращал себя во врага отнюдь не столько Чубайса. Делом развенчивая догмы либеральной пропаганды о том, что бесплатной социальной сферы не бывает, он невольно (ибо в последние годы начал вводить в политику серьезные элементы либерализма, из-за чего его поддержка и ослабла) создавал для нее смертельную угрозу разоблачения ее лжи.

Кроме того, делясь нефтедолларами с народом Ливии в значительно больших масштабах, чем мы видим это в России, он лишал этих нефтедолларов западную финансовую систему. Ведь олигарх или коррупцио-

нер, разворовывая деньги народа, выводит их основную часть на Запад, в результате чего они попадают в западную финансовую систему и поддерживают ее существование.

Если же государственный деятель отдает деньги народа самому народу, эти средства остаются в стране и не подпитывают финансовую систему его стратегических конкурентов.

Таким образом, уничтожение «режима Каддафи» было нацелено не только на прямой захват богатств недр Ливии, но и – если это не удастся – на концентрацию доходов от экспорта сырья в руках кучки компрадоров и коррупционеров, которые все равно никуда не денутся и введут эти средства в финансовую систему Запада.

Современная, постмодернистская надстройка традиционной стратегии захвата ресурсов заключается в том, что, если все пойдет наперекосяк, и освоение ресурсов станет невозможным, это не причинит управляющей группе сколь-нибудь заметных неудобств: она просто сменит стратегию, несколько отклонив фокус концентрации своих сил.

Дело даже не в том, что контроль за ресурсами в информационный век важнее их использования, и тот факт, что нефть не принесет прибыли конкурентам, важнее того, что она вообще никому не принесет прибыли.

Прежде всего, она принесет прибыль в качественно новом, информационном смысле: изъятие ресурсов из оборота, создав дефицит, повысит цены – и повысит спрос на доллар, продлив функционирование их все менее контролируемой закачки в мировую экономику.

Но преследование этой выгоды является лишь частным случаем новой стратегии глобального управляющего класса – хаотизации.

Исчерпание стратегии «управляемого хаоса» и ее трагический провал в Ираке оказался плодотворным: он показал возможность и эффективность качественно новой стратегии «неуправляемого хаоса», которую мы видим в Северной Африке и которую мы еще увидим не только в Сирии, но и в Израиле и, возможно, после Сирии – в России.

Логика проста: «в мутной воде можно поймать более крупную рыбу», хаос дает больше возможностей скачком наращивать власть и богатство, а главное – резко менять траекторию и саму логику развития целых обществ. Эмансипация же глобального управляющего класса от стран его происхождения (кроме, возможно, Швейцарии, Ватикана, Люксембурга, Монако и некоторых подобных государственных образований) снимает всякие ограничения на провоцирование хаоса: до яхты Абрамовича «Пелорус» с ее подлодкой и собственным ПВО не дотянутся ни ливийские солдаты, ни японская радиация.

И в этом отношении союз США с радикальными исламистами (которые составляли основу ливийских повстанцев с северо-востока Ливии – региона, где на полторы тысячи человек населения приходится один известный Западу боевик «Аль-Каиды») рационален. Ведь именно исламистские боевики – лучшие хаотизаторы современного мира. Именно поэтому первым признаком этого союза стала «засветка» в американских СМИ переговоров, которые вел вице-президент Чейни еще в апреле 2006 года.

Пока единственной явной неудачей «новых кочевников» стал Алжир: ужас его управляющей системы перед исламским фундаментализмом дал ей иммунитет перед протестами. А ведь развитие его по тунисскому или египетскому вариантам прервало бы поставки газа в Европу, посадило бы ее на «голодный паек» и, вынудив европейцев самим делить друг друга на страны «первого» и «второго» сорта, безжалостно

ограничивая доступ последних к энергии, положило бы конец европейскому проекту.

Но «арабская весна», оборачивающаяся «исламской зимой», не закончена. Вероятно, попытки дестабилизации Алжира еще впереди, а если вторая после Югославии и создания раковой опухоли в виде Косова и косовской оргпреступности попытка торпедирования европейского проекта окончится неудачей, – придет время следующих. Пока же силы сосредоточены на Сирии, где под видом повстанцев сложилась качественно новая военно-политическая сила – не связанные с той или иной страной исламские боевики, своего рода «Иностранный легион» радикального ислама, легитимизированный Западом и пользующийся его всемерной поддержкой, а также на Ираке, где создан прообраз будущего халифата – ИГИЛ, и на отданной нацистам на растерзание Украине.

Последствия «исламской зимы» для России

Обычно при оценке последствий исходят из сугубо бухгалтерских оценок. Считают потери по обещанным, но не заключенным ливийцами военным контрактам, по контракту на строительство железной дороги и иным проектам. Потом говорят: «Но зато из-за напряженности нефть подорожает или не подешевеет». А потом вспоминают, что цена нефти мало связана с благосостоянием народа, так как основную часть нефтедолларов выводит на Запад криминальная бюрократия.

Такой подход, как и всякий бухгалтерский, драматически неполон. Прежде всего, прямая и явная военная поддержка Западом радикальных исламистов против какого-никакого, но законного и признанного тем же Западом режима откровенно пугает. Осо-

бенно если вспомнить массированную информационную (и не только) поддержку, оказывавшуюся тем же Западом исламским террористам в их борьбе против России во время первой и даже второй чеченских войн.

Новая зона нестабильности, особенно Ливия и Ирак, при поддержке Запада легко может стать новой глобальной площадкой для подготовки исламистских боевиков, – неким подобием того, чем была Чечня в годы своей фактической независимости, после подписания предательского Хасавюртовского мира.

Бить «руку кормящую» боевики побоятся, – а значит, Россия может занять в списке их целей заметное место и стать следующим объектом их глобальной атаки после Сирии. Если учесть состояние отечественных «правоохранительных» органов, приходится констатировать: дестабилизация Большого Ближнего Востока (особенно вкупе с воцарением в Афганистане Талибана и возможным превращением таджикской диаспоры в «пятую колонну» Ирана) вполне может аукнуться России новой террористической войной.

Но главное и уже очевидное последствие агрессии – фактически окончательная отмена международного права.

И в Югославии в 1999, и в Афганистане в 2001, и в Ираке в 2003 году это было именно «попрание норм», которое вызывало масштабный протест, в том числе и на самом Западе. «Попрание норм» – значит, было что попирать.

В ходе «исламской весны» никакого протеста не возникло – значит, попирать было уже больше нечего.

Агрессия США и их сателлитов против Ливии показала (а агрессия против Сирии подтвердила): можно просто придумать конфликт, высосать его из

пальца — и на этом основании начать «вбамбливать страну в каменный век».

Можно купить или напугать послов страны, чтобы они остались на ПМЖ и сделали все требуемые заявления, фальсифицировать события при помощи постановочных съемок (которые транслируют глобальные телеканалы, игнорируя реальные новости) и голословно обвинить руководителя суверенного государства в чудовищных зверствах. При этом признавая легитимным руководителем нового ливийского государства бывшего министра юстиции – который, если Каддафи действительно творил какие-то беззакония, должен был нести ответственность за них первым после Каддафи.

Впрочем, даже министр обороны США Гейтс был вынужден признать, что признаков преступлений Каддафи против мирного населения, о которых трубила и западная, и российская пропаганда, не удалось обнаружить ни разведкой, ни самыми изощренными способами технического наблюдения. Разумеется, это отнюдь не остановило пропаганду. Как сказал один из руководителей глобального телеканала, «У нас нет цензуры – у нас есть редакционная политика». После чего помедлил и пояснил: «Она эффективней».

Агрессия против Ливии показала: можно полностью фальсифицировать реальность и на основе этой фальсифицированной реальности протащить через Совет безопасности ООН нужную резолюцию – с грубейшим нарушением регламента (достаточно указать, что представителю Ливии даже не было дано слова!) А затем, когда законное руководство страны возопит о прекращении огня и приеме международных наблюдателей, можно спешно напасть на нее — чтобы наблюдатели не успели прибыть и зафиксировать чудовищную ложь глобальной пропаганды. Напасть, кстати, в прямое нарушение Устава ООН, требующего создания для подобных операций меж-

дународного командования под эгидой ООН и с грубым превышением мандата, – но возмущаться этим уже некому.

Вот в этом отсутствии субъекта протеста – если, конечно, не считать спешно уволенного и разжалованного Медведевым посла России в Ливии Чамова, – и заключается качественная новизна, качественно более высокий цинизм ситуации, который можно определить термином «исчезновение международного права».

Не «попрание», а «исчезновение»: разница велика.

Это исчезновение опасно для России реализацией древнеримского правила «Горе побежденным» и созданием ситуации, когда единственным способом защиты от бомбардировок является не просто наличие ядерного оружия и средств доставки, но и готовности их применить.

Это конец нераспространения: теперь лидера, пытающегося обзавестись собственным ядерным оружием, нельзя обвинить ни в чем, кроме разумной предусмотрительности.

В самом деле: почему никто не смеет тронуть пальцем многократно проклятых Западом Северную Корею и Иран? Потому что у первой есть ядерная бомба, а у второго – радиоактивные материалы, которые могут быть использованы в «грязной» бомбе, и, главное – есть решимость применить это оружие.

А почему Ливию превращают в новое Сомали? – потому что полковник Каддафи в свое время отказался от создания своего ядерного оружия и не построил даже обычной военной промышленности. Аналогичная судьба и по той же причине на наших глазах постигает Сирию и Украину.

Для России особенную опасность в этих условиях приобретают отечественные либералы, непосредственно перед нападением Запада на Ливию заявив-

шие о том, что ядерное оружие России является помехой для модернизации. Это производит впечатление серьезной, фундаментальной информационной подготовки к отказу России от ядерного оружия для ее подчинения внешнему диктату.

Хотя такую позицию, даже при всем желании, нельзя назвать предательством.

Ведь ключевая часть либералов по всему миру осознает себя частью не своей страны, а глобального управляющего класса. Для них предательство – это защита интересов страны и народа их биологического происхождения от притязаний этого класса, в частности, глобальных монополий.

А уничтожение своей страны и своего народа вполне может оказаться для них почетным долгом, исполнением которого они будут искренне гордиться до конца своих дней.

Формула будущего проста: «терпите либералов? – готовьтесь к бомбежкам!»

За ушко да на солнышко?

Но что нового происходит в мире? Что и почему заставило проявиться почти в явном виде глобальный управляющий класс именно сейчас?

Ответ очевиден: мировой экономический кризис. Глобальный рынок породил глобальные монополии: их некому регулировать, им не с кем конкурировать, – и они, как им и положено, загнивают.

Вся мировая финансовая система под истошные крики о намечающемся выходе из кризиса качается на грани глобальной депрессии, в пропасть которой одинаково страшно заглядывать и профессиональным оптимистам, и «соловьям Апокалипсиса».

Страшным звоночком во время паники по поводу Фукусимы стало прямое предупреждение США в

адрес японского государства, чтобы оно и не думало продавать американские гособлигации.

Это уже не пугающий рост доли краткосрочных бумаг – это прямое ограничение ликвидности, балансирующее, по сути дела, на грани технического дефолта. Недаром крупнейшим кредитором правительства США стала ФРС.

Стандартным, позитивным выходом из ситуации загнивания монополий в отсутствие источника внешней конкуренции является технологический рывок, который ослабляет степень монополизации. Но именно поэтому монополии стремятся сдержать технологический прогресс – и надгосударственный всеобщий глобальный управляющий класс выполняет эту функцию. Человечество, поколение назад мечтавшее о космосе и бесплатной энергии, сегодня может рассчитывать лишь на 3D-телевизор, очередной айфончик и диет-колу.

А раз быстрый позитивный выход через технологический рывок невозможен, – наиболее вероятна попытка негативного выхода через либеральную экономию на спичках и ограничение потребления «лишнего населения», что означает сваливание в депрессионную спираль.

Глобальный монополизм непосредственно проявляется через нехватку спроса. Сталкиваясь с ней в условиях, когда генерировать спрос путем увеличения денежной массы становится из-за чрезмерного объема денег уже невозможно, глобальные монополии начинают инстинктивно сокращать издержки. В глобальном масштабе это сокращение потребления населения, которое потребляет больше, чем производит.

Это средний класс, становящийся ненужным из-за распространения сверхпроизводительных постиндустриальных технологий.

После его утилизации, на его костях нынешняя, пусть и несовершенная, демократия превратится в информационную диктатуру, основанную на массовом формировании сознания людей.

И путь к этому не так уж и далек.

Давайте проверим сами себя: за счет управления нашим сознанием при помощи информационных потоков большинство из нас твердо знает, что Каддафи злодей – потому, что глобальные СМИ обвинили его в массовых бомбежках собственных мирных городов и преступлениях по отношению к мирному населению. При этом мы прекрасно знаем, что на самом деле ничего этого не было, а нефтедоллары делились с населением более справедливо, чем, например, в сегодняшней России, – но «осадок остается»: наряду с осознанием лживости обвинений подсознательно мы ощущаем, что Каддафи плох, и защищать его стыдно.

Таково действие современных информационных технологий даже на критическое, осведомленное и не шокированное личными несчастьями сознание. В ходе же «зачистки» среднего класса Запада это сознание будет лишено критичности современной системой образования, запутано информационными атаками и приведено в пластичное состояние личными шоками – разорением.

В глобальном плане массированное формирование сознания приведет к завершению начинающегося сейчас процесса расчеловечивания, расцивилизации: к отказу от суверенитета и самосознания личности, этого главного достижения эпохи Просвещения, и возврату к слитно-роевому ее существованию.

Массовое зомбирование, позволяющее создать ощущение полноценного потребления у человека, почти не имеющего возможности покупать (движение к этому можно наблюдать, например, в современной Прибалтике и Восточной Европе в целом), делает ненужной и рыночную экономику.

Благотворительность – лучший бизнес?

Крупнейшие капиталы предчувствуют, а возможно, и предвидят будущее: в их среде наблюдается отказ от собственно рыночной активности в пользу создания новых правил и стандартов в виде новых культур.

Перенос значительной частью богатейших людей (от Гейтса до Потанина) своей активности в сферу благотворительности совсем не обязательно является формой «ухода от дел», хотя благотворительная оболочка действительно эффективно защищает капитал от налоговых расследований.

Но главное в другом: благотворительность как форма организации деятельности целых направлений некоммерческих организаций является стратегическим бизнесом, стратегическим инвестированием, – не в конкретные производства, а в создание новых стандартов, смыслов, идей и структурообразующих организационных конструкций.

Это самый рентабельный бизнес, качественно новая сфера массовой глобальной конкуренции; СМИ – лишь инструменты трансляции, навязывания, экспансии новых смыслов.

Непосредственно этот переход вызван кардинальным изменением систем управления.

Значение бизнеса по формированию стандартов и стратегий резко выросло в условиях перехода от иерархических систем управления к сетевым. Данный переход никогда не закончится, реальное участие в конкуренции будут принимать сочетания тех и других. На низшем уровне находятся непосредственно действующие сетевые организации, направляемые и отчасти конституируемые иерархическими структурами, находящимися на втором уровне глобального

управления. Но сами они – лишь исполнители воли, приводные ремни сетевых структур, какими являются сгустки глобального управляющего класса.

Степень иерархизации мира резко снизилась – причем как внизу, так и на верху управленческой (и социальной) пирамиды: господа действительно вполне диалектически оказались подобием рабов *(а занимающие промежуточное положение менеджеры «выпали из контекста», что сулит в будущем массу интересных социальных коллизий вроде братания владельца корпорации со студентом-протестантом через голову топ-менеджмента; впрочем, популярные в США сюжеты с эстрадным комиком, ставшим или едва не ставшим президентом, могут быть эхом и этой коллизии тоже).*

В практическом плане снижение степени иерархизации систем управления означает снижение роли старых, внешних для личности, административных рычагов и рамок управления – и потребность в появлении новых рычагов и рамок. Поскольку в рамках сетевой структуры субъект действия ограничивается и направляется не приказами, а собственными представлениями и «духом комьюнити», новая система управления должна управлять в первую очередь его мотивациями и общими правилами.

Она должна формировать стандарты поведения, принципы («что такое хорошо и что такое плохо») и основные смыслы, определяющие состав и приоритеты повестки дня, на основании которой действует и субъект, и организация.

Этим занимаются некоммерческие (в значительной степени аналитические, так как среди «сетевых исполнителей» тоже достаточно НКО) организации, оплачиваемые через благотворительность, – и потому благотворительность стала важнейшей формой стратегического инвестирования.

Рыночные отношения заменяются отношениями по формированию глобальным управляющим классом стандартов, норм и правил, – и это во все большей степени чувствуется и в России.

Либеральный клан: египетский вариант для России

Медведев производит сильное и устойчивое впечатление не более чем «фронтмена» рвущегося к власти в России либерального клана. Скорее всего, он не играет самостоятельной роли и может быть заменен после выполнения «непопулярных» мер в стиле 90-х (о возврате которых грезят либералы) или даже до них, в случае своей неспособности проводить в жизнь интересы либерального клана, – например, на Кудрина (попытка вырастить ему «антисистемную» замену в виде Навального была осознана правящей бюрократией и потому пока потерпела неудачу).

Либеральный клан един в своих официальных и формально «оппозиционных» группах (признак этого – свободный приход либеральных оппозиционеров вроде Н. Белых на государственную службу и сохранение чиновников вроде Кудрина в элите после их перехода в оппозицию) и, насколько можно судить, представляет собой туземную обслугу глобального управляющего класса.

Ставка на Медведева выглядит как ставка на «своего парня», какими бы недостатками он ни обладал, в противовес засидевшемуся и надоевшему своей недостаточной прозападностью «авторитаристу».

Этот выбор полностью аналогичен тому, который глобальный управляющий класс сделал в Египте.

Мубарак был самым проамериканским и произраильским из всех возможных лидеров Египта, – но он надоел и стал выглядеть недостаточно либеральным

по сравнению с каким-нибудь аль-Барадеи (о котором в разгар революции вспомнили ровно на полдня). И верность Западу не помогла Мубараку, – а полная недееспособность либералов, которые оказались ничем на фоне как армии, так и абсолютно чуждого им народа, стала для глобального управляющего класса хотя и неприятным, но в итоге мелким и ничего по сути дела не решающим сюрпризом...

Позиция глобального управляющего класса амбивалентна, как и везде: придет к власти «свой парень» и будет делать, что скажут – хорошо. А если он не удержит стабильность, и возврат политики в стиле 90-х окунет страну в хаос – для глобального управляющего класса тоже нет ничего страшного: в мутной и кровавой воде ловится более крупная рыба.

Приходится констатировать: угроза неизбежного в случае новой русской смуты установления китайского контроля над Сибирью, хорошо воспринимаемая представителями американской национальной бюрократии, в отношении представителей глобального класса не работает. Они мыслят не столько материальными ресурсами, сколько информационными потоками и эмоциями. Вероятно, скачкообразное расширение Китая для них, качественно повысив глобальную напряженность, сулит новые прибыли.

Да, в этом случае США потерпят стратегическое поражение, – но, весьма возможно, глобальному управляющему классу их уже не жалко.

Конечно, китайское руководство, в отличие от американского, не манипулируемо и самостоятельно, – но смена поколений (в результате которого, как в Израиле, «отмороженные» патриоты сменяются получившими западное образование и нацеленными на бонусы менеджерами) меняет ситуацию.

Возможно, глобальный управляющий класс просто вырос, и скорлупа американского национального правительства стала для него нестерпимо тесной.

А может быть, он просто совершает ошибку: ведь, освободившись от государства как такового, он освободился и от части государственных аналитических возможностей, – и его совокупный интеллект, вне зависимости от его масштабов, утратил важнейшее качество – системность.

Но, вне зависимости от причин, результат бесспорен: сегодня именно глобальный управляющий класс сталкивает не только мир в пропасть глобальной депрессии, но и Россию – в хаос новой смуты. Правда, в отношении нашей страны он делает это в полном единстве с правящей бюрократией, неутолимо перерабатывающей биомассу (которую она по праздникам торжественно именует «населением») в личные и временно легализуемые на Западе богатства.

В ЖЕРНОВАХ ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕПРЕССИИ: ОТ ЛИБЕРАЛИЗМА – К ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ СОЦИАЛИЗМУ

Время, брат, идёт... весёлое!
Аркадий Гайдар

Беспомощность либерализма перед лицом глобального кризиса

Представители глобального управляющего класса в своих публичных выступлениях демонстрируют, как правило, либо неспособность осмыслить происходящее с современным человечеством, либо принципиальное нежелание искать приемлемый для него выход.

Их получившие известность высказывания характеризуют либо понимание «конца капитализма», не идущее дальше мучительно напряженного ожидания непонятных катаклизмов и заведомо нереалистичных предложений вроде создания «мирового правительства» или глобального «финансового Госплана», либо уровень фондовых аналитиков, мыслящих исключительно категориями сложившейся финансовой системы. В современных условиях кризиса этой системы, с неотвратимостью ведущего к ее саморазрушению и замене, подобное мышление оказывается не только недостаточным, но и попросту неадекватным – даже с точки зрения тех узких и заведомо частичных целей, которые оно само перед собой ставит.

При всей обидности это совершено естественно: ведь экономическая теория является отнюдь не ору-

дием чистого разума и не средством познания, – вне зависимости от желания ее создателей и адептов, она по самой своей природе, в силу фундаментальной связи экономики с общественным управлением служит интересам той или иной значительной группы влияния.

Либерализм как экономическая идеология, при всей своей примитивности и даже пошлости, обладает колоссальной мощью и притягательностью именно потому, что является инструментом самоосознания и реализации интересов ключевого фактора мировой истории этапа глобализации – глобального управляющего класса.

Фундаментальный посыл современного либерализма, в отличие от XVIII века, заключается в стремлении отнюдь не к индивидуальной свободе и самовыражению личности, но к, по сути дела, исключающему возможность этого обожествлению глобального бизнеса и его интересов. Наиболее значимым практическим следствием является глубоко укорененное убеждение, что национальные государства обязаны служить именно глобальному бизнесу, а если его интересы противоречит интересам национального бизнеса или тем более населения, последние должны в лучшем случае последовательно игнорироваться.

Воспринимая весь мир и его изменения с позиций исключительно глобального бизнеса, современный либерализм, разумеется, в принципе не способен осознать исчерпанность исторических перспектив последнего.

Ведь загнивание глобальных монополий неизбежно, – как ни оттягивай наступление этого момента, – приведет к срыву в глобальную депрессию и разделению глобального рынка на разноуровневые макрорегионы, жестко конкурирующие друг с другом за спрос, капитал и другие ресурсы.

Распад глобального рынка будет означать уничтожение глобального бизнеса как массового явления, определяющего развитие человечества. Большинство корпораций сохранится, их названия и даже собственники останутся почти прежними, – но масштаб их деятельности резко сузится, ограничившись рамками соответствующего макрорегиона, и из глобальных монополий они станут региональными, подпадающими в этом качестве под регулирующее воздействие соответствующих властей.

Это глобальный бизнес по определению больше любого государства и потому, стоя над ним, способен *de facto* (а часто и *de jure*) добиться освобождения от какого бы то ни было реального контроля с его стороны.

Сужение масштабов деятельности изменит соотношение сил между крупнейшим бизнесом и национальными (или макрорегиональными, как в случае Евросоюза) властями, создав для последних реальную возможность восстановить его регулирование. И в условиях ужаса глобальной депрессии они будут просто вынуждены выжать из этой возможности все, что можно, – и даже немного больше.

Таким образом, глобальный бизнес, находившийся на подъеме по крайней мере с послевоенных времен, после Никсона подмявший под себя даже американское государство, уничтоживший своего последнего конкурента – Советский Союз и создавший на его костях принципиально новый субъект истории человечества, – глобальный управляющий класс, – за последние полтора десятилетия превратился из восходящей силы в нисходящую, из прогрессивной (разумеется, исключительно с точки зрения направленности развития человечества) – в реакционную.

До сих пор мы видели его загнивание на примере образующих его экономическую базу глобальных монополий, но последние годы убедительно демон-

стрируют качественно новый этап этого загнивания: неадекватность идеологии глобального управляющего класса, ее бесплодность достигли масштабов, которые становятся очевидными даже для представителей самого этого класса.

Его реакционность стала наглядной, но для него самого мало что изменилось: его лучшие представители всего лишь еще раз убедились в своей неспособности даже не справиться, а хотя бы просто осознать характер происходящих с ними событий.

Однако никакая беспомощность не отменяет базовых, фундаментальных интересов, – и потому глобальный управляющий класс будет отчаянно и неумолимо бороться за них, выглядя не только все более смешно, но и все более страшно. Особенно верно последнее для периферийных, колонизируемых им стран, находящихся, по сути дела, под внешним управлением.

Как будет устроен ад глобальной депрессии?

Мир полон парадоксов.

Революционная новизна, как правило, стыдливо прикрывается лохмотьями традиций.

И наоборот: призывы «построить новый мир на пустом месте», какими бы искренними они ни были, обычно волшебным образом приводят к воссозданию архаичных форм общественного устройства (как, например, колхозы воссоздали общину, а система оплаты труда в сталинском военно-промышленном комплексе – принципы организации артели).

Мир уже потихоньку начинает, до срыва в глобальную депрессию, разделяться на макрорегионы: как обычно, будущее заранее накладывает на нас свой отпечаток. Характерными проявлениями этого служат формирование «зоны юаня» и то, что из всех

стран «большой двадцатки» только Россия не усилила протекционистской защиты своей экономики после 2008 года. Мир, возникший в результате глобальной депрессии, видится сегодня некоторым аналогом возврата к межвоенному периоду с его разделенностью на «сферы влияния» и не просто отчаянной, но и головокружительной, непредсказуемой грызней всех со всеми.

Магистральной тенденцией станет, по-видимому, не возрождение национальных государств, слишком маленьких для макрорегионов, мало способных самостоятельно выжить в условиях обострения конкуренции и слишком разнородных внутренне в силу длительной и масштабной миграции, но частичное восстановление старых империй, хотя бы и под новыми вывесками. Наиболее яркими примерами в этом отношении сегодня представляются Китай и Турция.

Национальные государства будут существовать «в тени» новых империй, в рамках конституируемых ими макрорегионов, в разной, но всегда весьма существенной зависимости от ключевых властей соответствующих пространств.

Государства же, не представляющие принципиального интереса для этих новых империй или важные исключительно как места извлечения природных ресурсов, будут неумолимо хаотизироваться и превращаться в зоны, малопригодные даже для примитивного выживания людей. В этом отношении катастрофы Сомали, а затем и Северной Африки с Сирией и Украиной представляются не только результатом корыстного умысла и спецопераций, но и проявлением новой глобальной тенденции.

Разумеется, макрорегионы будут существенно различаться между собой, прежде всего по глубине интеграции, – и конкуренция между ними будет заключаться в том числе и в недопущении слишком

глубокой интеграции противника, так как она может привести к его неприемлемому усилению.

Например, макрорегион, стихийно слипающийся последние годы вокруг России (с минимальным, как это ни прискорбно, сознательным участием российского государства), будет значительно более слабым и рыхлым, чем целенаправленно выстраиваемая и жестко конструируемая объединенная Европа.

При этом даже наиболее интегрированные макрорегионы будут иметь несколько внутренних «уровней», подобно тому, как Североамериканская зона свободной торговли значительно меньше зоны, которая сохранит доллар в качестве резервной валюты, а еврозона – значительно уже Евросоюза.

Макрорегионы будут отделяться (а порой и отрезаться) друг от друга далеко не только валютными войнами, масштаб и разрушительность которых неизмеримо вырастут по сравнению с современным положением, но и прямыми ограничениями торговли при помощи как тарифных, так и нетарифных методов.

ВТО в этих условиях окончательно превратится в инструмент подавления развитыми странами (в первую очередь Запада) своих конкурентов. Его департамент, занимающийся урегулированием торговых споров, и в настоящее время принимает решения, как правило, в пользу развитых стран, ограничивая доступ всех остальных к правосудию не слабее российской судебной системы. После же срыва в глобальную депрессию он окончательно станет столь же «объективным» – и, по всей вероятности, столь же «авторитетным», – что и Международный трибунал в Гаге.

В конце концов, члены ВТО окончательно прекратят обращать на нее сколь-нибудь серьезное внимание, и эта почтенная еще и в настоящее время организация уже при нашей жизни выродится в хозяйственный аналог позорно беспомощной Лиги наций.

Распад глобального рынка, как и в целом срыв в глобальную депрессию, разорвет многие кооперационные связи, на первом этапе резко сократит масштабы производства и приведет к чудовищным бедствиям, которые вынудят резко ограничить демократические права и свободы даже в благополучных странах.

Использование для этого ограничения принципиально различных методов (в зависимости от культуры и уровня технологического развития) – от «мягких» информационных диктатур, использующих технологии коллективного «промывания мозгов», до традиционных полицейских режимов – весьма существенно повысит внутреннюю разнородность человечества.

В глобальной депрессии каждый макрорегион столкнется с необходимостью поддержания уровня жизни граждан, своей промышленной мощи и обороноспособности. Это будет серьезный вызов, так как производство драматически примитивизируется, причем не только из-за распада кооперационных связей, но и в силу сокращения масштабов рынка сбыта большинства видов продукции, что означает сокращение глубины традиционного разделения труда и, соответственно, уничтожение ряда сложных технологий, требующих для своего сбыта глобальных рынков.

Первичное падение технологического уровня представляется неизбежным – его генеральную репетицию мы в схожих обстоятельствах пережили на руинах Советского Союза в 90-х годах.

Некоторые макрорегионы не справятся с этим вызовом, не смогут остановить вызванную срывом в депрессию деградацию и будут частично поглощены своими более успешными конкурентами, а частично хаотизированы.

Однако некоторые макрорегионы, вероятно, смогут найти выход из положения при помощи освоения

принципиально нового типа технологий, блокируемых сегодня разнообразными монополиями.

Эти технологии, по сути, отрицают своим существованием жесткую рикардианскую обусловленность технологического уровня (с точки зрения задач, которые решал Рикардо, – сопоставления уровня богатства) глубиной разделения труда.

Сочетая за счет своего межотраслевого характера высокую производительность с простотой и дешевизной, они являются порождением совершенно нового этапа научного и технологического развития человечества, наступившего, как обычно, совершенно внезапно как для включенных в процесс исследователей, так и для досужих наблюдателей.

Этот этап характеризуется отнюдь не ставшим привычным нам усложнением картины мира за счет наработки все более локальных, частных знаний. Напротив: его содержание – кардинальное упрощение картины мира за счет объединения и обобщения разрозненный узкоспециализированных достижений.

Переход, пусть даже заведомо частичный и гарантированно неполный, от анализа различных фрагментов окружающего мира к синтезу полученных знаний, схожий с совершенным энциклопедистами, вероятно, временно, но позволит достичь новых технологических высот (и, что немаловажно, восстанавливать прежние достижения) даже в условиях глобальной депрессии.

Эти условия характеризуются значительно меньшими по своим масштабам рынками, с меньшей глубиной специализации (то есть разделения труда), с меньшим масштабом и качеством как образования, так и в целом систем, занятых производством человеческого капитала.

Значительная часть сверхпроизводительных, но при этом относительно простых и дешевых технологий была наработана еще в советском ВПК, что дает

естественные стартовые преимущества России и разрабатывающему ее богатства Китаю. Однако понятно, что эти стартовые преимущества могут и не быть реализованы, и тогда наработки советских специалистов и их российских продолжателей будут реализованы более гибкими управляющими структурами, которые частью сохранятся, а частью сложатся заново в США и Евросоюзе.

Россия же может и не реализовать свои преимущества – просто из-за своего ужасающего положения.

Реальная перспектива России: скольжение в пропасть

Понимание нашего будущего требует осознания лишь двух бесспорных истин.

Первое: мировая цена нефти, как и сырья в целом, в обозримом будущем (в перспективе 2-5 лет) существенно снизится. Вне зависимости от «сланцевой революции», которая уже сейчас болезненно ограничивает российский экспорт, удешевление сырья будет вызвано срывом мировой экономики в глобальную депрессию.

Сегодняшняя дороговизна нефти вызвана тем, что крупнейшие экономики мира компенсируют сжатие коммерческого спроса (следствие загнивания глобальных монополий) наращиванием спроса, определяемого государством (через бюджет и, главное, через эмиссию денег). Помимо долгового кризиса, это увеличивает спекулятивные капиталы (так как деньги просачиваются мимо контроля даже в китайской системе), поддерживающие сегодня рынки сырья.

Они далеко не всесильны: достаточно посмотреть на удешевление золота. Но рынок нефти наиболее спекулятивен по самой своей структуре (мировая цена определяется на очень узком его сегменте, мак-

симально открытом спекулятивным воздействиям) и потому будет поддерживаться спекулянтами до конца, до самого срыва в депрессию, в которой спекулятивные капиталы сгорят первыми.

Этот срыв можно оттягивать, но нельзя избежать – и его вероятность нарастает; вероятно, снижение цены на 20% в период с конца июня по начало октября 2014 года представляет собой начало этого срыва.

Однако – и это вторая очевидная истина – вне зависимости от мировой цены нефти созданная в России воровская модель экономики будет сама по себе с нарастающей силой генерировать внутреннюю напряженность, – до тех пор, пока эта напряженность не разрушит хрупкую уже сегодня социально-политическую стабильность.

Российское государство производит впечатление механизма, исправно перерабатывающего советское наследие (включая биомассу, по праздникам именуемую «населением») в личные богатства правящей тусовки, вывозимые за рубеж и легализуемые в фешенебельных странах.

Все по-настоящему влиятельные группы общества, участвуя в процессе, всецело его поддерживают и считают не чудовищным преступлением против человечества (уже повлекшим для нашей страны не менее тяжкие последствия, чем нашествие Гитлера), а естественным и единственно возможным способом существования России.

Все пороки и недостатки, на которые привычно сетуют аналитики, – коррупция, произвол монополий, искусственная нищета, дебилизация населения, незащищенность собственности, силовой рэкет и прочее, – не более чем естественные внешние проявления этой модели.

Она является несравнимо более самоедской, чем даже позднесоветская экономика, и не допускает

развития в принципе: «сколько страну ни грабь, модернизация не начнется». Поэтому рост экономики замедляется даже при благоприятных внешних условиях, из-за чего средств начинает не хватать для удовлетворения растущих аппетитов всех «групп влияния», которые вгрызаются друг в друга, разрушая систему в целом.

Россия вошла в это состояние саморазрушения, самое позднее, в 2011 году, когда резкое повышение мировых цен на нефть впервые не вызвало ускорения экономического роста и, более того, сопровождалось снижением благосостояния основной части общества. Учет занижения официальной инфляции и уверенного роста благосостояния наиболее богатых позволяет оценить снижение реальных доходов 90% россиян в совокупности не менее чем в 7,5%.

Причина проста: из-за низких темпов роста ключевые группы влияния не могли удовлетворять свои аппетиты по-прежнему, и стали решать проблему за счет бесправного в рамках «сувенирной демократии» населения.

Бессовестный грабеж, да еще в условиях видимого процветания, породил феномен «рассерженных горожан».

Перепугавшаяся власть пошла на попятный: в 2012 году рост официальных реальных доходов ускорился более чем в 10 раз (с 0,4 до 4,2%). Но теперь ресурсов «для распила» стало уже не хватать кланам коррупционеров, – и они стали грызть друг друга, борясь за сократившиеся ресурсы. Внешним проявлением этой грызни стали «антикоррупционные» скандалы, создавшие угрозу правящему классу как таковому и потому быстро спускаемые «на тормозах».

Эти скандалы были борьбой не с коррупцией как явлением, а с коррупционерами, так как были направлены на конкретных лиц и не сопровождались реальными попытками изменить порочные прави-

ла, порождающие коррупцию. Последние, похоже, устраивали почти всех: скандалы вели к замене «чужих» коррупционеров на «своих» в рамках сохранения прежних правил игры.

В 2013 году правящая тусовка осознала, что подавление населения в краткосрочном плане менее опасно (и более приятно) для нее, чем межклановые распри, и вернулась к политике образца 2011 года: падение реальных доходов основной части населения ощущается с лета. Украинская катастрофа и воссоединение с Крымом обеспечили «патриотическую заморозку», которая продержится лишь год – до весны 2015 года.

Таким образом, в ближайшие пять лет России, вероятно, предстоит вместе с миром рухнуть в разрушительную глобальную депрессию (при которой упадут цены сырья и сократится его экспорт).

В те же пять лет России предстоит – уже по сугубо внутренним причинам – сорваться в глубокий системный кризис, в новое Смутное время.

Падение в глобальную депрессию автоматически дестабилизирует нашу страну, но, если ключевым участникам мировой экономики удастся удерживаться на грани катастрофы, поддерживая относительную стабильность, то наша страна сорвется в свой собственный кризис сама, по собственным причинам.

Конкретный сценарий наступления Смуты пока не виден, так как все факторы возможной дестабилизации (удешевление нефти, разрушение советской инфраструктуры, обострение «дружбы народов», межклановые конфликты) не поддаются количественной оценке. Они, безусловно, будут усиливать друг в друга в условиях кризиса, но сценарий его развития во многом определяется тем, какой именно из этих факторов станет его непосредственным катализатором.

Непосредственные задачи России в глобальной депрессии феноменально просты: формирование и развитие своего макрорегиона с максимальным использованием его собственных ресурсов. Развитие за счет внутреннего рынка – универсальное правило выживания в депрессии: никаким иным образом нельзя накопить потенциал для попытки осуществления экспансии на внешние, внезапно закрывшиеся в результате срыва в депрессию рынки.

Россия будет вынуждена решать эту задачу в уникально невыгодных условиях.

На раннем этапе внешнего и внутреннего кризисов сохранится современная ситуация мягкого внешнего управления, вызванная выводом критически значимых активов правящего класса (от денег до детей) за рубеж. Это не только делает его уязвимым перед сознательным давлением со стороны конкурентов, но и, что значительно более важно, способствует размыванию его самосознания: его представители управляют Россией, исходя из интересов не столько своего имущества на ее территории, сколько своего имущества на территории ее стратегических конкурентов.

Разумеется, ужесточение конкуренции и разделение мира, вызванные срывом в глобальный кризис, ужесточит противоречие между интересами правящего класса и его общественной функцией и, вероятно, приведет к утрате им своего влияния на Россию.

Однако этот процесс будет разрушительным, – как в силу естественного сопротивления правящего класса (благодаря которому единое в своих интересах и самосознании большинство российского общества до сих пор не обрело не только своего политического представительства, но даже и простого политического выражения), так и в силу вынужденной реализации им враждебных России интересов.

В результате к тому времени, когда российское общество получит, наконец, возможность обретения

политической власти над собой и выражения своих интересов при помощи государственных механизмов, и страна в целом, и население будут находиться в значительно худшем состоянии, чем сейчас.

В частности, значительная часть международных резервов, вложенная в иностранные ценные бумаги в целях (в том числе) поддержания западной финансовой системы, обесценится из-за естественного падения стоимости этих бумаг в ходе срыва в глобальную депрессию.

Поэтому, какие бы колоссальные резервы и ценой какой бы чудовищной деградации ни накапливала Россия вчера и сегодня, – в критических условиях они нам не помогут. Их реальная функция, насколько можно понять, не имеет ничего общего с официально декларируемой: как честно признал паж либерального клана вице-премьер Дворкович, Россия должна платить за финансовую стабильность США. И она – добавлю – будет продолжать это делать, пока власть над ней удерживает современная правящая тусовка.

Однако до осени 2015 года и мировая экономика, и Россия, скорее всего, еще будут стабильны. Это ставит на повестку дня вопрос если и не о предотвращении надвигающихся кризисов, то хотя бы о минимизации их последствий.

Попытки «увести леммингов» оправданы

Неоднородность правящего класса и обострение грызни внутри него дает шанс разъяснить ситуацию и необходимость перехода от политики воровства к политике развития.

Попытки этого, скорее всего, безнадежны, ибо классовые интересы уверенно доминируют над индивидуальным пониманием. *Достаточно вспомнить, как перед дефолтом 1998 года многие аналитики пыта-*

лись разъяснить либералам опасность катастрофы и необходимость прекращения спекуляций на рынке ГКО.

Либералы видели последствия своей деятельности не хуже непрошеных доброхотов, но не могли остановиться. Каждый понимал: если он просто прекратит воровать, он лишится огромных денег, которые вместо него достанутся его коллегам или, еще хуже, конкурентам. Если же он будет пытаться ограничить механизмы разворовывания бюджета, уничтожающие страну, он станет врагом всего правящего класса и будет в лучшем случае уволен (а то и убит).

Понимание этого вынудило массы либералов, подобно стае леммингов, нестись к финансовой пропасти 1998 года и в итоге увлечь за собой страну.

Классовые интересы, какими бы самоубийственными они ни были, всегда доминируют над индивидуальными пониманиями членов класса: даже если все лемминги без исключения увидят, что несутся в пропасть, – будучи объединенными в социальный организм, они не смогут и даже не захотят остановиться.

Таков важнейший практический урок дефолта.

Применительно к современной ситуации он означает бессмысленность разъяснительной работы среди членов правящего класса: они прекрасно понимают характер и последствия своей деятельности. Периодически наиболее совестливые (или наименее аккуратные) не выдерживают и уезжают за границу, «на пенсию» (или выбрасываются на обочину конкурентами); это ведет лишь к передаче их полномочий другим, менее задумывающимся и потому более удачливым членам этого класса.

Леммингов нельзя остановить; их можно лишь увести в сторону, но это требует переубеждения «главного лемминга», непосредственно направляющего процесс и задающего его рамки.

Некоторые сдвиги в поведении российских властей (назначение ряда разумных министров, перевод С. Глазьева из Таможенного Союза в помощники Путина, поручение Академии наук разработать нелиберальную экономическую программу) вызывает слабые надежды.

И все усилия по повышению адекватности высшего российского руководства (которое в Смуте ждет либо камера в Гааге, либо шариатский суд в Чечне) полностью оправданы.

Вот только надеяться на то, что эти усилия заставят перейти от уничтожения страны к ее развитию, не стоит: вероятность отлична от нуля, но не очень сильно.

Ведь развитие страны означает сокращение воровства, то есть подрыв благосостояния правящего класса. И руководителю, который всерьез озаботится нормализацией России, предстоит объявить войну не на жизнь, а на смерть собственной опоре – тому правящему классу, который создан и выстроен его усилиями, в соответствии с его предпочтениями.

А новую опору, новую социальную базу придется создавать на пустом месте, голыми руками в условиях войны со своими вчерашними друзьями и подельниками, – и совсем не факт, что ее удастся создать.

Более того: развитие России превратит осуществляющего его руководителя в лютого врага не только Запада, но и Китая, так как создаваемые производства будут ограничивать импорт – и перекладывать прибыли (все более ценные по мере приближения глобальной депрессии) иностранных производителей в карманы российского бизнеса.

Важно и то, что деньги, выводимые сегодня из России и поддерживающие финансовую систему Запада, начнут возвращаться обратно. Это будет рассматриваться Западом как диверсия – и караться со-

ответственно, вне рамок какого бы то ни было законодательства.

Таким образом, решиться на отказ от комфортного скольжения в пропасть ради нормализации России трудно и страшно. С точки зрения личного благоденствия руководителя страны это будет означать отказ от гипотетической катастрофы в неопределенном будущем в пользу немедленной и понятной катастрофы прямо сейчас.

Поэтому всерьез надеяться, что «верховный лемминг» озаботится своим долгом и кардинально изменит свою политику, не стоит.

Но стараться и прикладывать для этого все силы необходимо, ибо в истории иногда срабатывают и крайне низкие вероятности. Кроме того, прелесть общественных наук в принципиальной невозможности знать многое из того, что происходит прямо сейчас: многое становится понятным лишь с большим опозданием. Этот «принцип неопределенности» и обусловливает огромную роль личности в истории – и мы не должны опускать руки, так как на карту поставлено слишком многое.

С другой же стороны, в точках исторических переломов даже самое слабое воздействие может оказаться решающим. Каждый из нас может оказаться соломинкой, ломающей спину верблюда, – и мы обязаны использовать все имеющиеся или кажущиеся возможности до последней.

Хотя бы потому, что альтернатива слишком ужасна.

Принципы выживания России

Сторонники лозунга «чем хуже, тем лучше» отличаются либо надежным гнездышком в фешенебельных странах, либо альтернативной интеллектуальной

одаренностью, позволяющей не обращать внимания на неизменную чудовищность российских Смут, сопровождаемых голодом и массовым истреблением людей.

Лозунг «пролетариату нечего терять, кроме своих цепей» не выдержал историческую проверку гражданскими войнами, голодом, эпидемиями и геноцидами: его авторы жили слишком цивилизованно для понимания того, что даже у последнего бедняка можно отнять жизнь.

Смута в завтрашней России будет означать не только социальный и политический, но и этнический конфликт. Поэтому максимальное сокращение ее длительности и разрушительности – категорический императив для всех, кто пытается жить в нашей стране.

С экономической точки зрения задачи предотвращения и прекращения Смуты почти не различаются: базовые меры примерно одинаковы (хотя, конечно, осуществлять их вне хаоса, при сохранении единства страны неизмеримо проще).

Главным дефицитом в условиях глобальной депрессии и распада мирового рынка на макрорегиональные фрагменты будет спрос; единственный способ выживания в этих условиях – развитие не внешних связей, но собственной экономики с максимальным использованием своих ресурсов.

В отличие от многих стран, Россия может развиваться на собственной базе: за счет модернизации инфраструктуры. Неминуемое при срыве в глобальную депрессию удешевления сырья поставит крест на идеологии «энергетической сверхдержавы» (которую и так стараются не поминать после начала «сланцевой революции» в США) и создает реальную возможность ее переработки в идеологию «инфраструктурной державы».

С точки зрения отдельной фирмы вложения в инфраструктуру невыгодны, так как окупаются долгие

десятилетия (именно поэтому так износилась со времен Рейгана инфраструктура США). Поэтому развитие за счет модернизации инфраструктуры возможно лишь исходя из интересов общества – с учетом всей совокупности выгод от роста деловой активности.

Это значит, что главным субъектом экономического развития России сегодня и завтра может быть только государство, причем служить оно должно интересам своего народа, а не чужого глобального бизнеса (интересы которого остервенело отстаивают либералы).

Модернизация инфраструктуры требует резкого ограничения коррупции (иначе деньги будут украдены и уйдут на Запад) и произвола монополий (иначе будет как с медведевским «доступным жильем»: вместо новой инфраструктуры возникнет новый уровень цен).

Вопреки насаждаемым либералами представлениям, ни в том, ни в другом нет ничего принципиально сложного; заботящиеся о своих народах государства давно отработали соответствующие технологии.

Чтобы модернизация инфраструктуры развивала российских производителей, а не их иностранных конкурентов, нужен разумный протекционизм, – хотя бы на уровне Евросоюза. Это значит как минимум пересмотр кабальных условий присоединения России к ВТО или выход из этой организации (бесполезной для страны, экспортирующей сырье и оружие).

Вынужденная модернизация инфраструктуры определяет облик и структуру занимающегося ей общества весьма жестко.

Модернизация как таковая невозможна в условиях рабского труда. Поэтому политика замещения россиян нелегальными мигрантами должна быть заменена политикой сохранения традиционного этнокультурного баланса. Этнические мафии, занимающиеся в том числе работорговлей и наркоторговлей, со всем

своим политическим и юридическим обеспечением должны последовательно уничтожаться в рамках борьбы с коррупцией.

Относительно сложные технологии требуют образованной рабочей силы. Поэтому образование и здравоохранение должны быть доступны для всех (при сохранении массовой бедности – бесплатны для большинства), а государство должно жестко контролировать их качество.

Оно же должно гарантировать экономическую составляющую права на жизнь – реальный прожиточный минимум (различающийся в зависимости от климата и уровня цен), без которого страна неминуемо превращается в концлагерь, а значительная часть населения утрачивает необходимые для модернизации мотивации просто от голода.

Работа в этих направлениях преобразит Россию в кратчайшие сроки и даже в самых бедственных условиях.

А они будут действительно бедственными.

Стоит напомнить: безденежье, разруха, глубокая дебилизация (и в целом деградация) общества, разрушение инфраструктуры и жестокие межэтнические конфликты (вызванные, в том числе, попытками этнических мафий прийти к государственной власти), – вот вполне объективно обусловленные условия, в которых нам предстоит восстанавливать Россию после срыва мира в глобальную депрессию.

Это требует не только заблаговременной проработки необходимой стратегии и сколачивания политико-управленческих команд (без которых наша цивилизация вполне может погибнуть и из состояния «дальневосточной Европы» перейти в положение «Северного Ближнего Востока»).

Это требует предельно ясного понимания главного противоречия сегодняшнего и завтрашнего этапов развития человечества, которое будет всецело опре-

делять как его характер, так и наших противников и союзников.

Противоречие данное, впрочем, представляется простым и самоочевидным: между глобальным бизнесом сегодня и крупным бизнесом, в который он превратится завтра и который будет всеми силами рваться из макрорегионов обратно на глобальные позиции, с одной стороны, и человеческими обществами, объединенными своей культурой и привязанными к своей земле, с другой.

На операциональном уровне – между людьми, считающими, что государство должно служить глобальному бизнесу, и уверенными, что оно должно служить своему народу.

Между либеральными фундаменталистами и всеми остальными, несмотря на их порой патологическое разнообразие.

Указанное противоречие дает нашей Родине хороший шанс даже в самых ужасных внешних и внутренних обстоятельствах.

БРИКС как основа Шестого Интернационала?

Глобальные монополии и их либеральная обслуга категорически отрицают любое обособление от глобального рынка, и в первую очередь обособление, закрепленное государственными институтами. Поэтому они являются не просто эксплуататорами, но и кровными врагами всякого общества, стремящегося к развитию и росту благосостояния: эти процессы должны быть исключительной привилегией самих глобальных монополий и обслуживающих их «эффективных менеджеров». Остальная же человеческая масса приговорена их неумолимой коммерческой логикой к деградации и утилизации в их персональные и корпоративные богатства.

На фоне этого неукротимого в силу своей объективной обусловленности людоедства теряют значение разногласия и даже противоречия предшествовавших эпох, – примерно так же и по тем же причинам, по которым они теряли значение в гитлеровских лагерях уничтожения.

Левые и правые, атеисты и фанатики, националисты и интернационалисты, евреи и антисемиты, интеллектуалы и гопники равно не имеют никакой самостоятельной ценности перед останавливающимся, но еще всесокрушающим катком глобального бизнеса и равно рассматриваются им не более чем полуфабрикат для извлечения прибыли.

Общий враг, причем сознательный, последовательный и органически не способный к каким бы то ни было компромиссам, создает естественную почву для объединения против него.

Содержанием мировой истории ближайшего десятилетия станет национально-освободительная по своей сути борьба самых разных народов за свой реальный суверенитет, против «железной пяты» глобальных монополий, – борьба, которой срыв человечества в глобальную депрессию принесет трагическую победу.

Общность интересов в этой борьбе создает основу для парадоксального союза патриотов разных стран, в том числе и конкурирующих друг с другом. Ведь, конкурируя, они в силу своих патриотических взглядов все же не отрицают права на существование друг друга, в то время как глобальный бизнес считает чудовищным извращением любое обособление какого-либо общества от его разрушающего (на сегодняшнем этапе развития человечества) влияния.

При всей парадоксальности нечто подобное бывало даже в относительно недавней истории.

Оставив за рамками антигитлеровскую коалицию в силу как очевидности, так и исторической скоро-

течности этого примера, вспомним, например, «Священный союз» – объединение монархий Европы первой половины XIX века в общем противостоянии сначала Наполеону, а затем тогдашней революционной волне.

При всем цинизме и страхе, с которыми европейцы эксплуатировали романтизм Николая I, «Священный Союз» деятельно и эффективно отстаивал фундаментальные монархические принципы. Своими частными интересами жертвовала не только Россия, но и – иногда – некоторые его европейские участники (хотя бескорыстное служение этой идее Николая I и привело его к личной и государственной катастрофе в ходе Крымской войны с укрепившимися благодаря его помощи союзниками).

Современным аналогом «Священного Союза» может стать БРИКС.

Постмодернистски анекдотическое появление этого объединения, «для красного словца» выдуманного фондовым аналитиком на основании случайного кратковременного сближения формальных параметров, не должно заслонять от нас длительности его существования и возникших в этой первоначально придуманной структуре серьезных партнерских отношений.

БРИКС оказался устойчивым объединением и даже включил в себя Южную Африку именно потому, что в него вошли страны, способные к самостоятельному развитию и не принимающие в силу этого либеральную идеологию глобального бизнеса. Даже самые компрадорские руководители этих стран готовы сотрудничать с глобальными монополиями лишь на правах младших партнеров и совершенно не согласны на желательное для тех (просто в силу стремления к максимизации прибыли) бесправное положение младших менеджеров.

Это не просто столкновение корыстных амбиций – это обособление в пока еще едином глобальном рынке весьма значительных кусков, которые оказываются не по зубам даже могущественному глобальному бизнесу.

Это слабые и не сознающие себя, но тем не менее достаточно стойкие и уже нащупавшие друг друга зародыши будущего, которые в совокупности, несмотря на всю глубину различий между ними (а отчасти, возможно, и благодаря ей) способны оказать определяющее влияние на формирование новых правил игры и в целом архитектуры мира после его срыва в глобальную депрессию.

Технологический социализм: альтернатива новому Средневековью

Российские мыслители, – в частности, М. Хазин и А. Фурсов, – каждый по-своему, но в принципе в один голос указывают, что завершение глобального проекта либерализма с исторической точки зрения вполне закономерно совпало с его победой.

В 1991 году уничтожением Советского Союза было завершено формирование единого глобального рынка, – и уже в 1994 году мексиканский кризис сигнализировал о начале проблем, связанных с загниванием глобальных монополий.

Стратегическая исчерпанность либерального проекта стала очевидной миру уже в ходе долгового кризиса развивающихся и неразвитых стран в 1997-1999 годах.

Срыв в глобальную депрессию ставит на повестку дня существование не одной лишь только России, но и всего человечества как такового.

В частности, становится непонятно, как в принципе удастся развивать технологии в условиях умира-

ющей системой кредитования, да еще и без военной угрозы, которая одна создает должные стимулы по их развитию?

Более того, непонятно, как вообще сохранять технологии в условиях кризиса науки и образования, вызванных кризисом современного знания как такового из-за снижения познаваемости мира.

В США, например, накопленная инфраструктура уже обветшала, так как общественные блага (и, соответственно, общественные усилия) нерентабельны с точки зрения фирмы, – а ведь разрушение технологической инфраструктуры будет означать быструю примитивизацию жизни и радикальное сокращение численности человечества.

Если подниматься на философский уровень – как сохранять человеческий облик в ситуации, когда господствующая идеология либерализма принципиально отрицает мораль как таковую (яркой иллюстрацией этого служит неожиданно истерическая реакция Чубайса даже на простое упоминание Достоевского), а резкое ухудшение условий жизни создает сильнейший соблазн отказа от моральных норм, сохраняющихся «по инерции»?

Решение этих проблем представляется взаимосвязанным, ибо сохранение технологий и их развитие позволит сохранить и даже повысить массовый уровень жизни, что, в свою очередь, создаст предпосылки для предотвращения расчеловечивания.

И, напротив, падение уровня жизни – даже временное – может привести к падению численности специалистов ниже критического уровня, утрате технологий и срыву человечества в новые «Темные века» даже не по социально-политическим, а по сугубо кадровым и технологическим, материальным причинам.

Уникальность России – и ее главный в настоящее время исторический шанс – заключается (разумеет-

ся, среди прочего) в русской культуре (понимаемой в широком смысле этого слова, как образ действия и мировосприятие), созидающей нашу цивилизацию.

Эта культура является в настоящее время единственной культурой мира, которая одновременно и отрицает либеральный идеал вседозволенности (с основой на справедливость, то есть на мораль), создавая возможность сохранять человеческий облик даже в тяжелейших условиях, и имеет серьезнейший опыт развития технологий. При этом исторически технологии развивались носителями этой культуры преимущественно не на частной, а на государственной основе (задолго до Советской власти, еще на казенных оружейных мануфактурах), — что в условиях депрессии представляется единственно возможной формой устойчивого развития общества.

Особенности русской культуры могут позволить нашему обществу выковаться под ударами глобальной депрессии и внутренней Смуты в новое общественное устройство – своего рода «технологический социализм», объединяющий требуемые современному человечеству больше всего технологический прогресс и гуманизацию на основе отказа от эксплуатации человека человеком как основы человеческого общества.

Разумеется, и эксплуатация, и рынок останутся, как сохранялись они и при обычном социализме (не стоит забывать, что даже в 1938 году малый бизнес, выражаясь современным языком, давал 12% промышленного производства СССР), – но основой экономической жизни общества будут отношения индивида с обществом в лице государства, а не отношения индивидов между собой.

Этот наиболее экономичный способ организации как нельзя лучше соответствует вынужденно спартанским условиям глобальной депрессии и будет в разных формах и в разной степени вынужденно при-

нят большинством макрорегионов, — но лишь для нашей культуры он окажется одновременно органичным и позволяющим продолжать технологический прогресс.

Данная перспектива, кстати, создает объективную потребность тщательного изучения управленческих и социальных технологий и механизмов сталинского Советского Союза, сумевшего весьма эффективно стимулировать технологический прогресс далеко вне зоны применения насильственного принуждения.

* * *

Итак, наши перспективы неутешительны, — но человеческой природе свойственно переживать и бояться.

Мы принадлежим к поколению, которому выпало переживать и бояться не фантомов и эгоистических мелочей вроде воспетого ранним Маяковским гвоздя в сапоге, а действительно колоссальных катаклизмов, которые изменят облик не только наших стран и народов, но и всего человечества.

В определенной степени это историческая удача и, как бы дорого нам ни пришлось платить за нее, будем помнить: если бы предстоящих нам кошмаров не случилось, мы все равно страдали бы и переживали, — вот только по несравнимо менее значимым причинам.

Нам придется прожить свою жизнь всерьез: постараемся же сделать это надолго.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Слово «эффективность» истрепали до последней степени – хуже, чем «партию». Дошло до того, что словосочетание «эффективный менеджер» стало ругательством, синонимом наглого и разрушительного вора-либерала и имеет к своему первоначальному буквальному значению не большее отношение, чем какие-нибудь «трудолюбивые соотечественники» (политкорректное обозначение нелегальных и не способных к интеграции мигрантов).

Ведь эффективность – одно из фундаментальных понятий экономики, которая как наука изучает именно эффективность использования ограниченных ресурсов, – то есть то, как использовать их наилучшим образом.

Как и у других наук, у экономики есть свои особенности.

Прежде всего, плохого экономиста можно почти безошибочно выделить из их общей массы: в силу самого характера науки, диктующей определенный склад мыслей, хороший экономист в принципе не может быть беден и точно знает, что экономика, при всей ее важности, не является главной в жизни – ни общества, ни отдельной личности.

Как и остальные гуманитарные науки, экономика не является наукой в строгом смысле слова. Ведь этот смысл категорически требует повторяемости результатов эксперимента, проводимого в одних и тех же существенных условиях, – а в экономике добиться этих «одних и тех же существенных условий» практически невозможно даже для нескольких отдельно взятых предприятий, не говоря уже о нескольких странах.

Таким образом, с точки зрения точных, естественных наук экономика значительно ближе к искусству (или, под горячую руку, к шарлатанству), чем к благородной деятельности по познанию окружающего нас мира.

И в этом подходе действительно есть здравое зерно.

Что уж говорить, когда даже фундаментальное понятие экономики – эффективность – не является универсальным, а полностью зависит от изучаемого явления! Она всецело зависит от избранного критерия, который, в свою очередь, определяется простой точкой зрения.

Принципиальная граница проходит между частными и общими интересами: очень часто эффективное для одних требует беспощадного разрушения эффективности с точки зрения других.

Так, грабеж на большой дороге (или приватизация, или финансовые спекуляции, или либеральные реформы, или наркоторговля) может быть (и обычно является) восхитительно эффективным с частной точки зрения осуществляющих их групп, – однако с точки зрения общества в целом они не только не эффективны, но даже разрушительны.

С другой стороны, строительство инфраструктуры или поддержание социально значимых производств обычно неэффективно с точки зрения непосредственно эксплуатирующих их фирм, – в отличие от общества в целом.

Классическим примером является Транссиб, даже первая очередь которого окупилась с точки зрения железнодорожников (исходя из сравнения оплаты перевозок с расходами на строительство) лишь через полвека, – как раз к началу коллективизации. Понятно, что с точки зрения общества кумулятивный эффект от качественного роста деловой активности в результате его функционирования окупил затраты несравни-

мо раньше, — не говоря о том, что без него удержать в составе России Дальний Восток, а также, вероятно, Забайкалье и Восточную Сибирь было бы весьма затруднительно.

Другим примером эффективного с точки зрения общества, но категорически неэффективного с точки зрения фирмы является Подмосковный буроугольный бассейн. Вскоре после его закрытия при Хрущеве в связи с очевидной нерентабельностью ущерб, наносимый возникшей из-за массового безделья населения преступности, существенно превысил экономию, — и эксплуатацию истощенных месторождений пришлось возобновить на время создания альтернативных рентабельных производств.

Таким образом, эффективность принципиальным образом зависит от точки и масштаба зрения.

С момента формирования после Вестфальского мира современных государств эффективность общества, как правило, решительно доминировала над эффективностью фирмы, — просто потому, что общество в лице государства было гарантированно мощнее почти любой, сколь угодно крупной и эффективной, корпорации, легально действующей на его территории.

Формирование глобального бизнеса как политической силы, начавшееся на основе американских корпораций в ходе Второй мировой войны, начало принципиально менять баланс сил: совокупность корпораций начала становиться заведомо сильнее слабых государств и, по крайней мере, равноценной сильным.

Победа глобального бизнеса над традиционным государственно-монополистическим капитализмом, ознаменованная свержением представителя последнего Никсона, открыла дорогу «либеральной революции» Тэтчер и Рейгана: став инструментом в руках глобального бизнеса, государства просто вынуждены

были не просто принять идеологию более сильного субъекта глобальной конкуренции, но и провозгласить ее в качестве единственно возможной.

Это облегчалось и естественной в условиях структурного кризиса конца 70 – начала 80-х экономией средств, и общим противостоянием западных государств и глобального бизнеса с принципиально несовместимой с ними советской цивилизацией.

Она прекрасно сочеталась с традиционным государственно-монополистическим капитализмом (отсюда, кстати, и вся доктрина «мирного сосуществования»!), потому что, как и он, исходила из приоритета общественных интересов над частными. *(Просто этот принцип проводился с разной степенью последовательности и с разным пониманием сути общественных интересов.)*

В то же время советская цивилизация (как и традиционный государственно-монополистический капитализм) оказалась принципиальным, несовместимым антагонистом глобальному бизнесу – именно потому, что последний исходил из приоритета частных интересов, из понимания эффективности как эффективности исключительно фирмы. Понимание эффективности с точки зрения общества мешает глобальному бизнесу получать сверхприбыли и потому рассматривается им (и его многочисленной обслугой) как абсолютно неприемлемая ересь, подлежащая полному уничтожению.

Либеральный фундаментализм в соответствии с интересами глобального бизнеса рассматривает в качестве единственно возможного критерия эффективности эффективность с точки зрения фирмы, принципиально отвергая под истерически идеологическими предлогами саму возможность ее анализа с точки зрения общества.

Это вполне закономерно: с одной стороны, современный либерализм исходит из обязанности го-

сударства служить не своему народу, а глобальному бизнесу, а с другой – это вызвано изменившимся соотношением сил: глобальный бизнес стал больше и сильнее всех без исключения традиционных государств.

Сегодняшний экономический кризис, выхода из которого нет, и который приведет мир к срыву в глобальную депрессию, во многом вызван именно последовательным и тотальным применением заведомо несовместимого не только с человечностью, но и с человечеством понимания эффективности исключительно как эффективности с точки зрения фирмы.

Применение заведомо частных критериев в качестве всеобъемлющих является распространенной, политически естественной, но исключительно разрушительной логической ошибкой.

То, что фирмы стали очень большими и мощными, не меняет характера их деятельности: они ориентированы исключительно на получение прибыли любой ценой – и, действуя таким образом вне какого бы то ни было регулирования (так как регулировать их на глобальном уровне просто некому), вполне способны разрушить нынешний хрупкий, относительно цивилизованный и гуманистичный мир, выбросив его в новые Темные века.

Если человечество хочет выжить, оно должно вернуться от оценки мира с точки зрения фирмы к более естественной точке зрения общества. Возврат к адекватности – условие выживания, и в ходе этого возврата не стоит обращать внимания на отдавленные мозоли и негодующие вопли страдающих миллиардеров.

Содержанием начинающейся эпохи становится новая национально-освободительная борьба народов против внешнего угнетения, – осуществляемого, однако, не военным оккупантом, а экономически доминирующим глобальным бизнесом и его поли-

тическим проявлением – глобальным управляющего класса, перерабатывающим и «всасывающим» в себя компрадорские части нынешних государств и еще вчера национальных элит.

Нынешний мировой порядок, по сути, является аналогом послевоенного американского неоколониализма – применяемым, однако, по отношению не только к слаборазвитым странам, но ко всем странам (за исключением разве что Китая), начиная с наиболее развитых США, Японии и Германии.

Возможность борьбы с этим порядком дает глобальный кризис.

Загнивание глобальных монополий, не имеющих в силу своей глобальности источника внешней конкуренции и успешно тормозящих, в том числе злоупотреблением правом интеллектуальной собственности, технологический прогресс (чтоб он не создал им жизнеспособной альтернативы), неминуемо сорвет мир в новую чудовищную депрессию.

Главный дефицит в условиях депрессии – это спрос. Естественная реакция на нее любого государства – усиление протекционистских мер для использования своего спроса в интересах своего общества (то есть для защиты национальных рынков). Несмотря на все влияние глобального управляющего класса, после обострения кризиса осенью 2008 года единственная страна «большой двадцатки», не усилившая защиты своего рынка, – это Россия, еще и вступившая в ВТО на кабальных условиях. Хотя на словах протекционизм все, разумеется, осуждают с энтузиазмом монахинь, выступающих против добрачного секса.

Тем не менее, неизбежное усиление протекционизма в условиях глобальной депрессии медленно и неравномерно, но разорвет глобальный рынок на отделенные друг от друга макрорегионы, – и тем самым разрушит сегодняшнюю систему глобальных

монополий. Их масштабы и, следовательно, влияние сократятся, дав возможность народам вернуть государства в свои руки и вновь начать развиваться в своих собственных интересах, а не ради прибылей не имеющего к ним отношения глобального бизнеса.

Сегодня это кажется фантастикой, но завтра станет реальностью – и готовиться к действиям в этой реальности надо уже сейчас, не теряя времени.

Одним из ключевых элементов предстоящей нам идеологической революции (естественным образом предшествующей революции политической, экономической и социальной) представляется возвращение от понимания эффективности с точки зрения отдельной компании к ее оценке с точки зрения всего общества.

Чем быстрее мы сделаем этот самоочевидный, но неприемлемый для правящей и владеющей Россией тусовки шаг к здравому смыслу, тем меньшие потери мы понесем в ходе глобальной депрессии и тем быстрее преодолеем ее неизбежно разрушительные последствия.

НОВОЕ БЕЗДЕНЕЖЬЕ. 15 ЛЕТ ДОРОГОГО СЫРЬЯ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ: НАЧИНАЕТСЯ ЭРА ДОРОГИХ ТЕХНОЛОГИЙ

История циклична: все повторяется, хотя всякий раз и по-иному.

Эпоха дорогого сырья, начавшаяся повышением мировых цен на нефть в мае 1999 года, заканчивается на наших глазах: несмотря на беспрецедентную накачку спекулятивных (как финансовых, так и сырьевых) рынков дешевыми деньгами, сырье в целом перестало дорожать, – а во многих сферах начало уверенно дешеветь.

Наиболее сильное впечатление произвел «звоночек» на рынке угля, цена которого снизилась с максимального уровня, достигнутого во II квартале 2011 года, более чем вдвое. Причины вполне прозрачны: помимо типичного для сырьевых рынков в целом общего перепроизводства, это резкое сокращение импорта Индией и «сланцевая революция» в США (которая снизила внутренние цены на него, из-за чего американский уголь «пошел в мир» и экспортируется сейчас даже в Европу).

Нефть и газ пока держатся (в странах Европейского Союза цена на вожделенный тамошними либералами спотовый газ и вовсе превышает цену на трубопроводный газ из России, что временно притормозило агрессию против «Газпрома»), но в целом им осталось всего лишь около трех лет, – пока Южная Корея не достроит уже заложенные газовозы для экспорта американского сжиженного газа. То, что после этого «национальное достояние» России превратится в курицу (пусть даже и очень большую) с отрезанной

головой – забота тех, кому на самом деле служит это «достояние», однако снижение цены газового экспорта в Европу примерно на треть представляется практически неизбежным.

С нефтью же и того проще: понятно, что удешевление угля и газа «потянут» ее за собой, – а снижение ее мировой цены даже до 60 долл. за баррель по своим последствиям будет сопоставимо для нынешней модели российской экономики с выстрелом из гранатомета в висок.

Но дело далеко не ограничивается энергоносителями.

С весны 2011 года мировые цены стального полуфабриката и плоского проката снизились примерно на четверть, сортового проката – на одну шестую. Никель за то же время подешевел более чем вдвое, олово и алюминий – примерно на треть (причем запасы последнего в мире существенно превышают годовое потребление, и перспектив их сокращения не видно), медь – примерно на 30% (при том, что она активно скупается китайскими фирмами как залог для внутреннего неформального кредитования), свинец и цинк – более чем на четверть.

Пугающе – более чем в полтора раза относительно максимального уровня – подешевело даже золото, являющееся, разумеется, в первую очередь не «сырьем для электротехнической промышленности», а средством накопления сокровищ и сакральным металлом всей рыночной экономики.

Скандал со «ссорой хозяйствующих субъектов» вокруг «Уралкалия» привлек внимание к относительно небольшому, но весьма показательному калийному рынку. Только уже осуществляемые в этой сфере инвестиционные проекты (как крупные, так и незначительные) обеспечивают увеличение производства примерно на треть в течение ближайших трех лет, – без каких-либо признаков увеличения спроса. При этом значительная

часть реализуемых проектов уже прошла «точку невозврата»: останавливать их на полпути будет значительно дороже, чем продолжать осуществлять даже себе в убыток. Понятно, что это обрекало калийный рынок на обвальное падение цен, которое всего лишь приблизили арест Баумгертнера и весьма убедительная поддержка Интерполом преследования Белоруссией руководства «Уралкалия».

Все перечисленное представляется отнюдь не случайностью, не разовым колебанием, а новым этапом развития мира, как минимум – новым хозяйственным циклом этого развития. Непосредственная причина удорожания сырья – торможение Китая – лежит на поверхности, но ведь и оно вызвано не столько внутренними трудностями Поднебесной, сколько ограничением прироста внешнего спроса из-за сползания мировой экономики к глобальной депрессии.

Понятно, что неизбежный (по крайней мере, насколько об этом можно судить сегодня) срыв в глобальную депрессию усугубит перепроизводство основных видов сырья и, соответственно, усилит тенденцию к снижению цен на него.

Принципиально важно, что идущее уже более трех лет удешевление сырья дает и глобальному, и национальному бизнесу четкий сигнал, подлежащий быстрому и беспрекословному исполнению: в соответствующие отрасли уже перестают вкладывать деньги. *(Яркими примерами служат мораторий Катара на освоение новых газовых месторождений на шельфе и фактический отказ России от освоения Штокмановского месторождения.)*

Во всем мире наиболее продуманно относящиеся к своему будущему предприниматели уверенно переносят центр тяжести своих инвестиций с освоения месторождений сырья и приобретения перерабатывающих мощностей в новые технологии. Исключения вроде рынка сланцевых газа и нефти США лишь

подтверждают правило, – и наиболее передовую часть мира, несмотря на всю косность и загнивание глобальных монополий, вполне вероятно, ждет новый технологический рывок, новый этап преобразования повседневной жизни новыми технологиями.

Сделанные в эти технологии инвестиции надо будет окупать, – и, несмотря на свою растущую производительность, высокотехнологичная продукция (и особенно инструменты управления обществом и людьми, находящиеся «на острие» современного прогресса) через некоторое время начнет дорожать относительно сырья. Тенденция их относительного удешевления, проявившиеся в последние десятилетия, развернется вспять, и интеллектуальная рента возьмет не обладающую ею часть человечества за горло.

Да, через некоторое время злостное и повсеместное злоупотребление монопольным положением под видом реализации права интеллектуальной собственности приведет к массовому распространению дешевых, общедоступных и при этом сверхпроизводительных технологий, блокируемых сегодня глобальными монополиями и национальными бюрократиями.

Да, через одно-два десятилетия, когда мир ощутит последствия перетока инвестиций в технологии в ущерб разработке сырья, дефицит последнего переломит ситуацию: цены пойдут вверх, вслед за ними потянутся и инвестиции, – и после реализации соответствующих проектов цикл повторится вновь.

Но до всего этого еще надо дожить.

А в ближайшие годы нас, скорее всего, ждет эпоха удешевления сырья, в которой Россия столкнется с резким сокращением доходов от практически всего своего экспорта, включая продукцию первого передела и стремительно устаревающее оружие (при наглядной утрате способности производить его значительную часть). *А ведь наша страна сгибается уже*

сегодня, — «всего лишь» под грузом собственных проблем (тотального произвола коррупционеров и монополистов): экономический рост тормозится и скоро перейдет в спад, а колоссальное увеличение инвестиций прошлого года сменилось их нарастающим сокращением.

«Вечно вчерашние» эксперты, которые в этих условиях продолжают, как и в начале прошлого десятилетия, призывать к разработке стратегии по инвестированию нефтедолларов в разработку и реализацию современных технологий, попросту опоздали: пока эта стратегия будет разработана (а опыт пароксизмов медведевской «модернизации» показывает, что этого может и вовсе не произойти), нефтедоллары кончатся.

И новое поколение гайдаров, чубайсов и кириенок, пригревшееся на экспортных потоках, без тени колебания и угрызений совести вывернет наши карманы и торжественно объявит: «Деньги кончились!» *Строго говоря, этот процесс уже начался, причем задолго до исчерпания резервов: чего стоят истошные вопли об отсутствии денег в бюджете, неиспользуемые остатки которого (свыше 8,5 трлн. руб.) превышают семимесячные расходы (то есть семь месяцев можно не собирать налогов и таможенных взносов, и никто, кроме казначейства, этого не заметит). Урезание социальных расходов и программ развития (но ни в коем случае не производящих впечатление откровенно воровских «имиджевых проектов»!) в этих условиях призвано, похоже, лишь прикрыть вполне возможную финальную операцию по «уводу» из страны заметной части ее собственных резервов.*

Беда не в том, что надвигающийся катаклизм практически неизбежно приведет к концу правящей и владеющей Россией тусовки, грабящей советское наследство и перерабатывающей сам народ нашей страны в личные богатства. Этих людей давно уже не

жалко никому – даже, судя по их поведению, им самим.

Беда в том, что предстоящий катаклизм будет довольно длительным и может привести к концу самой России, ибо наша неготовность к такому развитию событий очевидна.

Наши технологии, созданные в лучшем случае в 80-х годах, будут так же безнадежны и беспомощны в уже близком высокотехнологичном будущем, как нынешние РВСН – в ситуации масштабного применения высокоточного оружия в сочетании с четырехуровневой американской ПРО.

Смена «эпохи дорогого сырья» «эпохой дорогих технологий» – стратегический вызов, ответа на который сегодня еще просто не существует (по крайней мере, в нашей стране).

Действовать в новых условиях и искать выход из технологической ловушки, в который загнали Россию четверть века национального предательства и разрушительных либеральных реформ, придется новому поколению руководителей, фамилий которых мы еще даже и не слышали.

Но, чем раньше мы начнем думать о предстоящем стратегическом кризисе, тем выше вероятность того, что российская цивилизация не погибнет в нем, а в очередной раз превратит этот кризис в катарсис, преодолев его и выйдя за счет этого преодоления на качественно новый уровень.

ТЕХНОЛОГИИ НОВОГО МИРА УЖЕ ПРЕОБРАЗУЮТ НАС

Главное в будущем – то, что оно уже наступило.

Ведь что такое «сланцевая революция», из-за которой США стали крупнейшим в мире производителем газа (и с 2016 года станут его значимым экспортером) и летом 2014 года впервые за 40 лет начали экспорт нефти (снизив зависимость от нее с 60 до 30%)?

И бурение, и геофизика остались прежними: старые результаты подвергают изощренному компьютерному моделированию.

Чтоб пробурить одну шахту, нужно десяток его сеансов, – и еще вчера мертвая порода рождает газ и нефть.

В середине 90-х в «ЛУКОЙЛе» обнаружили: информатизация добычи резко повышает отдачу. «Интеллектуальная скважина», как это было названо, стала предвестием, – а новая эра наступила аж в 2010 году.

Интеграция информационных технологий с индустриальными качественно преобразует последние.

Вызванные этим перекройка энергетической карты мира, масштабная замена газа в Европе углем, изменение баланса сил в глобальной конкуренции, – не более чем детали.

Ведь за первой технологией новой эры пойдут другие.

Вторая уже на подходе: 3D-принтеры, на которых можно «напечатать» почти что угодно. Технология создана в начале 90-х, искусственно сдерживалась патентными ограничениями, – но плотину потихоньку размывает.

«Напечатанная» винтовка еще в 2013 году сделала в США восемь выстрелов (а ведь часто достаточно одного).

В 2014 году великий дизайнер Филипп Старк открывает магазин трехмерной печати мебели в Сан-Паулу (Бразилия).

Через несколько лет цена трехмерной печати многих товаров сравняется с ценой их промышленного производства, – и вместо мебели или посуды вам на дом привезут 3D-принтер, который, покряхтывая, изготовит их у вас на глазах.

Дизайнеры, инженеры и программисты, конкурируя с мириадом любителей, будут разрабатывать стандартные модели изделий и программы их печати, – а мы будем выбирать их в Интернете и на выставках.

Последствия понятны: деиндустриализация Китая и Юго-Восточной Азии, перенос огромной части производства к потребителю.

Но это лишь вторая из великих технологий, – а их будет много.

Ведь новые технологии вызываются к жизни из «загашников» инженеров и корпораций не вечной жаждой прибыли, а логикой глобального кризиса.

Загнивание глобальных монополий сорвет мир в новую депрессию, которая будет хуже Великой, начавшейся в 1929 году.

Тогда монополии гнили порознь в пяти макрорегионах: США, Британская империя, объединенная (в тот раз Гитлером) Европа, Советский Союз и японская тихоокеанская «зона сопроцветания». Война взломала три из них, сократив число макрорегионов до двух: американский Запад и советский «социалистический лагерь». Благодаря расширению в обоих усилилась конкуренция, и монополии получили новые пространства для освоения.

Наше поражение в холодной войне привело к захвату советского макрорегиона американским.

Два десятилетия монополии Запада, становясь глобальными, осваивали новые ресурсы.

Но это время кончилось: они вновь загнивают, а расширять рынки некуда: глобальный рынок один и охватывает весь мир.

Предстоящая нам новая, глобальная депрессия будет сопровождаться не укрупнением, а, наоборот, распадом большинства глобальных рынков на макрорегионы. (Хотя часть глобальных рынков сохранится – например, мобильной связи и Интернета).

Новая депрессия будет качественно отличаться от Великой: разрушения будут вызваны не гниением монополий на имеющихся рынках, а раздроблением и сжатием последних.

Одно из неприятных следствий – утрата многих сегодняшних технологий, требующих для рыночного применения значительного числа потребителей. Так, нет смысла производить (и даже собирать) легковые автомобили при населении менее 50 млн. чел., производить дальнемагистральные самолеты при населении менее 200 млн. чел. (хотя, понятно, важны доходы: 127 млн. японцев обеспечат спросом индустрию, которой не хватит и 300 млн. бедных африканцев).

Из-за усложнения и удорожания традиционных технологий численность населения, необходимого для их применения, неуклонно росло. Это одна из причин прекращения открытия новых технологических принципов после создания глобального рынка: дальнейшее усложнение и удорожание технологий невозможно, так как число их потребителей уже не вырастет.

С распадом глобальных рынков многие макрорегионы будут иметь недостаточно потребителей даже сохранения на рыночной основе многих технологий.

Массовая утрата технологий жизнеобеспечения породит катастрофы, способные вызвать сотни миллионов, а то и миллиарды жертв.

Некоторые макрорегионы сохранят жизненно важные технологии за счет перехода на нерыночный характер их развития. Но это требует высокой эффективности госуправления, – а его качество катастрофически упало (в том числе потому, что лучшие кадры всосаны глобальными монополиями).

Поэтому, по крайней мере, ряд возникающих макрорегионов утратит часть сегодняшних технологий, в том числе жизненно важных, и пройдет через техногенные катастрофы и социальные катаклизмы.

Но технический прогресс не остановится: он лишь сменит русло. Технологии будут развиваться путем уже не механического усложнения (предел в этом положен ограниченностью потребителей на глобальном рынке), а применения новых принципов, пока блокируемых монополиями.

Ведь при распаде глобального рынка на макрорегионы часть глобальных монополий погибнет, а часть ослабнет от сжатия спроса.

Технологии нового, посткризисного мира несут резкое упрощение и удешевление в сочетании со скачком производительности. Его обеспечивают новые физические принципы (переход от механического воздействия к воздействию различными полями), новые материалы и «умное железо» (интеграция информационных технологий с индустриальными).

Такие технологии создавались в рамках советского военно-промышленного комплекса (его исследования не ограничивались рыночной целесообразностью) и порой развивались после разрушения СССР. Наблюдение за (неизбежно локальными) эффектами их применения породило термин «закрывающие технологии»: их доступность в сочетании со сверхпроизводительностью делали избыточными целые отрасли.

В условиях стабильности социально-политическая цена их применения неприемлема: никто не мог рисковать, создавая угрозу общественного катаклизма.

Но после распада части глобальных рынков на макрорегионы ситуация будет иной.

Победителями в завтрашней конкуренции станут те, кто заранее овладеет технологиями завтрашнего дня – сверхпроизводительными, простыми и дешевыми.

Наряду с гонкой за ними идет гонка в технологиях формирования общества и управления им.

Результат активного и хаотичного применения широкодоступных социальных технологий – изменение массового поведения людей – очевиден.

Интересы уступают место эмоциям: люди в массовом порядке жертвуют кровной материальной выгодой ради эфемерных переживаний. Сенсорное голодание, недавно бывшее уделом заключенных и начальников, стало состоянием обществ.

Классические партии превратились в симулякры: вместо них структурной единицей общества стали секты, поклоняющиеся личностям, продуктам и даже финансовым схемам.

Трансформируется семья: «аморалка» стала укладом жизни.

В конце 60-х человечество неосознанно сделало выбор, отказавшись от космоса и познания в пользу развлечений. Социальные технологии стали важнее производственных. Прямо конструировать общество эффективней, чем придумывать влияющие на него машины.

Но если забыть про машины – через 10 лет будем греться экранами айфонов.

Нам предстоит увлекательная задача объединения новых социальных и производственных технологий в новый, волшебный и красочный мир: мы не спасемся от трагедий, но сделаем жизнь более радостной.

На учебу остались считанные годы, – а Россия, как обычно, в отстающих.

Наши компании обладают сланцевыми технологиями и даже готовы использовать их за рубежом, – но уже в трехмерной печати отставание безусловно. Россия не выпускает 3D-принтеры, а известия о прорывах в их применении приходят из-за границы.

Имеющиеся «закрывающие технологии» (от медицины до производства стройматериалов) применяются и развиваются кустарно, а то и секретно, – чтобы не попасть под молот бюрократии, направляемый монополиями. И при возникновении потребности их аналоги, даже несовершенные, проще закупать на Западе и в Китае, чем искать у себя.

Единственная компания, в середине 2000-х пытавшаяся разыскать и коммерционализировать «закрывающие технологии» (и даже презентовавшая их на Лондонском экономическом форуме) – АФК «Система» – попала под удар по весьма неоднозначному обвинению.

Главное же – в обществе даже нет структуры, не то что готовящей его к будущему, но хотя бы думающей о нем.

Поэтому накануне нового технологического рывка наше отставание, хоть пока и не фатальное, пугает.

КИПР: НОВЫЕ ПРАВИЛА СТАРОЙ ИГРЫ

Музыка кончилась, а они еще танцуют.
Джордж Сорос, 2000 год

Кипрский кризис, как и кризис европейской экономики в целом, отнюдь не завершен: он всего лишь перестал быть новостью. Для попавших в его жернова началось долгое и мучительное выживание, столь памятное нам по началу и концу 90-х, а также по осени 2008 – весне 2009 годов. Счастливо избежавшие же потери критически значимой части своих активов, оправившись от испуга и изумления, инстинктивно стараются забыть произошедшее, как страшный сон, и вернуться к психологически комфортной модели *business as usual*.

Человеку свойственно избегать мыслей о плохом: именно поэтому мы так многого добиваемся, – но ровно по этой же причине смена образа действия и «правил игры» происходит столь резко, быстро и с радикальным обновлением действующих субъектов.

Один раз добившись успеха, мы редко пользуемся дарованной нам возможностью осмысливать его причины и тем более прогнозировать их кардинальное изменение. Между тем избежать участи вымерших динозавров можно одним-единственным образом: постоянно думать о возможности исчезновения причин нашего благополучия и искать признаки значимых перемен, – особенно в эпоху медленного, но неотвратимого сползания в глобальную депрессию.

Трагедия Кипра, хотя и является всего лишь частным эпизодом, проявила, насколько можно судить,

некоторые весьма существенные новые «правила игры», которые «по умолчанию» признаны успешными и теперь будут применяться. Что еще важнее, она продемонстрировала важные особенности современного западного управленческого сознания и стиля поведения, которые, похоже, не всегда сознаются даже западными руководителями, – и именно потому не будут подвергаться каким бы то ни было изменениям. Ведь рефлексы, даже социальные, постояннее законов и потому, как это ни прискорбно, важнее их: ситуация с Кипром показала это с предельной ясностью.

Почему демократическая религия не работает

Как мы видим (в том числе и на примере нашей страны) с возрастающим огорчением, парламентская демократия имеет свои неизгладимые пороки, один из которых – безответственность.

Сохраняющаяся долгие поколения ситуация, в которой любая ошибка отдельного лица в исполнительной власти должна автоматически исправляться оформленной в парламентские и судебные институты волей народа, сама по себе снимает с непосредственно руководящих страной людей значительную долю ответственности. Это способствует как догматизму, так и расхолаживанию, переходящему в прямое разгильдяйство.

Положение усугубляется невозможностью усомниться в демократии, этой религии современного Запада, что автоматически ведет и к невозможности признать многие ошибки, совершенные теми или иными официальными деятелями в ее рамках, если только они совершались без прямого нарушения демократических процедур.

Это вызвано не столько эффективным пиаром и лоббизмом, сколько, прежде всего, сугубо религиозным подходом: признание ошибок воспринимается как непозволительная ересь потому, что в условиях демократии их просто не может быть, – и всякий, ставящий под сомнение мудрость даже абсолютно неадекватных властей, тем самым ставит под сомнение и саму демократию.

К сожалению, после исчезновения внешнего дисциплинирующего фактора в виде «советской военной угрозы» (о которой мудрые люди Запада говорили, что, если бы ее не было, ее надо было бы выдумать), жрецы западной демократии стремительно выродились в разветвленную и ограниченную касту «непогрешимых». Она способна относительно разумно и рационально применять стандартные методы управления привычными, традиционными процессами, но неминуемо и фатально утрачивает всякую уравновешенность при столкновении с непредвиденными, необычными проблемами. Понятно, что естественная для последних нехватка времени, не позволяющая прибегнуть к стандартным процедурам бюрократических согласований, снижает эффективность этой управленческой касты еще сильнее.

Кипр продемонстрировал это с оглушающей убедительностью – и именно очевидная растерянность и неготовность европейской элиты заставила ее раскрыться и действовать искренне, обнажая свои настоящие, а не демонстрируемые напоказ, ценности и мотивации.

Именно в этом заключается, как представляется, основная прогностическая ценность кипрской катастрофы.

Безответственность как профессиональное искажение

Прежде всего, бросается в глаза поспешность действий европейских властей. Если испанский и греческий кризисы многократно и публично обсуждались во всех деталях и развертывались длительное время, то кипрский грянул буквально как удар молнии.

Да, конечно: проблемный характер кипрской банковской системы был очевиден еще за год до перехода ее кризиса в открытую фазу, – и с того самого времени целый вал аналитических материалов настойчиво предостерегал от какого бы то ни было сотрудничества с ней.

Списание половины греческого долга нанесло кошмарный удар по кипрским банкам (их убытки достигли четверти национального ВВП), бывшим основными держателями этого долга. Однако этот удар был вполне очевиден заранее, как и снижение цен на недвижимость (явное даже для не следящих за ценами на нее, – хотя бы по массовому выходу этой недвижимости на российский рынок).

Грозные звоночки в виде отказа европейских властей от весьма умеренных объемов помощи Кипру звенели и за несколько месяцев до начала кипрской трагедии.

Однако в целом кипрская макроэкономическая статистика была, при всей тревожности, далеко не самой плохой, а опыт урегулирования испанского и, в особенности, греческого кризиса пробудил у вкладчиков банков уверенность в своих деньгах. Возникло ощущение, что не только в еврозоне, но и в Евросоюзе в целом действуют определенные стандарты урегулирования финансовых проблем, по которым бремя кризиса распределяется между кредиторами страны и ее банков, с одной стороны, и ее населением, с другой. Первые страдают за доверие к европейскому,

а второе – к национальному регулятору, но банковская система в целом сохраняется, и ее клиенты обходятся легким испугом.

На Кипре был применен совершенно иной подход, в корне отличный от прежних, показавшихся многим общеевропейскими нормами.

Первоначальное требование «евротройки» было совершенно иным и заключалось в беспрецедентном конфискационном налогообложении депозитов: за ошибки европейского регулятора и кипрского правительства было предложено заплатить «третьей стороне» – держателям депозитов. При этом власти Европейского Союза наглядно продемонстрировали, что, вопреки всем юридическим формальностям, отнюдь не считают Кипр его частью, так как их требование конфискационного обложения депозитов менее 100 тысяч евро прямо противоречило европейским гарантиям сохранности таких депозитов.

Помимо формального противоречия действующему законодательству Европейского Союза, это требование было абсурдно по существу, ибо требовало платить свою долю во внешнем долге вкладчиков даже тех банков, которые были вполне устойчивыми и, в частности, не имели чрезмерных долгов. *(Как минимум, таким банком была кипрская «дочка» ВТБ; при всей очевидной для россиян сомнительности происхождений капиталов отечественной «офшорной аристократии» нельзя не отметить, что регуляторы Евросоюза и еврозоны без колебаний принимали эти деньги в своей банковской системе, то есть по умолчанию считали их «чистыми».)*

Таким образом, «евротройка» попыталась реализовать в отношении Кипра принцип обезличенной «коллективной ответственности» – тот самый, в соответствии с которым берут заложников, или расстреливают каждого десятого, или выселяют народы.

Это очень важно, потому что демонстрирует реальное отношение европейской бюрократии к провозглашаемым ею европейским ценностям: практика ее собственной деятельности показывает, что таких ценностей для нее, строго говоря, не существует, и она готова карать заведомо невиновных за ошибки, допущенные не только ею самой, но и третьими лицами.

Именно выдвижение требования конфискационного налога на все депозиты как консолидированной позиции Евросоюза, Европейского центрального банка и МВФ (остающегося для либерального клана главным блюстителем идеологической чистоты) и уничтожило экономику Кипра, превратив кипрский кризис в, без всякого преувеличения, кипрскую катастрофу.

В силу ничтожности своего политического веса в Евросоюзе кипрские власти не посмели даже указать «евротройке» на незаконность ее требований (а может быть, они просто не обратили на это внимания, как и сама «тройка»), предпочтя без рассуждений «взять под козырек». Это еще раз иллюстрирует реальное устройство Европейского Союза: страна, ВВП которой составляет лишь 1,2% ВВП еврозоны и 0,8% ВВП Евросоюза, несмотря на все формальные признаки суверенитета, не обладает практически никакими реальными правами в ходе прямых переговоров. Более того: она должна вести переговоры не непосредственно со своими кредиторами, а с представителями международной и европейской бюрократии, самостоятельно назначившими себя ее опекунами.

Накануне спешного голосования кипрского парламента всерьез обсуждался вопрос о том, что правящей партии может не хватить для принятия решения о конфискации части вкладов лишь одного голоса. Однако буквально за сутки ситуация поменя-

лась (не важно, под давлением здравого смысла, или владельцев депозитов, или обеих этих сил вместе): кипрский парламент совершенно неожиданно отверг позицию «евротройки» и подчинившейся ей исполнительной власти, причем таким большинством голосов, что попытки протаскивания европейской позиции были обречены на провал.

Но дело уже было сделано: серьезное обсуждение возможности конфискации вкладов даже в успешных и устойчивых банках само по себе уничтожило Кипр как финансовый центр.

Чужие деньги не имеют цены

Безусловно, инвесторы понесли весьма существенные потери, например, и в банках Исландии, власти которой под давлением населения просто отказались от всех гарантий нерезидентам, нарушив собственные законы.

Принципиальным отличием кипрской трагедии стало то, что с требованием наказать за собственные ошибки, – причем не нерезидентов, а всех вкладчиков (и лишь затем удар, качественно усиленный, был сфокусирован на крупных вкладчиках наихудших банков), – выступили не революционные силы самого общества, но международные бюрократы и финансисты!

Именно это вызвало наибольший шок.

В конце концов, Исландия не была членом не только еврозоны, но даже и Евросоюза, – и связанные с ними международные гарантии, пусть неформальные, на нее не распространялись в принципе. Да и для оздоровления экономики, пусть даже на меньшем уровне, ей было достаточно всего-навсего «вернуться к селедке».

Кипр же получил удар именно от европейских и глобальных властей, – от тех самых, которые совсем недавно с трогательным усердием и уступчивостью спасали другие страны еврозоны.

Революция (пусть не социальная, а всего лишь финансовая), осуществляемая под давлением разгневанного народа, как это случилось в Исландии, – это понятно и, в общем, нормально: невозможно объяснить нормальному человеку причины, по которым он должен платить за убытки спекулянта, да еще и иностранного.

Однако весьма схожие конфискационные меры, осуществляемые по требованию международных финансистов и бюрократов, производят шоковое впечатление «конца времен»: как минимум, это противоестественно.

Между тем, ларчик открывается просто: в Испании и Греции под ударом оказались европейские деньги, а банковские системы этих стран являлись неотъемлемой частью европейской. На Кипре же деньги были чужими (в основном российскими, а также ливанскими, украинскими, казахстанскими и английскими – вкладами пенсионеров и военных), а банковская система была ничтожно малой и, в общем, изолированной от европейской.

Кипр для Евросоюза – периферия Греции, то есть «периферия периферии», что сделало его судьбу совершенно не значимой.

И в условиях вероятного ужесточения глобального кризиса, в преддверии новых, более острых финансовых проблем на нем вполне можно было, как на подопытном кролике, отработать новые интересные идеи – по завету старика Бисмарка, сказавшего (правда, про социализм): «Только надо выбрать страну, которую не жалко».

Это представляется юридическим доказательством того, что никаких общих ценностей в современном

Евросоюзе (да и еврозоне как таковой) нет. «Европейский идеал» годится для пропаганды, привлечения студентов и остарбайтеров. Мало-мальски серьезные же вопросы рассматриваются на основе четкого деления на «своих» и «чужих», – причем деления меркантильного, основанного на материальном интересе и на жесткой конкуренции всех со всеми.

Страны и народы, не признаваемые «своими», таковыми уже не станут, – даже если их примут в «единую Европу». А если их катастрофа не нанесет странам и международным бюрократическим структурам, непосредственно принимающим ключевые решения, неприемлемого удара, – никто не будет всерьез напрягаться для их спасения.

Таковы новые правила. Они могут нравиться или нет, казаться более или менее справедливыми, чем до сих пор навязываемый нам мириадом пропагандистов «европейский идеал», – но его больше нет, и его место заняли эти правила.

На фоне этого фундаментального переворота рассмотрение финансового уничтожения Кипра в качестве эпизода «войны юрисдикций» представляется малозначимым, – хотя текущее, тактическое значение этого для нашей страны велико.

Дело в том, что офшорные гавани неустранимы, по крайней мере, до распада единого глобального рынка на макрорегионы, ибо они используются для снижения налогообложения глобальным бизнесом. Это его инструмент, а предприимчивые богачи (и просто недобросовестные налогоплательщики) лишь пользуются им, как рыбы-прилипалы пользуются акулами.

Борьба против офшорных зон – одна из подножек, которые США ставят своим партнерам и одновременно конкурентам из развитых стран Европы. Повышая собираемость и без того относительно высоких налогов, борьба с офшорами, которую ведут европейцы, повышает издержки их бизнеса – и тем

самым снижает его конкурентоспособность на фоне американских компаний. Выигрывая годы и миллиарды для поддержания «собеса» (все более напоминающего тот, под бременем которого провалился великий Советский Союз), европейские лидеры лишают свою цивилизацию стратегической перспективы. Чтобы не видеть этой ловушки, надо быть кандидатом физических наук и диссидентом, как Меркель, или прожженным либеральным социалистом, как Олланд.

Существенно, что страны, лидеры которых понимают суть глобальной конкуренции, – включая США и Великобританию, – и не пытаются закрывать офшорные зоны, контролируемые ими. С одной стороны, часть капиталов, изгоняемых европейскими крестоносцами, переходят к ним, поддерживая их глобальные сферы влияния. С другой, контроль над офшорными зонами позволяет получать огромный объем информации, связанной с неформальными сделками и личными заинтересованностями.

Да, конечно, некоторые виды трастовых фондов надежно скрывают имя выгодоприобретателя. Но их не так много, они не удобны для проведения других операций, – и, главное, в реальной жизни, в условиях дефицита времени, сил и умений большинство участников офшорных сделок пренебрегают даже хорошо известными им правилами безопасности примерно так же, как водители, изнемогающие в многочасовой пробке.

Поэтому контроль за офшорами является контролем за грязным бельем элит тех стран, которые ими пользуются, – а значит, и за самими этими элитами. Отказ Германии от офшоров, традиционно использовавшихся ее гражданами, принес ей немного денег, – и существенное ослабление политического влияния в перспективе. Кипрская катастрофа приведет к тому, что грязное белье российской «офшорной аристо-

кратии», которое стиралось в ее собственной «прачечной» (ибо политические отношения с властями Кипра по понятным причинам были исключительно теплыми), теперь будет стираться в «прачечных» других стран, – и в любой момент она может оказаться в ситуации, когда по каждому пятну ей придется давать подробные письменные объяснения в трех экземплярах, причем находясь под стражей.

Поэтому крах Кипра – это стратегическое поражение тусовки, правящей и владеющей нашей страной; ее единственное утешение заключается в том, что осознание подобных категорий ей – в силу образа ее деятельности – попросту недоступны.

Организация на пустом, в общем-то, месте полноценной финансовой катастрофы имеет и еще одно значение: это сигнал того, что «правила игры» будут теперь неуклонно ухудшаться для ее слабых участников. Строго говоря, это продолжение европейской традиции, наметившейся еще в ходе расширения Евросоюза: Южная Европа вступала на качественно лучших условиях, чем Восточная. Она получила значительно большие объемы помощи и, что принципиально важно, социальные гарантии, – во многом просто потому, что вступила раньше.

И теперь судьба вскакивающих в «европейский вагон» в немалой степени зависит от простой очередности. Просто вагон этот связан уже не с интеграцией, а с урегулированием, пусть неизбежно и временным, ее последствий в виде непосильного долгового бремени.

Нежелание думать о будущем

Принципиально важно, что все понесенные жертвы отнюдь не означают преодоления, пусть даже и дорогой ценой, кипрского кризиса.

Преодолена лишь локальная проблема: за счет замораживания средств на счетах в стиле советского июля 1991 года и реструктуризации банковской системы найдены средства для очередной выплаты, связанной с обслуживанием долга.

Откуда возьмутся средства для осуществления следующих выплат, никто даже и не задумывается, – особенно с учетом сверхжестких условий, навязанных Кипру. Так, в еврозоне, где пределом мечтаний является сдерживание бюджетного дефицита, Кипру предписано за три года перейти от бюджетного дефицита 2012 года в 4,9% ВВП, – самому низкому с 2008 года, – к бюджетному профициту в 4% ВВП, в прямом смысле слова любой ценой.

Между тем кипрская экономика уже рухнула, и безработица в 15% – это только первый шаг в «светлое будущее», продиктованное «евротройкой». Доля финансового сектора составляла не менее 70% ВВП; ее резкое сокращение может, по оценкам, привести к падению экономики Кипра не на прогнозируемые евромогильщиками 3,5%, а к 15% и даже более. Не стоит забывать и того, что часть туризма была связана с обслуживанием финансовых операций: как и в других офшорных зонах, владельцы капиталов приезжали присмотреть за своими средствами и заодно немного отдохнуть. С уходом денег в другие юрисдикции вслед за ними уйдет и заметная часть туризма; промышленное же производство, каким бы небольшим оно ни было, снижается уже несколько лет.

Проблему фактического отсутствия на Кипре экономики нельзя решить в рамках вполне колониальной модели европейской интеграции. Это показывает пример и Восточной Европы, и Греции (которой из четырех экспортных отраслей – производства вина, оливок, табака и судов – при вступлении в Евросоюз разрешили сохранить лишь последнее). Просто ситуация на Кипре – в первую очередь благодаря

разрушительным действиям европейских властей – значительно острее, чем в других странах Европы, а игнорируется в силу его малого значения намного более последовательно.

И это является не досадной неприятностью, а фундаментальной особенностью нового не только европейского, но и глобального мышления: оно сконцентрировано на решении текущих проблем и в принципе игнорирует не только долго-, но даже и среднесрочные последствия собственных действий.

Это вполне логично для бюрократа-временщика, «эффективного менеджера», не идентифицирующего себя ни с решаемыми им проблемами, ни с управляемым им объектом и стремящегося лишь к демонстрации успеха (неважно, какой ценой и с какими последствиями) ради следующего назначения. Кто помнит – это очень знакомо по худшим советским примерам, только теперь это «эффективная практика».

Впрочем, клиническая легкомысленность, пугающее стороннего аналитика нежелание задумываться о будущем имеют и более фундаментальные причины.

Непосредственные участники управляющей системы, внимательно наблюдающие за управленческим механизмом, в рамках которого они функционируют, не могут не замечать, что по-настоящему важные, ключевые вопросы решаются в нем неформально и лишь оформляются потом в рамках существующим институтов в строгом соответствии с установленными процедурами. Значительная часть европейской бюрократии, этой чудовищной, дорогостоящей и самодовольной машины представляет собой не более чем декорацию, призванную скрыть от глаз общественности реальные механизмы решений и, замаскировав их, обеспечить покой, стабильность, довольство и легитимность сложившегося положения вещей.

А раз реальные решения принимаются только по важным вопросам и не формально, – значит, линейным руководителям можно не напрягаться. Ведь, если по каким-то вопросам им действительно приходится принимать решение, – это верный признак того, что соответствующий вопрос носит второстепенный характер. Соответственно, можно относиться к нему формально, соблюдая процедуру, а не стремясь к реальному решению проблем: те, для кого они жизненно важны, для Евросоюза существенного значения не имеют, и их судьба не важна для тех, кому они доверили ее вершить.

Вместе с тем кипрский кризис имел и реальное, описанное выше, значение для всего финансового будущего Европы (а значит, и мира).

И поэтому из-под прикрытия обычной европейской бюрократии, занимающейся традиционной дипломатической суетой и демонстрацией озабоченности по поводу давно ушедших поездов, выглянул реальный костяк настоящей европейской власти – в виде той же «евротройки».

Так бывает лишь в критических ситуациях: по-настоящему действующая и оттого гибкая власть неуклюже вылезает на поверхность из-под тщательно выстроенных декораций в виде неформальных и не оформленных юридически инструментов. И эти инструменты, как сталинские «тройки» и «особые совещания», решают по своему усмотрению и без особой оглядки на формальные законы судьбы – правда, уже не отдельных людей, а целых стран и народов.

Мир погружается в глобальный кризис – и, соответственно, возвращается к кризисному, не формализованному и лишь наспех институционализированному при помощи разного рода интуитивно формируемых структур управлению. Эти структуры даже для решения однотипных проблем могут собираться

всякий раз заново, в новом составе и, соответственно, принимать самые разные решения.

Качество нынешней российской власти не оставляет сомнений в том, что подобные решения, – после тренировки «на кошечках», – будут приниматься и в отношении России.

И на добросовестность, законность и прочие европейские ценности нам стоит рассчитывать еще в меньшей степени, чем киприотам: просто потому, что мы для Евросоюза чужие не только реально, но и с формальной точки зрения.

«Так не доставайся же ты никому!»

Исключительно понятно это продемонстрировала своим окриком в адрес кипрских властей Меркель.

Стоило им, зайдя в тупик с выдвигающими заведомо неприемлемые условия европейцами, задуматься о возможности получения помощи от России, – им было публично указано на недопустимость подобных попыток.

И простые бизнесмены могли сколько угодно вывешивать на кипрских автотрассах рекламные щиты с надписью по-русски «Не предайте нас, братья!»: решения в Европе принимаются по-иному, работающая традиционная демократия осталась в Древней Греции.

Позиция Германии понятна и исходит из еще догитлеровской концепции «реальной политики» и «раздела сфер влияния». Грубо говоря, «кто платит ужин, тот танцует девушку»: платящая за евроинтеграцию (и тем самым обеспечивающая для своих концернов основные выгоды от нее) Германия считает Европу своей вотчиной, в которой она, скрепя сердце, готова терпеть влияние европейских конкурентов и даже США, – но уж никак не России, с вар-

варской непосредственностью не желающей принимать своего поражения в холодной войне.

С этой точки зрения не имеет никакого значения неспособность Европы и, в частности, Германии решить проблемы Кипра: уничтожить свое гораздо естественнее, чем отдать это кому-то (да еще и конкуренту), кто сможет его использовать.

Существенно и то, что российские власти, насколько можно судить, так и не смогли сделать Кипру по-настоящему комплексного предложения.

Смысл был прост: выкуп кипрских обязательств (между прочим, лишь немногим более половины уплаченного в те же дни олигархам из «Альфы» за половину ТНК-ВР) в обмен на комплекс совместных коммерческих проектов, кипрской части прибыли от которых хватило бы на уплату этих обязательств.

Помимо освоения шельфового месторождения «Левиафан», огромный интерес (для России, конечно, а не для Европы) представляло бы превращение Кипра в транспортный и ремонтный узел в масштабах Восточного Средиземноморья. А переориентация на него российского бюджетного туризма, сошедшего на нет в Египте в результате очередного «торжества демократии» (при котором бедуины стали нападать на туристов уже и в Шарм-аль-Шейхе), могло бы стать подлинным «золотым дном» для инвесторов не только России, но и всего региона.

Могла бы быть создана на Кипре и военная база – с учетом того, что в ближайшее десятилетие России гарантированно нечего было бы на ней размещать, она идеально сочетала бы всегда полезную «демонстрацию флага» с полным отсутствием реальной военной напряженности.

Проблемы, возникавшие при этом с Турцией и Германией, можно было хотя бы попытаться решить. Частью широкого пакетного соглашения с Турцией могло бы, на самый худой конец, стать признание

Россией Северного Кипра (как цена за спасение Кипра это не было бы воспринято греками как предательство) и прекращение поддержки Турцией сирийских мятежников (в обмен на вечный отказ сирийских властей от газопровода из Ирана).

Германии можно было бы продемонстрировать готовность создания в Калининградской области офшорной зоны, ориентированной на европейские капиталы, – и отказаться от этого проекта в обмен на признание российских интересов на Кипре.

Разумеется, многообразие отношений как с Германией, так и с Турцией позволяло прорабатывать и иные, – как более сложные, так и совсем простые – комбинации.

Но, увы: правящая Россией тусовка не готова пользоваться кризисными возможностями и потому фатально проигрывает даже тогда, когда имеет все возможности для стратегического выигрыша.

Когда перед ними открылись феноменальные, уникальные со времен Павла Первого возможности, они даже не поняли, что им куда-то можно посмотреть.

А история наглядно, доступно и кроваво учит, что ошибки наказываются значительно жестче, чем преступления.

Правда, следующими будут, скорее всего, наказывать еще не нас, а Италию и некоторые государства Восточной Европы, откуда инвесторы потянутся из страха перед угрозой возрождения в кризисных условиях лютого национализма, памятного по временам Второй мировой войны.

ГОМОСЕКСУАЛИЗМ КАК НОВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ВЛАСТИ?

Неустанная и венчающаяся все новыми победами борьба за права гомосексуалистов – один из значимых феноменов постсоветского времени. Конец «холодной войны», избавив мир от страха гибели, почти прекратил антивоенное движение, – и общественная активность обрела новые массовые формы.

Наиболее масштабными стали не только экологическое движение и все более агрессивная борьба этнокультурных меньшинств за гражданские и религиозные права и привилегии, но и борьба за права и привилегии гомосексуалистов.

Можно только мечтать о результатах, которые принесло бы направление этой энергии на защиту, например, материнства и детства – или хотя бы Сколковского (не путать с Химкинским) леса. Но факт неоспорим: по мощности влияния на общественное сознание и, соответственно, политику в развитых странах рядом с гей-активистами можно поставить только исламистов и «зеленых».

Эта тема становится все острей и в России – и вряд ли только из-за слепого копирования западных стандартов.

С каждым годом крепнет ощущение, что гомосексуализм стал одним из инструментов формирования новой элиты, идущей на смену традиционным – как на Западе (а значит, и в глобальном масштабе), так и в нашей стране.

В самом деле: создание властного сообщества подчинено определенным технологиям, которые существенно изменились в последнее время.

Прежде всего, реальная власть, какой бы демократичной она ни была, жестко отделена от управляемых. Помимо прочего, это обеспечивает чувство общности, солидарность и взаимовыручку в элите, поражающие стороннего наблюдателя при проявлениях между непримиримыми политическими соперниками.

Во многих обществах это отделение достигалось на основе образа жизни, однако индустрия моды, телевидение, гламур и массовый туризм сделали его доступным для значительной части даже среднего класса.

От многих народов власть отделялась на этнической и языковой основе, но интенсификация международных контактов и превращение английского в *lingua franca* смели этот барьер, – по крайней мере, в развитом мире.

В прошлом элита воспитывала своих детей специфическим образом. Выражением стихийной тяги к этому стал Болонский процесс – движение к отказу от равного образования, к возможно более раннему, средневековому делению на власть и подчиненных, – но время ускорилось: воспитывать просто некогда, да и власти нужны таланты, а не наследники. Кроме того, социальная значимость знания размывается информационной революцией, как и другие устои эпох Просвещения и научно-технической революции.

Имущественный ценз важен для самообособления реальной власти, но совершенно не достаточен: богатых стало слишком много (хотя глобальная депрессия, по всей видимости, и исправит этот перекос в ближайшем будущем), а реальной власти по-прежнему слишком мало.

Замена всех этих социальных цензов более простым и надежным физиологическим барьером представляется, как это ни кощунственно звучит, почти естественным.

Существенно и то, что в условиях информационной революции мощному и хаотическому информационному воздействию в наибольшей степени подвергается элита, то есть люди, принимающие и реализующие значимые для общества решения или являющиеся образцом для подражания. Это означает, что трансформация психики под этим воздействием идет у членов элиты быстрее и, вероятно, по-иному, чем у основной части общества, – что, естественно, проявляется и в такой важной сфере жизни каждого, как сексуальная.

Причастность к власти, то есть к распоряжению чужой жизнью при заведомой недостаточности информации, требует перешагивания весьма серьезного морально-этического порога.

Чувство ответственности было достаточным в традиционном обществе, но на смену ему пришло принципиально безответственное общество постмодерна, основанное на ценности исключительно собственного «я» (доходящей до субъективного идеализма) и финансовых спекуляциях как противоположности производительному труду.

Традиционный порог исчез, – а потребность в нем сохранилась и порождает, вероятно, порог «нетрадиционный».

Глобализация действительно сметает барьеры – и потому там, где они технологически необходимы, их приходится создавать заново из подручных, в том числе и принципиально новых, материалов.

Власть должна быть сосредоточена на своей миссии, – а отсутствие детей у себя и людей своего круга позволяет избежать «хозяйственного обрастания» и отвлечения.

Наконец, власти – любой – нужна жестокость. Это технологическое требование: подчинения не бывает без демонстративных кар. Сегодняшний европейский гуманизм стал возможен лишь потому,

что вырос на чудовищном изуверстве – причем не только Средних веков, но и викторианской эпохи, и индустриализации, и Великой депрессии, и Второй мировой (при одной лишь бомбежке Дрездена, по исходным немецким данным, погибло больше, чем в Хиросиме и Нагасаки).

А криминалисты знают, что исключительная жестокость часто связана с гомосексуальностью.

Таким образом, возможно, что борьба за права сексуальных меньшинств является не столько одним из перегибов в обеспечении пресловутых «прав человека» и не столько признаком дробления и распада современных обществ, сколько проявлением формирования новой глобальной элиты – частью стихийного, а частью, возможно, и сознательно поддерживаемого.

...А всерьез полагающим, что гомосексуализм бывает исключительно врожденным и не поддается воспитанию, стоит подумать о причинах его непропорционального распространения в ряде специфических социальных групп – от танцоров балета до заключенных.

Если, конечно, они не убеждены в том, что в эти группы исходно отбирают именно по гомосексуальным наклонностям.

ВЫБОР МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

Ужесточение конкуренции и неизбежный срыв мировой экономики в новую большую депрессию, которая разделит глобальный рынок на совокупность разноуровневых макрорегионов, вне которых станет невозможным не только прогресс, но и простое выживание, ставит многие народы перед уже забытым ими историческим выбором между теми или иными формирующимися в настоящее время макрорегионами.

В частности, по мере развития европейского кризиса и проявления интеграционных тенденций на постсоветском пространстве безальтернативность европейского пути, вызванная разрушением Советского Союза, исподволь сменяется для Восточной и Южной Европы выбором между ним и участием в евразийской интеграции.

Актуальность этого выбора усиливается расширяющимся пониманием того, что значительная часть надежд на «возвращение Восточной Европы в Европу» не оправдалась, – а, с другой стороны, все связанные с этим надежды 20-летней давности, которые теоретически могли реализоваться, уже воплощены в жизнь.

Сама возможность этого выбора принципиально отвергается правящими элитами, ориентированными на личный комфорт и снятие с себя ответственности за судьбы своих народов, но все более полно ощущается последними и заслуживает поэтому пристального рассмотрения.

Европейский проект исчерпан

Сегодня уже не вызывает сомнений: **европейская интеграция и расширение Евросоюза способствовали не решению, но усугублению его проблем.**

Ключевая проблема Евросоюза – глубочайшая внутренняя дифференциация, связанная не только с уровнем развития экономик, но и с культурным фактором. Носители разных культур, даже таких близких, как французская и немецкая, по-разному реагируют на одни и те же управленческие воздействия, что затрудняет унификацию управления. Ситуация кардинально усугубилась в 2004 году, когда единая Европа расширилась, по сути дела, за пределы своих культурных границ, – но этот вызов не нашел должного управленческого ответа.

Подтягивание восточноевропейских экономик к уровню развитых членов Евросоюза в 1992-2008 годах, наиболее концентрированно выраженное в нижеследующей таблице, производит глубокое и неоднозначное впечатление.

Прежде всего, несмотря на значительные темпы подтягивания к общеевропейскому уровню развития, рубеж в половину французского уровня по ВВП на душу населения пересекла лишь Словения, причем она вплотную приблизилась к этому уровню еще в 2003 году, а после 2008 года она стала все больше отставать от Франции.

Отставание остальных стран, хотя и сокращалось до кризиса конца 2008 – начала 2009 годов и вновь сокращается в последние годы, остается качественным, а не количественным. Эти страны по-прежнему не столько «Европа», сколько «Восточная Европа» в традиционном понимании этих терминов.

Неуклонность подтягивания стран Восточной Европы к уровню «старой Европы» во многом обуслов-

Таблица 1. **Сравнительная динамика развития некоторых стран Евросоюза**

(ВВП на душу населения, долл. США, по отношению к уровню Франции)

Страна	1980	1985	1988	1992	1996	2003	2008	2009	2010	2012	2014
Франция	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Германия	**83,6**	**84,7**	**89,3**	**106,3**	**109,6**	**99,1**	**96,8**	**96,1**	**98,9**	**103,3**	**106,1**
Словения	нд	нд	нд	39,1	39,0	48,7	59,5	58,0	56,4	53,6	52,5
Чехия	35,6	44,4	32,0	12,9	22,2	30,0	47,4	44,8	46,2	45,4	41,8
Словакия	нд	нд	нд	11,2*)	14,5	20,7	38,3	38,5	39,4	41,0	41,6
Эстония	нд	нд	нд	5,1*)	12,2	24,3	38,9	34,0	34,6	42,0	44,7
Венгрия	16,1	19,6	15,3	15,0	16,1	27,8	33,5	30,0	31,2	30,4	29,6
Латвия	нд	нд	нд	2,4	8,5	16,0	33,3	28,4	27,7	33,7	36,8
Литва	нд	нд	нд	2,2	8,3	18,0	30,9	26,4	27,2	34,4	37,1
Польша	12,4	19,1	10,1	9,6	15,0	19,0	30,3	26,9	30,1	30,8	31,3
Румыния	16,0	21,2	14,5	3,5	5,8	9,1	20,7	18,1	18,8	19,2	21,1
Болгария	22,9	30,8	29,0	4,0	4,4	8,6	15,0	15,3	15,6	17,1	17,0
Дифференциация	*2,9*	*2,3*	*3,2*	*4,3*	*5,0*	*3,5*	*3,2*	*2,9*	*3,0*	*2,7*	*2,5*

Источник: МВФ.

Примечания: страны ранжированы по ВВП на душу населения в предкризисном 2008 году.

Относительно низкие результаты Германии до 1988 года включительно вызваны учетом ее в современных границах (включая ГДР).

Относительно высокие результаты Румынии до 1988 года при низком уровне жизни вызваны сверхконцентрацией и неэффективным использованием «нефтедолларов» режимом Чаушеску.

Чехия учитывается в современных границах.

Сопоставление данных различных лет может быть некорректным из-за колебаний покупательной способности доллара.

Франция выбрана для сравнения в качестве символа «старой Европы» как наиболее развитая и крупная страна Евросоюза, не испытывавшая значительных политических потрясений (в отличие от Германии, включающей в себя часть Восточной Европы, что и обуславливает ее относительную уязвимость в условиях текущего кризиса), руководство которой придерживается проевропейской ориентации (в отличие от Великобритании).

Индекс дифференциации – разрыв в ВВП на душу населения между наиболее и наименее развитой из 5 стран Восточной Европы, по которым есть статистика за 80-е годы.

*) Данные за 1993 год.

лена катастрофой конца 80-х – начала 90-х годов. Лишь Венгрия достигла своего «относительного» уровня 1980 года уже в 1996 году, то есть через 16 лет, и затем уверенно превысила его, несмотря на кризис и нынешнюю стабилизацию; уровень 1985 года (то есть почти накануне рыночных реформ) был уверенно превышен уже в начале 2000-х. Чехия превысила свой «относительный» уровень 1985 года лишь в 2008 году. Румыния приблизилась к нему лишь в 2008 году, но потом вновь отступила, Польша почти достигла его лишь в 2003 году, через 18 лет, а Болгария, похоже, не достигнет уже никогда (по крайней мере, ее нынешний «относительный» уровень лишь немногим превышает половину уровня 1985 года и при этом довольно устойчив).

Сохраняется высокая неравномерность развития самих стран Восточной Европы, хотя аутсайдеры частично сменились (место Польши заняла Болгария, а Румыния осталась на предпоследнем месте). Разрыв в ВВП на душу населения между наиболее и наименее развитой из 5 стран Восточной Европы (без Прибалтики, Словакии и Словении) в первой половине 80-х годов снижался. Однако после страшного роста в результате катастрофы конца 80-х – начала 90-х годов и последующего выхода из нее на основе разных моделей он лишь в 2008 году достиг уровня 1988 года (между тем в 1988 году уже началась рыночная дестабилизация Польши, что повысило восточноевропейскую дифференциацию).

В целом снижаясь в последующие годы, этот разрыв все равно оставался заметно выше уровня 1985 года. Существенно, что в социалистическое время дифференциация также заметно снижалась и в 1985 году, последним перед началом сдачи Советским Союзом своих позиций (проявившимся в переводе расчетов в рамках СЭВ из переводного рубля в свободно конвертируемую валюту, в результате чего

Советский Союз оказался должником стран СЭВ, которые до пересчета были должны ему), была минимальной за весь рассматриваемый период.

Наконец, как показывает кризис конца 2008 – начала 2009 года, прогресс стран Восточной Европы носит неустойчивый характер: кроме Словакии (обладающей мощной нефтеперерабатывающей и химической промышленностью при малом населении, что выводит ее из общего ряда), все они пострадали относительно более сильно, чем взятая за «точку отсчета» Франция.

Большая уязвимость стран Восточной Европы, как и все перечисленное, обусловлено самой моделью европейской интеграции, которую мы рассмотрим ниже, но пока зафиксируем главное: **глубокая внутренняя дифференциация Евросоюза, хотя и снижается, является его фундаментальной особенностью, и в обозримом будущем будет носить качественный, а не количественный характер.**

Новый европейский колониализм

С годами крепнет уверенность в том, что сохранение разрыва в уровне развития и хроническая потребность новых членов Евросоюза в помощи отнюдь не случайны, но предопределены самой экономической моделью европейской интеграции.

Ориентация стран Евросоюза на внутренний рынок, а не на экспорт, – естественное следствие рационального стремления к устойчивому развитию, защищенному от внешних шоков, на принципиальном уровне воспроизводящее экономические модели Советского Союза и Китая. Однако для новых членов это обернулось требованием переориентации внешней торговли на внутренний рынок Евросоюза, что, наряду с кризисом, способствовало ограничению,

а порой и прямому разрыву наиболее выгодных для них торговых связей с Россией и в целом с постсоветским пространством.

Поскольку высокотехнологичная продукция новых членов, как правило, была неконкурентоспособна на внутреннем рынке Евросоюза, их европейская ориентация объективно способствовала деиндустриализации этих стран. «Гиперконкуренция» со стороны европейских фирм вела к массовой безработице и деквалификации рабочей силы, вытеснению населения в сектора с высокой самоэксплуатацией (мелкую торговлю, малый бизнес и сельское хозяйство). Другим следствием стала широкомасштабная миграция в развитые страны Евросоюза, в которых она существенно «испортила» рынок труда. Наконец, не следует забывать, что чрезмерное «измельчение» бизнеса объективно снижает национальную конкурентоспособность, — в частности, технологический уровень страны.

Экономики Восточной Европы (в первую очередь банковские системы, оставшиеся слабыми) перешли под контроль глобальных корпораций «старой» Европы, которые сохранили промышленность, как правило, там, где имелась высококвалифицированная рабочая сила (до присоединения к Евросоюзу прошел также перенос экологически вредных производств). В странах с менее квалифицированной рабочей силой (Румыния, Болгария, страны Прибалтики) произошла подлинная промышленная катастрофа. При этом квалифицированные работники при открытии границ буквально бежали из своих стран (в 2007-2008 годах из Румынии уехало 20-30% экономически активного населения — 2-3 млн. чел.), создавая дефицит рабочей силы и повышая стоимость оставшейся, что во многом лишило соответствующие страны преимущества дешевизны квалифицированной рабочей силы. Подготовка же ее из-за закрытия

соответствующих производств и отказа от массового создания новых почти прекратилась.

Сохраненная промышленность в значительной степени занимается простой сборкой продукции корпораций «старой» Европы, в том числе ориентированной на емкие рынки России и докризисной Украины.

В результате в странах Восточной Европы возникла двухсекторная экономика, характерная для колоний.

Принципиально важно, что западный капитал, как правило, не создавал новые, но использовал существующие в Восточной Европе и созданные до него ресурсы, придавая модернизации «рефлективный» характер.

В рамках европейский интеграции добавочная стоимость выводится в страны базирования глобальных корпораций, что обусловливает парадоксальное сочетание экспортной ориентации (в Румынии 85% инвестиционного импорта идет на обеспечение экспорта) с хроническим дефицитом текущего платежного баланса (во многом за счет высоких инвестиционных доходов).

Президент Чехии Клаус признал в свое время, что вступление Чехии в Евросоюз превратило ее в «объект выкачивания денег». Это касается всех стран Восточной Европы: их сальдо текущих операций платежного баланса еще до начала кризиса 2008 года (что принципиально) было намного хуже, чем в 1990 году, последнем году существования социалистической системы. *(В Болгарии оно снизилось с -8,3% ВВП в 1990 до -23,0% ВВП в последнем предкризисном 2008 году, в Чехии — с 0,00 до — 2,1% ВВП, в Венгрии — с +1,1 до -7,4% ВВП, в Польше с +1,9 до -6,6% ВВП, в Румынии с -4,7 до -11,6% ВВП; за 1992-2008 годы оно снизилось в Словении с +5,8 до -5,4% ВВП, Литве с +5,3 до -3,3% ВВП, в Латвии с -0,3 до -13,2% ВВП; за 1993-*

2008 годы в Эстонии с +1,2 до -9,2% ВВП, в Словакии с -4,9 до -6,6% ВВП – и это, как мы видим, наименьшее ухудшение ситуации!

Правда, когда страны были «выдоены», баланс улучшился: в 2014 году он ожидается в Польше в размере -2,5% ВВП, в Румынии – -1,7%, в Латвии – -1,6%, в Эстонии – -1,3%, в Чехии – -0,5%, в Болгарии – -0,4%, в Венгрии и Словакии – по +2,7%, а в Словении и вовсе +6,1% ВВП.)

Отрицательное сальдо текущего платежного баланса некоторое время может поддерживаться притоком иностранных инвестиций, однако при хроническом характере означает «жизнь в долг» с высокой зависимостью от внешних шоков и рисками девальваций либо, если они невозможны (например, из-за вступления в зону евро), ухудшения социальной защиты.

При этом структурные фонды Евросоюза обусловливают выделение средств жесткими условиями, которым сложно соответствовать. Так, в 2007 году Румыния могла получить 2 млрд. евро, но смогла использовать лишь 400 млн. евро из фонда рыболовства. В то же время ее взнос в бюджет Евросоюза составил 1,1 млрд. евро (1,8% ВВП), то есть Румыния стала не бенефициаром, а донором Евросоюза, и возникли опасения закрепления этого положения. К настоящему времени уровень «абсорбции» (то есть реального получения формально выделенных) фондов Евросоюза в 70%, достигнутый Польшей, считается очень хорошим, а в Румынии он составляет лишь 20%.

Во всей Восточной Европе мы видим массовую скупку активов, в ходе которой западные корпорации становятся хозяевами не только банковских систем, но и всей экономики, а через нее – и всей политики стран Восточной Европы. Показателен провал попытки выработать стратегию социально-экономического развития Румынии после ее вхожде-

ния в Евросоюз: в ходе работы очень быстро выяснилось, что ее будущее в решающей степени определяется не национальными властями, но корпорациями «старой» Европы. Если это суверенитет, то что такое колониальная зависимость? И где тот суверенитет, который европейцы (и в особенности «новые») требуют от своих соседей признавать и уважать?

Развитые страны (в том числе в рамках Восточного партнерства) действуют (возможно, бессознательно) по принципу «Возьмите наши стандарты, а мы возьмем ваши ресурсы и уничтожим то, чем вы можете конкурировать с нами». В целом это напоминает не справедливую, но неоколониальную модель сотрудничества.

Имманентный управленческий кризис

Глубокая и неустранимая внутренняя дифференциация Евросоюза оборачивается серьезным различием интересов его членов, которое, в свою очередь, превращает практически все значимые решения в плоды сложнейших многоуровневых компромиссов.

Вступление в силу Лиссабонского договора облегчило этот процесс (введя формальный критерий достаточности поддержки при принятии решений), но одновременно обострило внутреннюю напряженность в Евросоюзе, создав угрозу того, что некоторые страны систематически будут оказываться в меньшинстве, а малые страны станут заметно менее значимыми.

Однако многоуровневый компромисс как основной инструмент выработки решений сохранился, – и, соответственно, корректировать их после выработки по-прежнему крайне сложно, что сохраняет поразительную негибкость позиции Евросоюза. Поскольку эта позиция естественным образом вырабатывается

без участия третьих стран (например, России), она, как правило, оказывается негибкой за их, в том числе и за наш счет.

Заранее принятые и не подлежащие корректировке решения затрудняют плодотворную или хотя бы содержательную дискуссию с представителями Евросоюза. Еврobюрократ напоминает магнитофонную кассету с записью соответствующей директивы и пространными велеречивыми рассуждениями о компромиссах, толерантности, взаимопонимании и других выхолощенных его же собственной практикой европейских ценностях.

На деле же демократия и компромиссы понимаются как безоговорочное подчинение требованиям еврobюрократа, то есть как прямой и безапелляционный диктат. При этом европейцы не видят внутренней противоречивости свойственных представителям Евросоюза проповеди толерантности и авторитарного навязывания демократии.

Однако это далеко не самое худшее.

Ценностный кризис Евросоюза

Культурная и хозяйственная разнородность Евросоюза объективно обуславливают, как это было и в Советском Союзе, необходимость высокой идеологизации системы управления, так как именно идеологизация создает систему сверхценностей, ради которых можно жертвовать текущими материальными и иными интересами.

Однако идеологизация чревата снижением качества решений, как мы также видели на примере Советского Союза.

Кроме того, в настоящее время основа этой идеологизации – европейские ценности и расширение сферы их применения, то есть расширение Евросою-

за – сталкивается с двумя фундаментальными вызовами.

Прежде всего, противоречие между политическим равноправием его членов и различным уровнем их развития, как хозяйственного, так и культурного, ослаблено Лиссабонским договором за счет уменьшения их политического равноправия. Надежды же на быстрое «подтягивание» новых членов к лидерам оказались беспочвенными, – таким образом, Евросоюз сделал шаг назад от равноправия к подавлению своих более слабых членов более сильными, что представляется существенной эрозией европейских ценностей.

С другой стороны, кризис, по всей видимости, остановил расширение как Евросоюза, так и еврозоны: у развитых стран больше нет ресурсов для значительного расширения, а страны-кандидаты не могут выполнять требования. (Успешные исключения – например, Хорватия для Евросоюза и Эстония для зоны евро – своей незначительностью лишь подтверждают это правило). Забытое ныне «Восточное партнерство» было не более чем паллиативом, способом привязки к себе политических и хозяйственных элит стран-соседей и расчистки юридического пространства для экспансии европейского бизнеса.

Таким образом, Евросоюз, этот экспансионистский и направленный на неуклонное расширение проект, из экстенсивного поневоле становится интенсивным, – и это на наших глазах начинает болезненно, хотя и неосознанно им самим, трансформировать весь его облик. Не стоит забывать, сколько прожил другой интеграционный, советский проект после того, как давление внешних обстоятельств вынудило его отказаться от территориальной экспансии.

Ведь отказ от насаждения своих ценностей, от их экспансии сам собой, автоматически ставит вопрос об их справедливости и подрывает их, а с ними –

и идентичность их носителей. В самом деле: отказ от насаждения своих ценностей автоматически означает признание их неуниверсальности, то есть неполноценности в современном мире.

Болезненной проблемой Евросоюза является слабость европейской самоидентификации, даже на уровне элит, – если, конечно, ориентироваться на стратегические решения, а не тосты и другие официальные заверения.

Неприятие континентальной Европой агрессии против Ирака в 2003 году создало для ее лидеров уникальную возможность освободиться от американской интеллектуальной опеки и начать самостоятельно определять свое развитие. Поразительно, что связанная с этой свободой ответственность смертельно напугала тогдашние европейские элиты, отвыкшие от нее, – и их паническое возвращение под комфортный контроль «старшего брата» (которого можно всласть порицать и винить его во всех смертных грехах, включая собственные ошибки) стало сутью «трансатлантического ренессанса».

Существенна для руководства Евросоюза, – возможно, из-за высокой идеологизации, – и проблема морали. Переписывание истории, насаждение демократии в новых «крестовых походах» в Афганистане, Ираке и Ливии при откровенно циничной толерантности к ее «дефициту» (по официальной формулировке) в Латвии и Эстонии, попустительство практике апартеида и государственной реанимации фашизма в некоторых членах Евросоюза, торговля людьми (в частности, покупка Милошевича за обещание 300 млн. долл. правительству Джинджича, – без этой продажи они оба были бы живы), одобрение государственных переворотов под видом народного волеизъявления, прямая организация нацистского государственного переворота на Украине и полная поддержка осуществляемого им геноцида мирно-

го населения – все это глубоко аморально и в корне противоречит европейским ценностям в том виде, в котором мы привыкли их признавать и стремимся им следовать.

Проявлением морального кризиса Евросоюза является и априорная неравноправность сотрудничества с другими странами. Когда после 11 сентября 2001 года президент Путин в бундестаге предложил Евросоюзу пакт «энергия в обмен на технологии», официального ответа ему так и не последовало. Неофициально же России дали понять, что она от Евросоюза никуда не денется, ее энергия все равно будет работать на Европу, а свои технологии Евросоюз оставит себе как гарантию конкурентного преимущества над Россией.

Понимание диалога с нашей страной как диалога всадника с лошадью обусловлен, с одной стороны, выработавшейся за конец 80-х, 90-е и 2000-е годы привычкой к отсутствию у России каких бы то ни было твердо отстаиваемых национальных интересов, а с другой – пониманием, что критически важная часть личных активов нашей «правящей тусовки» находится именно в юрисдикции стран Евросоюза.

Однако такое понимание не способствует развитию сотрудничества, толкает Россию не столько к США, сколько к Китаю и еще раз подтверждает, что всякая аморальность неминуемо подрывает жизнеспособность, – как отдельных людей, так и сообществ наций.

Мировой кризис делит членов Евросоюза на сорта

Мировой экономический кризис усугубляет проблемы Евросоюза.

Неожиданно обнажилась недостаточная жизнеспособность даже относительно старых его членов:

чего стоило одно только появление у фондовых аналитиков, несмотря на всю внешнюю политкорректность, аббревиатуры «PIGS» («свиньи»), под которой понимали Португалию, Италию (иногда Ирландию), Грецию и Испанию! Даже в этих странах, получивших колоссальную поддержку и породивших огромные надежды, проблемы до сих пор в самом лучшем случае удается лишь несколько смягчать, – что же говорить о Восточной Европе?

В 2009 году во всем Евросоюзе только в Польше сохранился экономический рост (а в 2012 он наблюдался менее чем в половине его членов), – причем, поскольку сохранение было достигнуто девальвацией, отставания по ВВП на душу населения избежать не удалось. Во всех остальных странах Восточной Европы спад был отчетливо сильнее, чем во Франции (-3,1%), однако он был ниже германского (-5,1%, что, возможно, вызвано сохраняющимся «бременем» Восточной Германии) в относительно успешных Чехии (-4,5%) и Словакии (-4,9%). В 2010 году ни одна страна Восточной Европы (кроме продолжившей рост Польши) не компенсировала провал 2009 года (правда, и из «старых» членов этого добились лишь Мальта и Швеция); в 2011 году это удалось лишь Словакии и Чехии, но в 2012 году спад возобновился в Венгрии, Словении и все той же Чехии.

Принципиален отказ развитых стран Евросоюза от существенной кризисной помощи новым членам. Он правилен: и на себя денег нет, а благополучие зависимых стран определяется состоянием развитых, поэтому для выживания возможно большего числа слабых в замкнутой системе надо помогать, прежде всего, сильным.

Однако этот отказ зафиксировал разделение «единой Европы» на страны даже не двух, а четырех сортов:

• крупных доноров;

Таблица 2. **Динамика ВВП стран Евросоюза, %**

Страна	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014 (прогноз)
Австрия	3,7	1,4	-3,8	1,8	2,8	0,8	0,4	1,7
Бельгия	2,9	1,0	-2,8	2,3	1,8	-0,1	0,2	1,2
Болгария	6,4	6,2	-5,5	0,4	1,8	0,6	0,9	1,6
Великобритания	3,6	-1,0	-5,2	1,7	1,1	0,3	1,8	2,9
Венгрия	0,1	0,7	-6,8	1,1	1,6	-1,7	1,1	2,0
Германия	3,4	0,8	-5,1	3,9	3,4	0,9	0.5	1,7
Греция	3,5	-0,2	-3,1	-4,9	-7,1	-7,0	-3,9	0,6
Дания	1,6	-0,8	-5,7	1,4	1,1	-0,4	0,4	1,5
Ирландия	5,4	-2,1	-6,4	-1,1	2,2	0,2	-0,3	1,7
Испания	3,5	0,9	-3,8	-0,2	0,1	-1,6	-1,2	0,9
Италия	1,7	-1,2	-5,5	1,7	0,5	-2,4	-1,9	0,6
Кипр	5,1	3,6	-1,9	1,3	0,4	-2,4	-6,0	-4,8
Латвия	9,6	-3,3	-17,7	-1,3	5,3	5,2	4,1	3,8
Литва	9,8	2,9	-14,8	1,6	6,1	3,7	3.3	3,3
Люксембург	6,6	-0,7	-5,6	3,1	1,9	-0,2	2.0	2,1
Мальта	4,1	3,9	-2,8	3,3	1,7	0,9	2.4	1,8
Нидерланды	3,9	1,8	-3,7	1,5	0,9	-1,2	-0.8	0,8
Польша	6,8	5,1	1,6	3,9	4,5	1,9	1,6	3,1
Португалия	2,4	0,0	-2,9	1,9	-1,3	-3,2	-1,4	1,2
Румыния	6,3	7,3	-6,6	-1,1	2,2	0,7	3,5	2,2
Словакия	10,5	5,8	-4,9	4,4	3,0	1,8	0,9	2,3
Словения	7,0	3,4	-7,9	1,3	0,7	-2,5	-1,1	0,3
Швеция	3,4	-0,8	-5,0	6,6	2,9	0,9	1,5	2,8
Финляндия	5,3	0,3	-8,5	3,4	2,8	-1,0	-1,4	0,4
Франция	2,3	-0,1	-3,1	1,7	2,0	0,0	0,3	1,0
Чехия	5,7	3,1	-4,5	2,5	1,8	-1,0	-0,9	1,9
Эстония	7,5	-4,2	-14,1	2,6	9,6	3,9	0,8	2,4

Источник: МВФ. Следует учесть вероятную чрезмерную оптимистичность прогноза на 2014 год, вызванный политическим и административным факторами.

- развитых стран, самостоятельно обеспечивающих свои нужды (как правило, небольших);
- крупных и потому политически значимых получателей помощи в той или иной форме;
- неразвитых стран, не имеющих политического влияния для получения значимой для себя помощи.

Это представляется крахом основополагающей идеи Евросоюза об однородной, равно развитой и, соответственно, равно демократичной Европе.

Насколько можно понять, не только нам, но и самим европейцам исключительно важно понимать, что придет на смену этой идее, – но политкорректность не позволяет им даже ставить подобные вопросы в явной форме, а не то что искать на них ответы.

Скорее всего, новые (по определению небольшие, так как на крупные страны у Евросоюза просто нет денег) его члены станут «пятым сортом» или, в более привычных для нас терминах, «пятым колесом» формально объединенной, а на деле неумолимо разъединяющейся Европы.

НАТО: послушный инструмент США

Еще в начале 2000-х годов группа российских молодых бизнесменов и топ-менеджеров посетила штаб-квартиру НАТО в Брюсселе, пытаясь в старом добром русле «народной дипломатии» добиться если не корректировки курса этого военного блока, то хотя бы большего понимания логики его действий.

Понимание было достигнуто и оказалось обескураживающе простым: когда разговор принимал уже совсем острый и откровенный характер, многозвездные натовские генералы сочувственно улыбались и разъясняли, что они – не более чем исполнители, а

реальная стратегия НАТО всецело определяется исключительно Вашингтоном.

Действия европейских стран НАТО в конфликтах, затрагивающих их собственные интересы, вполне убедительно подтверждает эти признания, так как оказывается в целом ряде случаев враждебной их собственным интересам.

Классическим примером является уничтожение Югославии, осуществленное в 1992-1999 годах. Европейские сателлиты США в НАТО, за исключением нескольких тактических исключений (вроде отказа уничтожить занявших аэродром Приштины российских десантников в 1999 году), безоговорочно поддерживали и реализовывали политику США, нацеленную на подрыв конкурентоспособности Европы при помощи превращения значительной части Югославии в незаживающую язву на ее теле.

Последовательное создание и частичное международное признание преступного (как по методам возникновения, так и по образу действий) квазигосударства Косово, ставшего центром международной сети жесточайшей организованной преступности, с точки зрения глобальной конкуренции является фактором подрыва Евросоюза как потенциального стратегического соперника США. В то же время это создание было выполнено руками самих европейских стран – последовательно действовавших в рамках НАТО против своих собственных интересов!

Аналогичная ситуация сложилась и при уничтожении ливийской государственности и самой Ливии как относительно цивилизованной страны. «Вбамбливание» ее «в каменный век» (по терминам, официально применявшимися США и их европейскими сателлитами по НАТО по отношению к Югославии в 1999 году) очевидным образом противоречило объективным европейским интересам, связанным с обеспечением бесперебойных поставок энергоносите-

лей и сдерживанием исламского фундаментализма. Тем не менее, европейские члены НАТО либо непосредственно участвовали, либо энергично приветствовали эту вредящую их собственным интересам агрессию (исключением являются власти Франции, стремившиеся не допустить предъявления Каддафи доказательств финансирования избирательной кампании Саркози и, соответственно, признания французского президента преступником).

Аналогичная ситуация наблюдается и во время украинского кризиса, когда руководство Евросоюза ставит под угрозу энергоснабжение своих собственных стран и подрывает перспективы собственного бизнеса ради того, чтобы США могли реализовывать свои стратегические интересы по ослаблению этого же самого Евросоюза как своего конкурента.

Именно для обеспечения первичности своих интересов и их преобладания над интересами Евросоюза США рассматривают членство в НАТО как необходимую предпосылку для вступления новых членов в Евросоюз (и, в силу доминирования США, это является общим правилом). Такая последовательность обеспечивает американскую ориентацию его новых членов и, соответственно, усиливает внутреннюю разнородность Евросоюза, ослабляя его. Характерно, что страны Восточной Европы во внутриевропейских дискуссиях склонны отстаивать интересы именно США, а не Европейского Союза (наиболее полно выражаемыми континентальными странами «старой Европы», финансирующими ее объединение).

Таким образом, присоединение к НАТО, являясь необходимым этапом процесса вступления в Евросоюз, обеспечивает подчинение национальной элиты интересам США и отрыв ее от осознания и защиты интересов не только своего народа, но и объединенной Европы как целого.

Таким образом, для относительно небольшого народа современной Европы курс на евроинтеграцию в ее прежнем понимании будет означать сначала политическую катастрофу (в силу переориентации ее элиты на обслуживание интересов США, а не собственной страны), а затем и катастрофу экономическую (в силу подчинения государственной политики интересам корпораций «старой Европы»).

Единственной реальной альтернативой этому саморазрушительному пути представляется в настоящее время евразийская интеграция – реинтеграция наиболее развитой части постсоветского пространства с участием России, на первом этапе – на основе обеспечения стабильного доступа к ее емкому рынку.

Евразийская интеграция: проблемы и неограниченные возможности

Главная проблематика современности – конкуренция, с одной стороны, глобальных корпораций, как оформленных, так и образующих неформальные группы, с национальными властями, а с другой – США и Китая. Евросоюз, Япония и некоторые другие страны смогут сдерживать противостояние в рамках новой, только складывающейся биполярной системы, направляя его энергию на пользу человечеству и купируя его потенциально опасные обострения.

Задача России на ближайшее десятилетие в этих условиях – надежно закрепиться в группе этих «второстепенных» стран. Ведь все остальные не будут иметь никакого влияния и, соответственно, никаких выгод, связанных с таким влиянием.

Решить эту задачу нельзя без теснейшей хозяйственной реинтеграции основной части постсоветского пространства. Ведь без Украины, Казахстана

и Белоруссии Россия в экономическом плане длительное время устойчиво существовать не может даже при самой дорогой нефти. Поэтому интеграция с этими странами – абсолютный приоритет.

Именно поэтому такие усилия были вложены Россией в развитие идеи постсоветской реинтеграции, а ее конкурентами на Западе и либеральной «пятой колонной» в ее собственном руководстве – в ее торпедирование.

Именно поэтому Россия добилась создания Таможенного союза, перерастающего сейчас в Евразийский Союз, – и именно поэтому США и их сателлиты по НАТО организовали украинскую катастрофу. Ведь без Украины, как и без России, любая постсоветская интеграция неполноценна.

Но и остальное постсоветское пространство исключительно важно для России, хотя и по иным причинам.

Дело в том, что ни одна постсоветская страна, включая даже страны Прибалтики, экономически не может существовать сама по себе. Вырванные из некогда единого экономического организма, наши страны просто не могут прилепиться к соседним организмам и потому агонизируют, погружаясь в хаос, – хотя и с разной скоростью.

Хаос в соседних странах неминуемо проникает в Россию, захлестывает ее потоком беженцев. Носители иной культуры, часто жертвы социальных катастроф, они могут разрушить этнокультурный баланс России и просто смыть российскую цивилизацию. Значит, чтобы существовала Россия, постсоветские страны должны развиваться нормально, – а организовать это развитие никто, кроме самой России, не только не хочет, но и не может.

Разумеется, такое развитие должно организовываться исключительно на взаимовыгодной основе, не отрывая, как это было в Советском Союзе, послед-

ний кусок от своих детей, чтобы накормить отлынивающего от работы соседа. Но развитие совместных производств, восстановление старых и создание качественно новых кооперационных связей, а затем и перевод торговли на рубль как общую региональную валюту позволит постсоветским странам вместе вернуться с дороги деградации на путь прогресса.

Отчаянное сопротивление прозападной части элиты России и ряда других стран (в первую очередь Украины), коррупция, бюрократизм и слабость политической воли создают серьезные препятствия реинтеграционным процессам, которые могут вызвать отчаяние.

Достаточно сказать, что введение совместной российско-белорусской валюты, намеченное еще на 2005 год, к настоящему времени отложено на неопределенное будущее.

Однако создание совместных институтов и в целом углубление евразийской интеграции продолжаются, а потребность в ней обостряется по мере развития глобального экономического кризиса.

Важно понимать, что потенциал евразийской интеграции отнюдь не ограничен официально провозглашаемыми направлениями.

Так, сначала греческий, а затем и кипрский кризис создали для России реальную возможность, выкупив чужие долги, расширить сферу интеграции и на Южную Европу, на страны, формально остающиеся членами как НАТО, так и Евросоюза. Эта возможность возникла слишком внезапно и на слишком короткое время, чтобы российское государство успело отреагировать на нее, — однако схожие возможности по мере углубления кризиса будут возникать все чаще и будут все более масштабными и реалистичными.

С другой стороны, в случае своего успеха проект «Южный поток» не просто положит конец надеждам Турции на превращении себя в газовый «хаб»

для Юго-Восточной и части Центральной Европы (а внутренняя дестабилизация мешает ей организовать серьезное противодействие этому проекту), но и создаст принципиальную возможность для поэтапной интеграции Турции в евразийское пространство, – просто в силу очевидных экономических интересов.

Неопределенность устремлений российской бюрократии, являющейся полем отчаянного сражения между прозападными и патриотическими силами, открывает широчайшие возможности для влияния на интеграционные процессы его новых членов. Даже слабые и неустойчивые страны получают в этой ситуации колоссальный шанс на получение непропорционально большого по сравнению со своим потенциалом влияния на определение будущих правил и строительство будущих институтов, – нужно просто проявить инициативу.

Незавершенность и рыхлость евразийской интеграции открывают для ее членов широкий творческий простор и создают возможности для обеспечения устойчивого развития в долгосрочной перспективе. Таким образом, сами недостатки евразийской интеграции являются источниками ее преимуществ по сравнению с европейской, – в особенности для новых членов, которые могут извлечь колоссальную выгоду из самого факта своего присоединения к ней.

В связи с этим не стоит забывать и исторический опыт: так, черногорские княжны длительное время оказывали непропорциональное влияние на российский императорский двор, что и по сей день не нравится многим историкам, но принесло колоссальные выгоды Черногории (которая именно во многом благодаря этому и смогла сохранить свою специфику и даже государственность).

Участие в евразийской интеграции позволит ее новым членам не просто получить доступ на рынки и резко повысить свой экономический потенциал, но и

принять непосредственное участие в выработке правил этой интеграции.

Приходя в Евросоюз, новые члены приходят в дом, построенный без них, который даже с их присутствием будет управляться без учета их мнений и интересов.

Участие же в евразийской интеграции позволит ее членам, в том числе и совсем новым, принять самое полное и деятельное участие в строительстве нового дома и в выработке правил совместной жизни в нем, заложив возможности полного учета своих интересов на самом глубоком, институциональном уровне.

При этом ресурсы Евросоюза очевидным образом сокращаются из-за кризиса, и их не хватает зачастую не то что на новых, но и на «старых» его членов. Ресурсы же евразийской интеграции, насколько можно судить, будут увеличиваться, – как из-за ее расширения, так и в силу ограничения коррупции в России, что неизбежно приведет к существенному высвобождению ресурсов.

ТРЕВОЖНЫЕ ЗВОНОЧКИ ИНТЕГРАЦИИ

Мы привыкли считать Белоруссию «надежным тылом» России в деле реинтеграции постсоветского пространства.

Конечно, были и несбывшиеся надежды, и бизнес-войны, и жесткие заявления (вплоть до вошедшего в дипломатический фольклор предположительного разъяснения, сколько и чьих дивизий стоит между Москвой и Минском).

После краха надежд на общую валюту (во многом из-за административной реформы 2004 года, парализовавшей правительство России) руководство Белоруссии увидело невозможность стратегического союза с коррупционерами. Поняв, что стране придется стоять на своих ногах, оно занялось укреплением патриотизма, подчеркиванием суверенитета, налаживанием отношений с Евросоюзом.

Экономический кризис 2008-2009 годов вкупе с отвлекшей от него внимание попыткой государственного переворота нанес стране страшный удар. Россия подставила плечо, Белоруссия не дала коррупционерам и олигархам залезть себе ни в карман, ни под юбку, – и над мутным варевом мелких склок воздвигся Таможенный союз, основа нашего общего будущего.

В России хорошо помнят, с каким лицом подписывал соглашение о его создании президент Белоруссии, – сразу после показа по официозному телеканалу фильма «Крестный батька». Понятно, кто и зачем из до сих пор остающихся во власти представителей либерального клана организовал эту провокацию

против нашего союза, – и чего стоило руководству братской страны не поддаться на нее.

Тем более тревожны некоторые тенденции в жизни Белоруссии.

В связи с обсуждением 200-летия Отечественной войны 1812 года академический Институт истории сделал официальный вывод о необоснованности этого термина. Насколько можно судить, для белорусского народа и Франция, и Россия были в то время одинаково чужды, поэтому о защите Отечества против наполеоновского нашествия не могло идти и речи. И к юбилею 200-летия Отечественной войны 1812 года ее название практически полностью исчезло из официальной историографии.

Огромное внимание и по сей день уделяется установке памятников правителям Великого княжества Литовского и восстановлению имений польско-литовской знати, которая официально считается белорусской (при том, что ее представители, как правило, искренне не считали белорусов людьми).

Это напоминает стремление принизить связь наших народов и выпятить связи с Европой, что имеет ясный внешнеполитический смысл.

Члены официального Союза писателей Белоруссии, по сообщениям СМИ, наряду с естественным стремлением к развитию белорусских издательств выражают возмущение засильем на книжном рынке страны «русскоязычной» литературы как таковой.

С русского языка на белорусский переведены указатели улиц, населённых пунктов, расписания общественного транспорта, – вплоть до проездных билетов, хотя формально равный статус обоих государственных языков сохранен.

Это также напоминает слишком понятный путь большинства постсоветских государств, – и в Белоруссии (как и в России) подобные изменения нельзя объяснить общественной или местной инициативой.

Их нельзя воспринимать как повод для агрессивного навязывания своей обиженности в стиле неразумных религиозных деятелей. Напротив – это сигнал глубинного, еще не проявленного неблагополучия двусторонних отношений.

Нужно тщательно проанализировать их, выявить источник неблагополучия и устранить его.

Ведь дрейф Белоруссии от России не только превратит ее в безысходный северный аналог Молдавии, но и драматически ослабит нашу страну. Дополнительный (после украинской катастрофы) подрыв реинтеграции постсоветского пространства снизит нашу устойчивость в глобальной депрессии, лишит наше государство источника культуры ответственности перед народом (дефицитной после четверти века национального предательства), разрушит социальный и технологический капитал, необходимый для возрождения России.

Не радуя наших врагов сварами, мы должны выявить и устранить причины охлаждения отношений с друзьями.

ТРУДНОСТИ КИТАЯ –ТРЕВОГА РОССИИ

Головокружительное возвышение Китая, ставшего главным событием XXI века и уверенно занимающего место Советского Союза в биполярном противостоянии с Западом, не должно заслонять от нас качественных проблем нашего великого соседа. Ведь в ближайшие годы они неминуемо, просто в силу глобального значения Китая, будут оказывать нарастающее влияние на состояние нашего собственного общества.

Прежде всего, Китай уже на протяжении более чем десятилетия осуществляет трудный переход от развития преимущественно за счет экспорта к развитию за счет прежде всего внутреннего спроса.

Этот переход объективно обусловлен, так как нарастание экономических проблем в развитых странах существенно сдерживает увеличение китайского экспорта в них, а срыв мировой экономики в депрессию и вовсе сократит мировую торговлю.

Однако переход от экспортного развития к развитию за счет внутреннего спроса, при всей неизбежности, будет крайне болезненным для Китая, так как объективно вызовет существенное снижение рентабельности. Оно весьма сильно ударит по надеждам китайского общества, на протяжении уже более чем поколения привыкшего к непрерывному улучшению своих жизненных условий. При этом самый сильный удар придется по наиболее социально активным группам, получающим наибольший выигрыш от социально-экономического прогресса.

Естественное недовольство этих групп вызовет с их стороны требования продолжить улучшение их

положения привычными темпами, – даже если для этого придется ухудшить жизнь основной, более пассивной части населения. Это стандартный либеральный подход, – но в Китае он не пройдет, в том числе и потому, что китайские лидеры с великим тщанием изучили подготовленный по их поручению многотомный доклад об ошибках советского руководства, приведших к распаду СССР.

Неизбежное противодействие подобным настроениям вынудит государство усилить контроль за всеми важными сторонами общественной жизни. Поскольку в силу специфики современной китайской государственности этот контроль будет прямым, а не косвенным, как на Западе, он ограничит свободу личности и, соответственно, возможности постиндустриального развития. А ведь Китай и так остро переживает общую для коллективистских обществ Азии проблему несовместимости массового свободного творчества с культурной традицией и объективно обусловленной склонностью к копированию и улучшению уже имеющихся образцов и принципов.

Затруднение развития в условиях обострения глобальной конкуренции создаст сильное внутреннее напряжение.

Оно будет усиливаться из-за изменения демографической ситуации: жесткое ограничение рождаемости создало сильный количественный перекос в пользу мальчиков. В результате в Китае уже сейчас несколько десятков миллионов молодых мужчин гарантированно не могут найти себе спутницу жизни, что объективно повышает уровень агрессии в китайском обществе.

Внутренняя агрессивность усиливается появлением и расширением поколения балованных единственных сынков, получивших выразительное наименование «маленьких императоров».

В этих условиях особенно значим фактор смены поколений: не только на низшие, но и на средние, а в последние годы уже и на высшие посты в массовом порядке приходят люди, получившие западное по своему типу образование. Высокая индивидуальная эффективность сочетается у них с ориентацией на личные достижения в ущерб общему благу. Если уходящие поколения китайских управленцев служили Китаю потому, что это Китай, то новые все чаще служат ему просто потому, что это выгодно.

Смена руководителей, боровшихся за выживание своего народа, отличниками, борющимися за хорошие отметки, в середине 2000-х годов имела зримые катастрофические последствия в Израиле; в середине 10-х нечто подобное существенно снизит эффективность Китая – причем в самый неподходящий момент.

Продолжение развития Китая неминуемо будет усиливать рост стихийного китайского патриотизма, как бы его ни сдерживали лидеры страны. Этот процесс будет объективно оборачиваться в том числе против нас: на российско-китайской границе трудно не поразиться контрасту между нашей разрухой и их рачительностью. То, как недобросовестная часть правящей бюрократии разворовывает и разрушает наши ресурсы, чтобы вывезти их в тот же самый Китай, вызывает у китайцев ужас и омерзение.

В результате уже сегодня принадлежность Сибири и Дальнего Востока России представляется результатом не только нашего суверенитета, но и китайско-американского баланса сил; со временем однозначность их принадлежности может подвергнуться размыванию.

В этих условиях часть китайского руководства может попытаться смягчить нарастание внутреннего напряжения в стране за счет «сбрасывания» излишней агрессии вовне.

Ничего нового в этом нет: насколько можно судить, нечто подобное произошло в 1979 году, когда одной из причин нападения Китая на Вьетнам стало, по-видимому, желание высшего китайского руководства «охладить пыл» своих военных руководителей. Ведь в результате массового уничтожения управленческих кадров в ходе «культурной революции» почти на все значимые посты были поставлены военные: других менеджеров просто не осталось. В результате пассионарность последних, ставшая потенциальной угрозой для внутреннего баланса сил в китайской элите, была сожжена на вьетнамской границе (в жестоких боях, память о жертвах которых живет в китайском обществе и по сей день), и страна получила десятилетие (до событий на площади Тяньаньмынь) спокойного развития.

Понятно, что мышление «по аналогии» всегда хромает, и попытка сброса внутренней агрессивности вовне не сможет достигнуть успеха хотя бы из-за мощности и разнообразия факторов, порождающих эту агрессивность. Однако даже обреченная на неудачу попытка может произойти, если ситуация начнет выходить из-под контроля: гарантированно не решив проблему, она позволит хотя бы выиграть время, особенно с учетом снижения качества китайского управления.

Разумеется, внешне это будет выглядеть как абсолютно стихийный процесс, к которому руководство Китая не имеет отношения и который оно осуждает и всеми силами решительно сдерживает, – но для нас эти события могут стать серьезным испытанием.

Чтобы не допустить их, Россия должна всеми силами крепить стратегическое партнерство с Китаем, улучшать понимание друг друга и наращивать интеллектуальные контакты с тем, чтобы взаимопомощь в вопросах стратегического прогнозирования и управления постепенно превратила бы наше партнерство в прочные союзнические отношения.

Это необходимо еще и для того, чтобы модернизация России, когда она из пустого трепа превратится в реальную политику, объективно ограничивая китайский импорт в нашу страну и тем самым создавая для наших партнеров определенные трудности, не привела к обидам и инстинктивному ухудшению отношений.

НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Люди доброй воли, стремящиеся к сотрудничеству, а не конфронтации, знающие, что худой мир лучше доброй ссоры, и что, как говаривал Громыко, «лучше десять лет вести переговоры, чем десять минут войну», находятся сейчас в скверной и затруднительной ситуации.

В самом деле: как развивать сотрудничество с нашими партнерами на Западе, которые развязали и ведут против нас войну, – пока в основном холодную, но сопровождающуюся артиллерийскими обстрелами не только новоросских, но и собственно российских городов и сел с сознательным убийством граждан России?

И США весьма последовательно одобряют расстрелы наших городов и убийства наших граждан, – а американские официальные лица очень четко и последовательно исходят из того, что им не важны факты, потому что во всем и всегда виновата Россия?

Мы ощущаем себя сербами времен уничтожения Югославии, смертно и безысходно виновными перед Западом в том, что мы вообще существуем.

Мы вновь находимся в положении 2008 года, когда Саакашвили, опираясь на информационную и политическую поддержку Запада, а по ряду источников, – и на однозначные обещания военной поддержки, – попытался продолжить прерванный в 1992 году геноцид южных осетин, а агрессорами за это были объявлены мы.

И сейчас нам приходится читать, – не в подметном листке, не в *Sun*, даже не в *Guardian*, а в почти библии внешнеполитической мысли США, респектабельном и рафинированном *Foreign Affairs*, – что

эксперты все еще пока не доказали вину России в уничтожении малайзийского «Боинга», но всем и так понятно и не вызывает ни у кого никаких сомнений, что в этом виновата именно Россия.

Кому и зачем на Западе это нужно?

Ведь вряд ли Обама, Меркель и прочие кое-где кое-кем все еще уважаемые люди любят нацизм, – хотя и риторика, и практика всецело поддерживаемого ими киевского режима являются безусловно и классически нацистскими.

Скорее всего, Обама и другие организовали государственный переворот в Киеве, привели к власти заведомых нацистов и не только всемерно поддерживают, но и во многом направляют их террор отнюдь не потому, что они вместе с нацистами испытывают эстетическое наслаждение при виде смертных мук «пятимесячной личинки колорада» (так сторонники нынешней киевской власти называют пятимесячных русских детей, которых они убивают).

США поддерживают нацистов по необходимости: просто потому, что других антироссийских, русофобских сил на Украине не существует в принципе.

Если бы Гитлер напал на Россию сегодня, президент Обама помогал бы ему всеми возможными способами и послал бы ему на подмогу если не все вооруженные силы США, то значительную их часть.

И здесь нет никаких двойных стандартов, не надо повторять эти странные формулы, стандарт один и он вполне откровенен: русские – не люди. Люди, имеющие права человека, живут только в развитых странах и в странах, на которых госдепартамент США поставил «знак качества». Все остальные – «ватники и колорады», их можно «вбамбливать в каменный век», как говорилось про Югославию, жечь заживо, как в Одессе, и произвольно, просто по желанию обвинять во всех смертных грехах.

Почему так происходит?

Можно по милой дипломатической привычке списать все на цепь обоюдных мелких ошибок, недопониманий и недоразумений: мол, поскольку трансатлантическая зона свободной торговли убьет Евросоюз, тот в порядке хоть какой-то компенсации за это интенсифицировал захват украинского рынка, да заторопился, пережал и уничтожил ненароком всю украинскую государственность. Кто-то в этом должен быть виноват, а не себя же обвинять? – и тут под руку удачно подвернулся Путин, который предпочел народное демократическое волеизъявление в Крыму интересам, связанным с неформальной зависимостью от Запада, и вообще не поддерживает право гомосексуалистов агрессивно навязывать всем остальным свои образ жизни и нормы морали, и вот уже за Путина, чтоб не копаться в мелочах, стали мстить России и всем русским вообще...

Однако подобное умозаключение не соответствует представлениям о минимальной разумности руководящих структур Запада. Ни Вашингтон, ни Лондон, ни даже Берлин еще не сошли с ума, еще пока не превратились в Киев.

И тем, кто уже привык смеяться над Псаки, стоит изучить ее прошлую деятельность: если человек ради дела художественно изображает из себя идиота, это отнюдь не значит, что он таковым является на самом деле.

А за цепочкой мелких совпадений по значимым вопросам, как правило, должна стоять большая закономерность, – новая закономерность, поскольку мы ее пока еще не знаем.

Найти новую закономерность довольно просто: надо искать странности, не укладывающиеся в закономерность старую.

В настоящее время на поверхности происходящего таких странностей есть как минимум две.

Первая заключается в том, что обычный политик всегда думает о том, как он будет выглядеть, в том числе в истории, – и потому старается не лгать в явной форме. Когда политик открыто, публично и откровенно лжет, как президент США Обама, рассказавший нам о никогда не проходившем референдуме в Косово, который, тем не менее, для него более легитимен, чем реальный референдум в Крыму, а затем поведавший нам о российских войсках на Украине (на следующий день после заявления не кого-нибудь, а самой Псаки – «во всем виновата Россия», что никаких подтверждающих это данных у США нет), – это не патология.

Как сказал покойный Александр Лебедь, «глупость – это такой ум».

И наглая, циничная, откровенная ложь Обамы – признак того, что ему действительно, по-настоящему безразлично, что о нем скажут потом. А это значит, что он уверен: никакого «потом» у него, несмотря на уже близкий конец второго президентского срока, не будет, – а будет что-то такое, что заслонит для человечества и истории и заставит их забыть любую его сегодняшнюю ложь как невинную детскую шалость.

Вторая странность заключается в том, что в Ираке, где кризис развивается одновременно с украинским, США на первом этапе не поддерживали созданное ими же светское правительство против исламистских боевиков до тех пор, пока этому правительству не помогла Россия. Бросились помогать только после того, как их ставленникам помогли мы, и вопрос об их выживании был таким образом решен.

Конечно, непростой выбор: исламские фундаменталисты были созданы США точно так же, как и светские власти в Ираке.

Но то, что США сначала не хотели помогать своим светским марионеткам, означает одно: по каким-то причинам они отнюдь не против кровавого хаоса

на Среднем и, в целом, на всем «Большом Ближнем Востоке».

Каковы эти причины?

Как экономист автор, естественно, страдает профессиональным шовинизмом, – однако стратегические решения современного мира принимаются не выбившимися в политики юристами, а главарями глобальных монополий, точнее – групп этих монополий.

Экономистами по типу мышления, какие бы дипломы ни лежали в карманах их юношеских пиджаков.

Стратегия США представляются достаточно простой (не потому, что «пендосы примитивны», а потому, что сложные стратегии имеют скверную привычку не работать): с 2001 года они спасают мир, охваченный глобальным кризисом, и в первую очередь себя, от срыва в глобальную депрессию. Метод простой: экспорт слегка закамуфлированной под демократию сначала нестабильности, а потом, когда она стала недостаточной, – и хаоса. Расширение его зоны пугает капиталы всего мира, особенно спекулятивные, те бегут в последнюю «тихую гавань» – к США – и временно поддерживают их экономику, в частности (но далеко не только) долговую пирамиду.

Этот механизм исчерпал себя еще в Сирии: с одной стороны, распространению хаоса положен предел непреклонным вооруженным сопротивлением, с другой – долги уже слишком велики, финансировать их больше нельзя (основная часть прироста вынужденно покрывается ФРС, и эмитированные избыточные доллары выплескиваются на потребительский рынок, порождая инфляцию), их пора сжигать, – а для этого нужна Третья мировая война.

Настоящая.

«Горячая».

Ведь ФРС – не классический Центральный банк, который может действовать по принципу «кому я

должен, всем прощаю», а выполняющий государственные функции консорциум частных банков. При всем своем симбиозе с государством и властью над президентами они существуют ради прибыли и отчитываются перед частными акционерами. Списание госдолга обесценит вложения последних, что в мирных условиях неприемлемо для этих акционеров; значит, условия должны стать не мирными.

Задача такого масштаба не по силам государству просто потому, что оно все еще сохраняет хоть какую-то рудиментарную ответственность. Само появление подобной задачи на повестке дня означает, что на авансцену истории вышли глобальные монополии, манипулирующие государствами (даже американским) и полностью свободные от ответственности перед человечеством в силу отсутствия у них налогоплательщиков, избирателей и масс влиятельных акционеров.

Российская политика на Украине в той части, в которой ее можно оправдать, нацелена на то, чтобы любой ценой не допустить разжигания Третьей Мировой у наших границ и, соответственно, не дать втянуть нас в нее.

Именно эту задачу пытается решить наше руководство, финансируя нацистов бесплатным газом до середины июня, замалчивая правду о палачах малайзийского «боинга» (и многих других палачах, оттягивающихся сейчас на Украине), отказываясь от исполнения решений Нюрнбергского трибунала в части необходимости не допускать нацизм к власти, не противодействуя чудовищной подготовке геноцида (которой является уничтожение инфраструктуры самого густонаселенного района СССР – Донецкой агломерации), мирясь с публичными оплеухами и по-христиански подставляя другую щеку.

Российское государство как бы говорит: разжигайте Третью мировую, где хотите, – в Ираке, Сау-

довской Аравии, Израиле, поскольку мы не имеем возможности не допустить ее вообще.

Но мы должны отодвинуть этот разверзающийся ад от своей страны.

Поэтому объективная задача, которая стоит перед всеми людьми доброй воли сегодня и объективно формирует нашу повестку дня, предельно проста: не допустить Третьей мировой войны с участием крупных ядерных держав.

В первую очередь – России и США, хотя не будем забывать и Китай, официальный ядерный потенциал которого волшебным образом отстает от экономического.

Эта задача понятна и объединяет всех, без каких бы то ни было исключений... даже с пациентами нацистского дурдома на Украине, – и, возможно, именно поэтому президент Путин публично пожал руку Порошенко вместо того, чтобы хотя бы сломать ее.

Да, огромная часть Украины сошла с ума и стала на четвереньки, – и большинство людей, имеющие там родственников и знакомых, уже столкнулись с этим.

Таков сегодняшний облик демократии, которую поддерживают и которую активно насаждают США и, их руками, глобальные монополии, – но скорбеть и тревожиться в этой связи надо отнюдь не о том, что Запад совершил в России имиджевое самоубийство, а о том, что это затрудняет решение задачи отодвигания Третьей мировой войны, – если не во времени, то в пространстве.

А большинство наших родственников и друзей со временем вылечатся, и мы им поможем, – если не сгорим все вместе в ядерном пламени для того, чтобы снизить долговую нагрузку на глобальные финансовые монополии.

Глава 2
УКРАИНСКАЯ КАТАСТРОФА: ВСЕРЬЕЗ И НАДОЛГО

ШАГИ НА УКРАИНУ: ЧТО ДЕЛАТЬ РОССИИ

Материал подготовлен 2 марта 2014 года, в первый день крымского кризиса, и представляет интерес как исторический документ.

Реакция российского руководства, – а точнее, весьма разумные, но частичные действия при полном отсутствии их внятного объяснения, – свидетельствуют об отсутствии стратегии и пресловутом «ситуативном реагировании».

Между тем эти действия создают ощущение того, что четверть века национального предательства, возможно, начали заканчиваться. И вынужденная и частичная защита русских на Украине может перерасти в аналогичную политику как в отношении других стран (например, Средней Азии), так и самой России.

Поэтому стоит напомнить некоторые простейшие, азбучные вещи.

Прежде всего: армия есть инструмент политики. Если военная операция завершается успехом, но политики не способны оценить этот успех и воспользоваться им, – он оборачивается поражением. Приме-

ров масса – от занятия аэропорта Приштины и победы во второй чеченской войне до отражения агрессии Грузии в 2008 году.

То же самое касается защиты населения Крыма.

Главный урок падения Януковича – предательство «офшорной аристократии». Люди, служащие своим вывезенным на Запад активам, обречены на уничтожение своей страны и передачу ее под власть первых подвернувшихся Западу бандитов.

«Офшорная аристократия» будет блокировать любую реализацию интересов России «в каждой точке», если ее не подавить, что можно сделать быстро: лишить госслужащих и их семей права иметь недвижимость и счета за рубежом и иметь причастность к бизнесу. Вся собственность офшорных компаний под страхом безвозмездной конфискации как ничейной должна быть в течение полугода перерегистрирована в России.

Без этого «пятая колонна» евронацистов в руководстве России превратит российских януковичей в еще более жалкое подобие януковичей украинских.

Только наличием этой «пятой колонны» можно объяснить то, что российское руководство до сих пор не сделало простейшие вещи, которые надо сделать как можно раньше (ибо с каждой минутой время уходит).

1. Следует зафиксировать, что в Киеве произошел нацистский переворот, организованный при прямом участии высокопоставленных дипломатов стран Запада (включая трех министров иностранных дел стран членов Евросоюза), и прямо, через ООН, потребовать у них ответа. «Правый сектор» и другие боевики Майдана, временно оккупировавшие Киев, – это евронацисты, зоологические русофобы, отношения с которыми невозможны. Как они сами, так и их партнеры в России и других странах должны автоматически считаться экстремистами и пресле-

доваться по закону. Российские активы украинских олигархов, финансировавших Евромайдан, должны быть заморожены до судебного выяснения степени их вины.

2. Следует установить, что, поскольку Верховная Рада начала свою постмайдановскую деятельность с нарушения Конституции Украины, она нелегитимна, работает, вероятно, под угрозой насилия против членов семей депутатов (публичные призывы к которому мы слышали, например, в отношении семьи бывшего губернатора Волынской области, подвергнувшегося насилию в стиле китайской «культурной революции») и к народу Украины отношения не имеет.

Соответственно, украинской государственности в настоящее время не существует. В связи с этим все активы Украины в российской юрисдикции должны быть заморожены.

Граждане Украины, владеющие русским языком, должны получить гражданство России по желанию.

3. В случае восстановления легитимной украинской государственности (например, формирования Януковичем правительства народного доверия на территории Украины) отношения должны поддерживаться с ее носителями, которые будут получать помощь, как положено среди представителей братских народов. Аналогичные отношения должны поддерживаться с нынешним руководством Крыма.

4. Легитимные украинские власти должны немедленно привести к присяге военных, силовиков, судей, а также полностью прекратить перечисление налогов и таможенных платежей в Киев, сформировать собственный бюджет государства Украина.

В силу трудностей с организацией собственного денежного обращения им следует разрешить использовать российские рубли наравне с гривнами.

Бандеровские бандформирования и их участники должны быть объявлены вне закона.

5. Российское руководство должно прекратить всякое кредитование временно оккупированных евронацистами территорий Украины. При отказе платить долги за газ под любым предлогом его поставки этим территориям должны быть полностью прекращены, при малейшем воровстве поставляемого в Евросоюз газа его импорт должен быть остановлен до того момента, когда страны – импортеры газа смогут призвать к порядку своих киевских ставленников и гарантировать его бесперебойную поставку.

Разумеется, сотрудничество с регионами, контролируемыми легитимной украинской властью, должно всячески стимулироваться.

6. Вопрос воссоединения Крыма с Россией должен быть решен на общекрымском (поскольку украинское государство более не существует) референдуме как можно быстрее, не позднее конца марта.

В случае восстановления легитимной украинской государственности до того времени на контролируемых ею территориях могут быть по ее желанию проведены аналогичные референдумы. Однако более целесообразным представляются усилия по освобождению Киева от евронацистской оккупации и восстановления Украины как единого государства в прежних границах за исключением территорий, пожелавших выйти из ее состава во время безвластия (возможно, помимо Крыма, это будет Галичина).

7. Если легитимные украинские власти захотят после возврата контроля за Крымом воссоединиться с Россией, Россия должна четко предусмотреть механизмы защиты интересов как элит, так и широких народных масс Украины в рамках единого государственного образования.

Принципиально важно, что восстановление украинской государственности в условиях оккупации

Киева евронацистами возможно лишь при оздоровлении государственности российской.

Не следует забывать, что значительная часть антироссийской евромайданной пропаганды является правдой или почти правдой; не следует забывать, что имидж России на Украине испорчен не только враждебной агитацией, но и действиями самого российского государства.

Без оздоровления в ходе украинского кризиса российская государственность не сможет не только воссоединиться с украинской, но и просто просуществовать без собственного Майдана (уже не бандеровского, а исламистского) более пяти лет.

Пока же она не в состоянии даже просто напомнить всем заинтересованным лицам, что защита жителей Крыма началась не на пустом месте, а после столкновений у здания Верховного Совета Крыма, состав пострадавших в которых вызвал полное ощущение того, что экстремистские элементы из числа крымских татар или приехавших евробандеровцев начали резню русского населения Крыма.

Увы...

ПОЧЕМУ ЛИБЕРАЛИЗМ УБИВАЕТ: ПРИМЕР УКРАИНЫ

МВФ – врач, который выписывает рецепт, не интересуясь диагнозом

Махатхир Мохамад,
премьер-министр Малайзии в 1981-2003 годах

«Незалэжность», она же катастрофа

Экономические итоги «развития» Украины после распада Советского Союза шокируют.

В отличие от России, там не было даже кратковременных, вроде правительства Примакова, отступлений от «генеральной линии» либеральной социально-экономической политики: она проводилась в жизнь последовательно, неуклонно, без искажений.

В результате с 1990 года масштабы экономики (объем ВВП) уменьшились на треть, как и выпуск электроэнергии, а прокат черных металлов сократился более чем вдвое.

В 1990 году ядром экономики Украины были машиностроение и химическая промышленность. Выделенная из Советского Союза, Украина входила бы в первую десятку наиболее развитых стран мира (а по мощи научного комплекса занимала бы 7 место в мире).

За время независимости доля ее ВВП в мировом упала в десять раз – с 2 до 0,2%, а в расчете на душу населения превышение среднемирового уровня на 11% сменилось отставанием от него на 40%.

Доля машиностроения в экономике упала с 31 до 9%.

В стране, треть населения которой проживает в селах, обладающей огромными черноземными почвами, выпуск тракторов рухнул в 20 раз. Станкостроение было уничтожено: число заводов сократилось с 16 до 3, их выпуск – с 37 тысяч до нескольких десятков станков в год.

Закрылась примерно половина приватизированных предприятий – около 50 тыс.

Финансирование науки упало с 3,1 до 0,3% ВВП, в результате чего она утратила свою экономическую функцию: доля инновационно активных промышленных предприятий упала со вполне европейского уровня в 56% до 11%.

В результате деградации экономики Украина потеряла 12 млн. рабочих мест. Средняя доля зарплаты в себестоимости продукции упала до 6% (при 40% в среднем по Евросоюзу). По оценкам ООН, 80% населения Украины накануне нацистского государственного переворота жило ниже черты бедности, которая, по сути дела, представляла собой порог не бедности, но нищеты.

Подлинная социальная катастрофа проявилась в падении численности населения с 52 до 45,6 млн. чел.; однако еще около 7 млн. вынуждено уехать из страны на заработки, из-за чего на территории Украины осталось менее 39 млн. чел. населения.

Между тем сохранение социально-экономических тенденций 70-80-х годов прошлого века привело бы к тому, что в настоящее время на Украине проживало бы около 57 млн. чел.

Таким образом, демографические и миграционные потери составили почти треть возможного населения.

Почему же реализация либеральных рецептов, последовательное выполнение требований МВФ привели к таким страшным результатам?

Путь от свободы к современной реинкарнации фашизма

При изучении истории порой кажется, что забывчивость – главная характеристика человека. Не только восприятие, но и сущность многих явлений с теченьем лет меняется диаметрально, и исходная ситуация исчезает из памяти навсегда.

Сейчас уже мало кто помнит, что большевистская газета «Правда» стала выходить только с 1912 года, в том числе потому, что до этого времени под этим названием выходила обанкротившая монархическая газетка.

Что диктатура пролетариата при всем своем классовом подходе была значительно демократичней современных ей буржуазных демократий.

Что США до самого президентства Картера исступленно воевали с самой идеей демократии в странах «третьего мира», *a priori* рассматривая ее сторонников как просоветские силы.

Но это касается не только отдельных фактов и подходов: это касается и великих идей, которые живут долгую жизнь, – порой настолько долгую, что успевают за нее превратиться в свою противоположность.

Либерализм – главная глобальная политическая сила, начиная с рубежа 70-х и 80-х годов XX века, – первоначально возник как идея свободы и суверенности личности, как политическое выражение того ее самоосмысления и выделения из человеческого роя (или клана, или стада), которое стало гуманитарным содержанием эпохи Возрождения.

И многие до сих пор воспринимают либерализм как стремление к свободе, – совершенно не замечая, что со времен переписки Вольтера с Екатериной Великой утекло слишком много воды.

И смысл слов драматическим образом переменился.

Правда, в нашей стране эта смена произошла относительно недавно.

Организаторы и младшие офицеры демократической революции конца 80-х – начала 90-х, ненавистники «совка» и «партхозноменклатуры» в массе своей искренне хотели свободы.

Но затем, еще до прихода их к власти, очень быстро оказалось, что самая свободная и наиболее стремящаяся к свободе часть общества – это не инженерно-технические работники и даже не творческая интеллигенция, а бизнес: нарождавшиеся кооператоры, выходившие из тени «цеховики», приценивавшиеся к государству мафиози.

И наиболее практичная часть борцов за свободу пошла служить бизнесу: не только потому, что он платил деньги, – но тогда еще и по идейной близости.

А дальше очень легко выяснилось, что чем бизнес больше, тем он сильнее. И для того, чтобы победить в аппаратной конкуренции, карьерной гонке, политической борьбе, – надо служить не какому-нибудь, а именно более сильному, то есть крупному бизнесу.

А самым крупным – и, соответственно, самым сильным бизнесом – оказались олигархи: те, кто критически значимую часть прибылей получал за счет прямого контроля за теми или иными кусками государства.

И для того, чтобы лучше отстаивать идеалы свободы, чтобы иметь для этого силы, либералы пошли служить олигархам.

И люди, привычно произносившие слова о святости права частной собственности, легко и элегантно устраивали ее массовое разграбление в интересах права частной собственности «своих» олигархов.

Люди, кричавшие о свободе конкуренции так, что уши закладывало, признали свободу конкуренции

монополистов, которым они служили, с беззащитными мелкими бизнесменами, – но ни в коем случае не наоборот.

А борцы за свободу слова стали борцами исключительно за свободу слова в интересах купившей их олигархии.

В целом это произошло за 5 лет: с 1991 по 1996 годы (хотя «раздавите гадину!» отдельные профессиональные борцы за свободу завизжали еще в сентябре 1993).

А затем оказалось, что олигархи – далеко не самый мощный бизнес, что главной исторической силой современности являются глобальные монополии, находящиеся над государствами и подчиняющие их своим интересам.

И, не переставая клясться либеральными ценностями (хотя из всех них они по-настоящему понимали лишь пресловутое «лавэ»[1]), желающие держаться на гребне волны и контролировать свои общества суетливые политические менеджеры стали обслуживать интересы глобальных монополий.

Именно в этом заключается суть современного либерализма.

Его библия – Вашингтонский консенсус. От него трижды отреклись (как многие святоши считают заявление о создание богом мира за шесть дней «поэтическим образом, а не конкретным фактом»), его многократно признали устаревшим (как и церковнославянский язык), – но он остается символом веры современного либерализма и претворяется в жизнь с неослабной энергией и предельной жестокостью, до организаций террористических интервенций и бомбардировок включительно.

Смысл Вашингтонского консенсуса предельно прост: государство должно служить в первую очередь

1. Жаргонное обозначение свободно конвертируемой валюты, в широком смысле слова – наличных денег.

интересам глобального бизнеса. Если же они противоречат интересам его народа (что, в общем, является стандартной ситуацией), – то, во-первых, тем хуже для народа, и, во-вторых, «не ту страну назвали Гондурасом».

Поэтому либералы обречены проводить социально-экономическую политику, направленную против интересов их собственных народов: они служат принципиально иным интересам.

Строго говоря, либерализм как идеология крупнейшего бизнеса своего времени занял место фашизма и является его аналогом в новых условиях.

Ведь с точки зрения управления фашизм, как идеология, интегрированная в управленческую практику, решал простую и внятную задачу: как поставить малый и средний бизнес, неумолимо разоряемый крупными монополиями, на службу последним.

Для этого этим крупным монополиям понадобилось овладеть государством, слиться с ним и изменить сознание разоряемых, направив их в завоевательные походы.

Сегодня глобальные монополии уничтожают целые общества, – и либерализм, проповедуя подавление большинства различными меньшинствами и давая каждому соблазн стать частью такого в чем-то привилегированного меньшинства, разрушает общество как целое и, парализуя его, не позволяет ему защищать свои интересы против внешнего монополистического агрессора.

Это ярко проявляется в истории, в том числе современных России и Украины.

В нашей стране пик реализации либеральной политики пришелся на 90-е годы, когда разгул воровства и коррупции привели к разграблению бюджета олигархами и реформаторами всех мастей и катастрофическому дефолту. Однако и в наше время социально-экономическая политика носит жестко либеральный

характер и направлена в целом на продолжение разграбления и уничтожения общества, а не на его созидание и модернизацию.

На Украине же крах государственности и непосредственный, не прикрытый никакими фиговыми листками приход олигархов к власти привел к реализации либеральных рецептов в их классической, убийственной для общества форме.

Украинская экономика может существовать лишь в теснейшей интеграции с российской, что нетерпимо для Запада (из-за угрозы возрождения Советского Союза), но главное – для глобального бизнеса (так как тогда ресурсы Украины не будут проданы ему подешевке).

Сегодня, как и олигархи, глобальный бизнес руками либералов-евронацистов, захвативших власть в Киеве, стремится к максимально быстрому банкротству Украины, чтобы скупить за гроши ее активы, прежде всего плодородную землю, энергетику (включая АЭС), речные и морские порты, эффективную часть шахт.

Население, пусть и сократившееся за годы «незалежности» на 13%, является для интересов глобального бизнеса избыточным и потому подлежит дальнейшему форсированному сокращению, в том числе при помощи уничтожения социальной сферы.

Только первая часть мер, навязанных Украине МВФ на первом этапе после нацистского государственного переворота, потрясает и сводится в основном к шести пунктам:

1. Повышение пенсионного возраста (на два года для мужчин и на три, до 60 лет, для женщин), ликвидация права на досрочную пенсию и учета года работы на опасных предприятиях за два. Ликвидация повышенных пенсий госслужащим, топ-менеджментам госпредприятий (в этом все верно), ученым. Двукратное сокращение пенсий работающим пенсио-

нерам (давняя сладкая мечта российских либеральных реформаторов – отменить такие пенсии вовсе – чрезмерна даже для оккупированной евронацистами Украины).

2. Удорожание газа (и это без учета отмены газовой скидки!) и тарифов ЖКХ для муниципальных предприятий в полтора раза, для граждан вдвое. Удорожание электроэнергии в 1,4 раза. Рост акциза на бензин в 1,6 раза (при том, что в Киеве он в момент предъявления этих требований стоил примерно евро за литр).

3. Замораживание зарплаты в госсекторе. Отказ от повышения прожиточного минимума. Сведение социальной помощи к точечным субсидиям (бессмысленным при массовой нищете и порождающим чрезмерные административные расходы). Отмена всех видов государственной поддержки родов, бесплатного питания (включая школы и больницы), учебников. Начисление пособий по безработице только после легальной работы в течение полугода. Оплата больничных с третьего дня болезни, на уровне 70% зарплаты (без премий и доплат), хотя и не ниже прожиточного минимума.

4. Отмена налоговых льгот, в том числе льгот по НДС на селе и освобождения от НДС аптек. Полуторное повышение транспортного налога.

5. Приватизация всех шахт при одновременном полном прекращении субсидирования экономики (включая производителей свинины и мяса птицы) и предоставления льгот всем предприятиям (включая ЖКХ и транспорт, что резко повысит тарифы). Отмена моратория на продажу сельхозземель.

6. Ликвидация 6 министерств, сокращение их числа до 14, сокращение числа вице-премьеров до одного, подчинение всех госкомитетов и служб министерствам, ограничение «чрезмерной» оплаты труда госчиновников (хотя, похоже, что высший их уровень

получает неофициальную зарплату у олигархов и на Западе). Эти меры разумны, хотя логично было бы оставить в качестве правительства Украины посольство США с прикомандированными к нему послами Германии и Польши: это было бы и эффективней, и разумней, и дешевле.

Однако Россия и Украина – не отдельные исключения (вызванные, как порой говорят отчаявшиеся люди, «животной ненавистью Запада к славянам»), а типичные жертвы либеральной политики.

Поскольку либерализм служит глобальному бизнесу, основные либеральные требования к социально-экономической политике жестко диктуются его интересами. Рассмотрим лишь наиболее значимые из них.

Разрушение социальной сферы – разрушение человечества

Безоглядное сокращение социальных расходов является истошным требованием подавляющего большинства либералов.

Обычно оно диктуется необходимостью сокращения бюджетного дефицита слабой экономики, что внятно показывает систему приоритетов либералов: для них статистика важнее людей и народ должен служить государственным финансам, а не наоборот.

Однако в России, длительное время жившей в условиях бюджетного профицита, федеральный бюджет которой и по сей день буквально захлебывается от денег (неиспользуемые остатки его средств на 1 февраля 2014 года превышали 7,8 трлн. руб., а к 1 сентября достигли уже 8,5 трлн.), а бюджетная политика государства является фантастически расточительной (помимо имиджевых проектов можно вспомнить бесконечное прощение иностранных долгов), экономия

бюджетных средств является лишь предлогом для сокращения социальной сферы.

Получается, что ее уничтожение – самостоятельная либеральная ценность.

Первая причина этого – расширение рыночных отношений. Отказ государства от исполнения своих обязанностей везде, в том числе и в социальной сфере, создает предпосылки для расширения рынка и, соответственно, создания новых коммерческих структур.

Понятно, что они обслуживают лишь обеспеченную часть общества, которое в целом в силу этого деградирует, однако с точки зрения бизнеса и обслуживающих его либералов любой рынок, позволяющий бизнесу получать прибыль, является абсолютной ценностью.

Однако гораздо более важной является вторая причина враждебности либералов к общественной социальной сфере: направляемые на ее содержание средства в основном достаются населению и потому становятся недоступными для глобального бизнеса.

Грубо говоря, массовая коррупция во власти не является его врагом не только потому, что коррупционеры более сговорчивы и более склонны реализовывать его интересы, но и потому, что, вывозя награбленное в фешенебельные страны, они хранят деньги в банках глобального бизнеса, покупают его ценные бумаги, живут в построенных и управляемых им фешенебельных кварталах.

Воруя деньги у своего общества, коррупционер «в клювике» несет их глобальному бизнесу, являясь важным инструментом обеспечения его ресурсной базы.

Да, как только коррупционер теряет власть и возможность увеличивать эту базу, его можно разоблачить, чтоб конфисковать его активы (и использовать его тайные активы, лишившиеся хозяина). Но, пока он анонимен, он нужен глобальному бизнесу

не только как зависимый от него агент, но и как источник финансовых ресурсов. Поэтому либералы, на словах порицая коррупцию и используя ее критику в политических целях, активно насаждают ее в случае своего прихода к государственной власти, – как мы видели это в России и видим сейчас на Украине.

Социальные же расходы для глобального бизнеса (как и в целом инвестиции в национальное развитие и модернизацию национальных экономик) – бесхозяйственность, заведомая потеря ресурса: национальные средства, которые можно было украсть и отдать ему для прибыльного управления, расточаются обычным людям, раздробляются на незначительные суммы, просто не интересные глобальному бизнесу.

Поэтому социализм, не говоря о коммунизме, абсолютно неприемлем для либералов.

Именно поэтому, насколько можно судить, покойный Гайдар рассматривал сокращение бюджетных расходов как универсальный способ решения едва ли не всех общественных проблем, – и в первую очередь сокращению подлежали именно социальные расходы.

Именно поэтому, насколько можно судить, Латынина призывает лишить избирательных прав всех граждан, кто получает из бюджета больше денег, чем платит в него налогов.

Ненависть либералов к социальной сфере – отнюдь не непонимание того, что социальные расходы являются на самом деле инвестициями в важнейший, человеческий, капитал, пусть даже и долгосрочными.

Это четкое понимание иного: инвестированные в эту сферу деньги, вне зависимости от эффективности инвестиций, потеряны для глобального капитала.

Их уже не украсть, – и для либералов это неприемлемо.

Подрыв макроэкономической стабильности

Лишившись после краха Советского Союза сдерживающей политической силы, ключевой глобальный инструмент реализации либеральных экономических принципов – МВФ – заслужил репутацию могильщика национальных экономик.

Внешне ситуация выглядит как бюрократическая рассогласованность действий различных структур.

Мировой банк, созданный вместе с МВФ, призван обеспечивать развитие относительно слабых экономик.

Понятно, что развиваться в условиях макроэкономической нестабильности, высокой инфляции, нехватки средств в бюджете значительно труднее, чем в ситуации, когда эти проблемы решены.

Поэтому было решено, что сначала МВФ должен обеспечить решение этих проблем, а затем уже «вылеченная», «сбалансированная» экономика сможет претендовать на получение кредитов и даже грантов Мирового банка для своего развития.

Логическая ошибка очевидна: обеспечить макроэкономическую стабильность можно лишь за счет уничтожения возможностей экономического развития.

Превращение макроэкономической стабильности в самоцель ведет к тому, что стандартные требования МВФ (сокращение социальных расходов и поддержки экономики, форсированная приватизация, упрощение банкротств, односторонняя отмена протекционизма, эмиссия национальной валюты не в соответствии с потребностью экономики, а лишь по мере поступления иностранной валюты) блокируют развитие и поощряют лишь спекуляции, причем в первую очередь со стороны глобального бизнеса.

Создаваемая МВФ стабильность – это стабильность кладбища, но это результат не бюрократической

ограниченности, стремления к упрощенным схемам и собственному удобству, а четкой и последовательной реализации интересов глобального бизнеса.

Прежде всего, глобальному бизнесу не нужны конкуренты.

Поэтому они должны быть уничтожены, – и политика «макроэкономической стабилизации», навязываемая МВФ странам, попавшим в трудное положение, обеспечивает это с редкой эффективностью.

Рынки всего мира должны принадлежать глобальному бизнесу: поэтому протекционизм является привилегией наиболее развитых стран, в которых базируется глобальный бизнес. Для всех остальных он недопустим и должен караться, как тяжелейшее извращение.

Идеальным инструментом этого, помимо МВФ, является ВТО, обеспечивающее вскрытие национальных экономик, как консервных банок, и навязывание их производителям заведомо непосильной для них конкуренции.

Общий принцип ВТО прост: чем более развита страна, тем больше у нее ресурсов для лоббирования и защиты своих интересов и, соответственно, тем больший протекционизм ей позволен.

Важным фактором уничтожения национальных экономик является «гуманитарная помощь»: при должном ее объеме она гарантированно уничтожает национального производителя и, когда она заканчивается, страна оказывается вынуждена импортировать то, что еще совсем недавно производила, пусть и в недостаточном количестве (или в условиях паралича системы распределения, часто искусственно организованной теми же самыми либералами из политических либо сугубо спекулятивных соображений).

Характерно, что США почти сразу же после организации нацистского переворота в Киеве пообещали в рамках «гуманитарной помощи» снабжать как

украинскую армию, так и евронацистских боевиков тушенкой – одновременно с категорическим требованием МВФ прекратить всякое субсидирование производства украинского мяса.

Понятно, что разрушение экономики по либеральным рецептам позволяет глобальному бизнесу по минимальным ценам скупить все активы, представляющие для него интерес.

При этом он получает социально-экономическую власть над соответствующим обществом, позволяющую полностью диктовать его политическому руководству все сколько-нибудь значимые решения.

Другая сторона «макроэкономической стабилизации» по рецептам МВФ, заканчивающимися обычно крахом, – высасывание финансовых ресурсов общества, вынужденного в силу уничтожения экономики для недопущения конкуренции с глобальным бизнесом импортировать основную часть потребляемых жизненных благ.

Классический пример этого демонстрирует Восточная Европа, опыт которой был рассмотрен выше.

Долговая кабала

Принятие либеральных рецептов неизбежно ведет к попаданию страны в жесточайшую долговую кабалу.

Логика проста: уничтожение национального производства обрекает страну не просто на снижение потребления и бегство значительной части населения на заработки (на Украине это несколько миллионов человек даже до катастрофы и разрухи, вызванной государственным переворотом и оккупацией Киева евронацистами).

Даже снизившийся уровень потребления со временем приходится обеспечивать импортом, так как

собственное производство благодаря либеральной политике, обслуживающей интересы глобального бизнеса, не выдерживает конкуренции с ним.

А импорт дешев, только пока он демпингом уничтожает местных производителей: когда их больше нет, он дорожает.

Страны, не имеющие возможности экспортировать сырье (как Украина, экспорт которой, помимо женщин и рабочей силы, – это зерно, подсолнечник и подчистую вырубаемый лес Западной и Центральной Украины) или не способные установить за его экспортом национальный контроль (как Россия 90-х годов), могут оплачивать импорт только наращиванием внешнего долга.

Украина окончательно пошла этим путем перед обострением глобального кризиса и в его начале: за 2007-2008 годы ее внешний долг почти удвоился, увеличившись с 54,5 до 103,2 млрд. долл.

Разумеется, значительная часть кредитов предоставляется на политических условиях международными финансовыми организациями – в обмен на выполнение все новых и новых либеральных требований, убивающих общество.

Огромные суммы при этом разворовываются либеральными реформаторами, бюрократией и олигархами, а возвращать их приходится слабеющему обществу. При этом кредиторы снисходительно относятся к коррупции среди «своих», – как по описанным выше причинам ее полезности для глобального бизнеса, так и потому, что рассматривает ее в качестве дополнительного инструмента своего политического влияния.

Попытки уклониться от выполнения даже абсурдно жестоких требований караются беспощадно.

Так, в 2010-2011 годах Украина не смогла выполнить требования МВФ по разрушительной девальвации гривны, увеличения тарифов на газ и отопление

для населения в 1,4 раза, замораживания зарплат бюджетникам и резкого (до 7,5% ВВП) сокращения бюджетных расходов, в первую очередь за счет снятия субсидий с энергетики.

В результате Украина получила лишь четверть из обещанных МВФ летом 2010 года 15,2 млрд. долл.

Разумеется, рост внешнего долга не может быть бесконечным, причем для слабых экономик его пороговый уровень составляет лишь 30% ВВП. Превышение этого уровня означает реальную угрозу жесточайшего финансового кризиса, дестабилизации не только экономики, но и всего общества, банкротства в той или иной форме (в том числе мягкой – через реструктуризацию долга), падения уровня жизни населения и скупки еще имеющихся привлекательных активов собственными спекулянтами и иностранцами, а в конечном счете обычно глобальным бизнесом.

Совокупный внешний долг Украины на конец 2013 года достиг 140 млрд. долл., или около 80% ВВП, в том числе краткосрочный – 65 млрд. долл. Он более чем вчетверо превышал золотовалютные запасы страны, сократившиеся до 15 млрд. долл. (и состоявшие в основном из валютных обязательств самой Украины; первоначально официально заявлялось, что они превышали 20 млрд.).

Страны, в которых потребление населения сокращать некуда, а нескупленных активов больше нет (вроде Аргентины, прошедшей из-за этого через чудовищную социальную катастрофу в 2001 году), в рамках либеральной модели не имеют никакой перспективы. Их ждет либо сомализация, погружение в кровавый ад войны всех со всеми и расчеловечивание, либо социальная революция, решительный отказ от либеральной политики и попытка развития в крайне сложном и рискованном противостоянии глобальному бизнесу.

Либеральные руководители, как мы видим на примере сегодняшней Украины, способны вести свои страны и народы исключительно по первому пути.

Попытка украинского выхода: «ассоциация с Евросоюзом»

Неуклюжей попыткой «сорваться с крючка», которая на самом деле лишь качественно усугубила кризис, была концепция так называемого «европейского выбора Украины», сводившегося сначала (при «оранжевых») к вступлению Украины в НАТО, а затем, когда это стало политически невозможным, – к официальному пропагандированию при Януковиче подписания договора об ассоциации Украины с Евросоюзом.

Официальная украинская пропаганда тактично умалчивала о сложном слове «ассоциация», сознательно создавая у населения заведомо ложное впечатление, что речь идет о вступлении Украины в Европейский Союз в качестве полноправного члена с предоставлением колоссальных социальных гарантий. Задолго до массового бреда Евромайдана (участники которого свято верили, что немедленно после свержения Януковича Европа даст Украине не много ни мало, а 150 млрд. евро, которых «хватит на все») у людей создавалось твердое впечатление, что подписание этого договора приведет к резкому росту пенсий, социальных выплат и уровня жизни в целом.

На деле же речь шла лишь о принятии Украиной целого ряда «европейских стандартов», прежде всего о создании зоны свободной торговли с Евросоюзом. Поскольку Украина практически не производит товаров, представляющих интерес для Европы, речь шла об установлении европейскими производителями контроля за все еще заметным в мировом масшта-

бе украинским рынком. Отмена импортных пошлин позволила бы «добить» потенциальных украинских конкурентов демпинговыми методами, – а затем, захватив рынок, уже без помех повышать цены.

Ситуация качественно усугублялась тем, что создание Украиной «зоны свободной торговли» с Евросоюзом вынудило бы Россию создать таможенный барьер для защиты своей экономики от экспорта, в том числе и субсидированного, европейских товаров через Украину. Эта всецело вынужденная мера сократила бы двусторонний товарооборот и нанесла бы экономике Украины дополнительный удар.

Фактически «зона свободной торговли» с Евросоюзом уничтожила бы украинскую экономику и, превратив «золотую» в советское время Украину в зону социально катастрофы, качественно ускорила бы вымирание ее населения.

Характерно, что другим важным положением соглашения об ассоциации Украины с Евросоюзом было введение, по сути дела, внешнего управления со стороны Брюсселя: руководство Украины должно было взять на себя обязательство не вводить в силу ни один закон и ни одно иное существенное решение в случае возражений со стороны Евросоюза. В то же время все решения Еврокомиссии, обязательные для членов Евросоюза, автоматически распространялись бы и на Украину, – которая, тем не менее, не получала бы никаких, даже призрачных прав члена Евросоюза.

По сути дела, речь шла об отказе Украины от государственного суверенитета и ее передаче под внешнее управление Евросоюза.

Характерно, что европейцы, по всей видимости, прекрасно понимали последствия этого закабаления: недаром весьма существенной частью соглашения об ассоциации Украины с Евросоюзом было подробное описание укрепления ее западных границ, – с тем,

чтобы украинские фанатики евроинтеграции не имели шансов создать проблемы объекту своего поклонения.

О степени разложения руководства Украины свидетельствует его полное незнание и непонимание текста и смысла договора об ассоциации, которое оно настойчиво и последовательно навязывало своему народу.

Когда российские переговорщики наконец сумели разъяснить Януковичу и его окружению, что именно они собираются подписать и какую именно судьбу готовят своей стране (а главное, себе, – потому что ни о каком переизбрании Януковича в этой ситуации речи быть уже не могло), Янукович заколебался.

Вопреки расхожему мнению, в Вильнюсе он отнюдь не отказался от подписания соглашения об ассоциации, – он всего лишь захотел потянуть время, чистосердечно объяснив, что сначала хочет взять у русских деньги.

Но евробюрократы восприняли даже минимальное отклонение от продиктованной ими линии как побег, и «конвой открыл огонь без предупреждения», форсировав, по сути дела, нацистский государственный переворот.

* * *

Урок либерализма предельно прост и нагляден: начав служить глобальному бизнесу, власти любого общества неизбежно предают свой народ, из элиты стремительно вырождаясь в тусовку, пусть даже и правящую.

Пренебрежение коренными потребностями общества невозможно скрыть.

ЛИБЕРАЛЫ ВЫЧЕРКНУЛИ СЕБЯ ИЗ РОССИИ

Украинский кризис и особенно воссоединение Крыма резко разделили не только Россию, но и весь русский мир.

Звонившие своим родным и близким из России в Киев с недоумением выслушивали от тех потоки дикой истеричной брани в свой персональный адрес: в глазах оболваненных нацистской пропагандой «свидомитов» «москали» являются бандитами, грабителями и насильниками уже просто по факту своего существования.

В то же время русская эмиграция, насмерть переругавшаяся и погрязшая в интригах еще до войны, едва ли не впервые после бегства оказалась едина, – и не только друг с другом, но и со своей Родиной.

В России молодые люди, менявшие фамилии из презрения к «быдлорашке» и персонально Путину, в ночь воссоединения Крыма плакали от счастья потому, что Россия впервые на их памяти начала становиться нормальной честной страной.

Президент Чечни Кадыров показал себя в Крыму русским патриотом.

Сенаторы, скулившие под дверями роскошного кремлевского зала об оказавшихся под ударом европейских поместьях и прочих активах, после сухого и сдержанного выступления Путина о воссоединении с Крымом рыдали уже от счастья – и не лукавили: атмосфера в зале была невиданной за все четверть века национального предательства.

Лютые ненавистники «Единой России» и власти в целом печалились лишь о том, что воссоединение коснулось лишь Крыма, а не всего Юга и Востока, – и выражали робкую надежду, что руководство стра-

ны, возможно, «еще не совсем потерянные для общества люди».

На этом фоне реакция российских либералов была абсолютно патологичной в своей честности.

В конфликте России с украинскими нацистами и поддерживающим тех Западом они за редчайшим исключением решительно и последовательно встали на сторону врагов России.

Строго говоря, это их исторический выбор: живя в нашей среде и питаясь ее соками, считать ее мерзостью и искренне верить, что солнце всходит на Западе. Бежать на свою ментальную родину – Запад – им не интересно: они там значительно более чужие, чем здесь, а главное – там нужно труднее и честнее работать. Выступая же в России и от имени России реальными представителями ее врагов и конкурентов, они получают, если можно так выразиться, двойной доход, – в полном соответствии с принципом «ласковое теля двух маток сосет».

Критерий современного либерализма – вера в то, что государство должно служить глобальному бизнесу, а не своему народу, – делает либералов лютым, непримиримым, классовым врагом любого народа, в котором они живут, – и нас тоже.

Их позиция предельно резко проявилась еще во время нападения Грузии на Южную Осетию и наших миротворцев: раз Путин плохой, – русских надо убивать, а протестовать против этого недопустимо.

Понятно, что эта позиция абсолютно неприемлема для абсолютного большинства россиян, – и не просто придерживающиеся, но и агрессивно пропагандирующие ее либералы сами вычеркнули себя из российского общества.

Но они не унывают – и, по всей вероятности, прекрасно понимают, что теперь для укрепления своего положения они оставили себе лишь внеполитические, наиболее разрушительные для общества методы.

КРЫМ ДЛЯ РОССИИ – ПЕРВЫЙ ШАГ ВОЗВРАЩЕНИЯ В МИР

Этот город вернется назад:
Севастополь останется русским.
Александр Городницкий

Законность воссоединения Крыма с Россией

Крым принадлежит России с XVIII века, населен и освоен преимущественно русскими, и даже этнические украинцы, живущие там, в основном воспринимают себя как людей русской культуры.

Его принадлежность остро ощущалась даже на сугубо бытовом уровне: тамошние экскурсоводы изумлялись, что историей Крыма (в значительной части татарской), экскурсиями по нему, в том числе в палящую жару, интересовались почти исключительно туристы из России. Украинские в основном лежали на пляжах, – и это показывает, что украинский народ, каким бы близким он нам ни был, так и не ощутил Крым своим.

Украинское государство почти не развивало Крым, – так Болгария не развивает самую южную часть своего побережья (за Синеморцем), когда-то принадлежавшую Турции, с неофициальной мотивацией «может быть, придется отдавать». Так поляки, переселенные в когда-то немецкие районы Силезии, до сих пор не селятся в брошенные после войны и до сих пор стоящими пустыми добротные дома немцев: «хозяева могут вернуться».

Не только сам Крым так никогда и не счел себя украинским – «незалэжная» Украина тоже так и не начала считать его своим, и российскому руководству

в 2014 году, во многом поневоле, пришлось проявить уважение к этим почти совпадающим позициям.

Возможно, отношение украинских властей к Крыму было вызвано и тем, что, с сугубо юридической точки зрения, в 1954 году Хрущев передал Крым Украине, пусть и в рамках одного государства, не просто «волюнтаристски», но и с прямым даже не нарушением, а игнорированием всех существовавших в то время правовых норм. Так что юридически эта передача, увы, была недействительной, – и нужно обладать феноменальным отечественным правовым нигилизмом, чтобы не замечать это в течение 60 лет.

Крымские татары составляют официально 12, а по заявлениям их собственных представителей – аж 14% населения (при этом значительную их часть образуют турки-месхетинцы и представители других народов Средней Азии, спасавшиеся от этнических чисток и «прихваченные» руководителями крымскотатарской диаспоры для увеличения ее численности и, соответственно, представительности). Почти половина их, вопреки официально объявленному руководителями их диаспоры бойкоту и совершенно дикой пропаганде (большинство не раз и не два в течении двух недель получило листовки о том, что русские якобы собираются их выслать в Северный Казахстан и уже договорились с Назарбаевым), пришла на референдум. Социологические исследования показывали, что из числа тех, кто социализован, то есть работает и зарабатывает деньги вне рамок своей общины и своего клана, большинство выступает за воссоединение с Россией, так как эти люди хотят жить по нормам современного мира, а не потерпевшего поражение средневековья.

Крым населен русскими и является частью России: это видно и по настроениям людей. Доля стремящихся к воссоединению там качественно выше, чем даже в Донецке, Луганске и Харькове (где на

момент проведения референдума 18 марта она составляла, по оценкам, 55-60%). Стоит напомнить, что в той же Одессе, хотя доля сторонников России и превышала долю сторонников Украины вдвое (22% против 11%), две трети жителей выступали за «вольный город», то есть свободную таможенную зону, формально кому-то принадлежащую, но никому на деле не подчиняющуюся. В Херсонской же области, непосредственно прилегающей к Крыму и имеющей стратегическое значение для его снабжения водой и электроэнергией, а также обеспечения транспортом, доля сторонников воссоединения с Россией составляла в то время несколько больше 40%.

Крымский референдум полностью легитимен даже с формальной точки зрения, так как украинская государственность прекратила свое существование, как бы ни пыжились нацисты, при поддержке и прямом руководстве США и Евросоюза захватившие власть в Киеве в результате государственного переворота.

Реальная власть принадлежит финансировавшим Евромайдан олигархам, разобравшим «на кормление» отрасли и силовые министерства, и нацистским боевикам, находящимся у них на содержании.

Сайентологи вроде Яценюка, баптистские проповедники наподобие Турчинова и олигархи («спешно назначенные бандитами воры», как охарактеризовал их один украинский аналитик) вроде Порошенко производят впечатление не более чем марионеток, играющих роль временной ширмы и формально приемлемой для Запада «витрины молодой украинской демократии». Реальной власти у них нет, так как нет своих бандформирований, и все, что они могут — это обещать подешевке продать западным «стратегическим инвесторам» и своим хозяевам-олигархам то, что еще осталось у Украины: газотранспортную систему, плодороднейшие земли сельхозназначения, морские и речные порты, угольные шахты.

Верховная Рада была легитимна, – но ровно до начала своей деятельности, когда она растоптала Конституцию и уничтожила единственный орган, который мог оправдать это действие «чрезвычайными обстоятельствами» – Конституционный Суд. Тем самым она уничтожила не только себя, но и украинскую государственность, возникшую в 1991 году (президент Янукович, сохранив формальную легитимность, перестал быть элементом государственности даже не в момент своего бегства, а позже, – когда он отказался, в отличие от де Голля, от возможности воссоздания государственности на основе собственного аппарата).

А в отсутствие центральной, унитарной государственности, – даже предполагаемой, даже существующей в качестве лишь возможности, а не реальности, – каждый регион, каждое большое сообщество граждан вправе учреждать собственную государственность.

Впрочем, даже если бы этого и не случилось, и в Киеве сидела бы не банда поддерживаемых Евросоюзом нацистов (что позволяет говорить о них как о «евронацистах»), а совершенно легитимное полноценное государство, – ситуация бы не изменилась. Ведь принцип территориальной целостности доминирует над правом наций на самоопределение только в том случае, если государство выполняет перед представителями этих наций необходимый минимум своих прямых, неотъемлемых обязанностей.

После нацистского переворота (да во многом и в октябре) на Украине не выплачиваются пенсии, по дорогам нельзя проехать из-за самодеятельных блокпостов, собирающих дань (как это было, например, в Афганистане между Наджибуллой и «Талибаном»), и просто бандитов, евронацистские каратели терроризируют даже миллионные города, а страна неумолимо валится даже не в кризис, а в разруху по образцу вре-

мен гражданской войны. Соответственно, ни о каком исполнении властями своих обязанностей перед населением не идет и речи, – и принцип самоопределения по международному праву решительно доминирует над идеей территориальной целостности.

Впрочем, даже если бы на Украине существовала государственность, и даже если бы она обеспечивала нормальную жизнь, – реализованный Западом прецедент Косово вполне внятно и убедительно доказывает: этнические группы все равно имеют право добиваться своей независимости в формате государственности.

Стоит вспомнить и то, что в 1991 году Украина вышла из Советского Союза сразу после специально проведенного референдума, на котором абсолютное большинство ее населения вполне однозначно высказалось за ее сохранение, пусть и независимой, но «в составе Советского Союза». Таким образом, выход был осуществлен в прямом противоречии с закрепленным решением референдума волей народа, на основании одной лишь «декларации независимости», – и при этом не дожидаясь никакой, даже сугубо формальной, реакции тогда еще существовавших союзных властей.

В 2014 году Крым принял решение о самоопределении со значительно большим соблюдением правовых норм, чем Украина в 1991 году (строго говоря, с полным соблюдением всех мыслимых и не мыслимых норм): по крайней мере, в соответствии с решением референдума, а не вопреки ему.

Правовую же возможность государства присоединиться к другому государству, в том числе и вопреки воле стран Запада (оформляемой обычно как «воля всего мирового сообщества»), доказала ГДР, вошедшая в состав ФРГ, как справедливо напомнил президент В.В. Путин, вопреки воле всего тогдашнего Запада, при поддержке одного лишь горбачевского

СССР. Поведение Меркель, впрочем, вполне наглядно доказывает, насколько непростительной ошибкой была эта поддержка.

Таким образом, воссоединение Крыма с Россией не только абсолютно естественно, но и совершенно законно, и легитимно даже с наиболее формальной из возможных точек зрения.

Россия начала свое воссоединение, – в полной мере даже не сознавая это, вопреки интересам правящей бюрократической тусовки, во многом подчиняясь давлению случайных обстоятельств.

Но неумолимая, железная воля народов прокладывает себе путь, – и мы должны сознавать: каким бы робким, частичным, половинчатым ни был первый шаг, он сделан.

Россия начала возвращаться в историю человечества, в настоящую, серьезную мировую политику, – и это потрясает всех, привыкших к четверти века национального предательства.

Подлинный «национальный проект»

«Мировое сообщество» нам объяснило с предельной искренностью и предельной доступностью: Россия для него будет виноватой всегда. И, даже если мы исчезнем с лица земли, – мы все равно будем виноваты перед ним уже тем, что когда-то вообще существовали.

Поэтому обращать внимание на это сборище лжецов и провокаторов, признающих право народа на вооруженное восстание в своих интересах, но не его же право на мирный и цивилизованный референдум, когда их интересы могут оказаться под угрозой, не стоит. Президент России В.В. Путин правильно констатировал: для Запада не существует ни законов, ни обязательств, – значение имеют только интересы,

причем исключительно его собственные. И единственное, что он понимает, – это сила. «Мягкая» или «грубая» – это уже по обстоятельствам.

И разговаривать с ним, если мы не хотим стать трупами, жертвами бомбежек, бесправными замученными беженцами или, в самом лучшем случае, овощеподобными януковичами, имеет смысл только на единственно доступном и интересном ему языке – на языке силы.

Сегодня следующий этап необходимой демонстрации силы – это возрождение Крыма.

Посмотрите: воссоединение Крыма воссоединило, казалось бы, навсегда разорванные власть и народ.

Известный телеведущий И.С. Виттель после открытия Олимпиады воскликнул: «Украдите у меня еще денег, чтобы я еще раз пел стоя гимн своей страны!», – но в той ситуации речь шла именно о «еще одном разе». Российское общество прекрасно понимало, что праздник пройдет, а жизнь останется.

После воссоединения же с Крымом народ России испытал забытое, казалось, навсегда чувство гордости за свою страну. Как писал Ломоносов во время его покорения: «Мы русские, какой восторг!»

И теперь надо развить и углубить это чувство гордости, чтобы оно не обернулось чувством стыда, ставшим привычным за четверть века национального предательства. Нужно оправдать доверие Крыма – и русских, и украинцев, и татар, которые поверили нам, вопреки жесткой пропаганде своих диаспор. А тех, кто нам не поверили, надо переубедить.

Это реальный «национальный проект», объединивший власть и народ, за исключением либеральных отщепенцев: на бытовом уровне они сами исключили себя из страны, – и теперь надо исключить их из государственной власти.

Интеграция Крыма состоит из трех групп задач: решения наиболее острых текущих проблем жизнеобеспечения, унификации нормативно-правового поля, достижения стратегических целей.

Решить задачи первой группы (если, разумеется, решать их, а не рассматривать как повод для разворовывания денег) можно за год, максимум полтора.

Цена крымского возрождения незначительна для России

Принципиально важно, что расходы на Крым будут не «вечным» содержанием, а инвестициями в «запуск» крымской экономики, после которых она должна начать не просто кормить себя, но и приносить России доход.

Главное же заключается в том, что эти суммы, поражающие воображение при сравнении с нашей зарплатой, в государственных масштабах совершенно незначительны. Например, даже их максимальные оценки в разы меньше расходов на Олимпиаду в Сочи, – последствий которых бюджет, чтоб там ни говорили, просто не ощутил.

Россия может профинансировать Крым, и далеко не только его, нисколько не сокращая свои регулярные расходы, предусмотренные в «докрымском» бюджете.

У нас достаточно денег, чтобы инвестировать в Крым именно что не в ущерб нашим бюджетникам, военнослужащим, которых сейчас уже трудно назвать «малообеспеченными», и действительно малообеспеченным слоям граждан России.

Конечно, либеральная банда, еще раз показавшая в последние недели свое звериное хайло системной поддержкой нацизма, может использовать (и, насколько можно понять, уже весьма эффективно ис-

пользует) воссоединение с Крымом для саботажа, для бюджетно-финансового удушения России, – так же, как она использует «майские указы» президента Путина.

Но это имеет отношения, с моей точки зрения, к преступным элементам в сегодняшнем российском руководстве, а отнюдь не к воссоединению Крыма как таковому.

Более того: грандиозный сеанс саморазоблачения, который еще раз провела в связи с украинским кризисом российская либеральная клика, создает серьезные предпосылки для освобождения России от ее гнета.

Стоящие задачи по модернизации Крыма уже сравниваются многими с подготовкой к Олимпиаде в Сочи, проведенной, при всех накладках и претензиях, по меньшей мере на высшем мировом уровне.

Мало кто сознает в настоящее время, что главным чудом Сочи является не отсутствие аварий, не феноменальное открытие, не высокий сервис и даже не победа российской сборной. Главное чудо Сочи заключается в быстром и эффективном исправлении недоделок.

Например, когда некоторые спортивные сооружения начали разрушаться, так как их построили на карстовых пустотах без должных свай (о чем предупреждали многократно, в том числе и автор данной статьи), необходимые работы были проведены почти молниеносно. Они были настолько эффективны, что сооружения не только простояли всю Олимпиаду, но и не будут, в отличие от первоначальных планов, демонтированы по ее завершению: они проработают еще десятилетия.

Олимпиада и Крым похожи внезапностью и авралом, хотя и вызваны эти явления разными причинами: в одном случае – бюрократическим маразмом

и беспределом, в другом – нацистским переворотом в братской стране.

Однако Олимпиада является не более чем разовым событием, хотя многие из ее сооружений настолько перспективны с коммерческой точки зрения, что уже взяты бизнесом в долгосрочную аренду или выкуплены.

Крым же – это навсегда. Его будут обустраивать не для нескольких значимых событий, а для долгой прибыльной работы, и не для элиты, а в первую очередь для его жителей. Иначе просто не получится.

Кроме того, мы видим: российское государство, при всех своих недостатках и даже пороках, учится на своих ошибках.

Саммит АТЭС-2012 проводился, по живому свидетельству президента В.В. Путина, «на стройке», – и увенчался снятием губернатора.

А уже Универсиада в Казани прошла с минимумом скандалов.

А олимпиады в Сочи проведены, пусть и напряжением всех сил, и «затаив дыхание», – но не только не «на стройке» (хотя некоторые из них и были завершены уже в присутствии гостей), но и без аварий. И пресловутого «сочинского менталитета», столь заметного в поведении отдельных либеральных политиков, практически никто из гостей, не говоря об участниках, даже не заметил.

Крым – следующий крупномасштабный проект – несмотря на внезапность его появления, прорабатывается значительно более глубоко, чем Олимпиада в Сочи, и с пока незначительными потерями времени. Достаточно вспомнить, что одним из первых российских официальных лиц его посетил помощник президента В.В. Путина по экономике, один из лучших русских экономистов А.Р. Белоусов.

Разумеется, испортить и, в частности, украсть можно все, вплоть до атомной боеголовки (насколько

можно судить, в момент распада Союза был и такой случай). И коррупционная мотивация в российском руководстве по-прежнему исключительно сильна, что делает оправданными значительные опасения российского общества.

Но вот незадача: воссоединение с Крымом прошло в прямом противоречии с этой коррупционной мотивацией, оно осуществлено вопреки внятно выраженной воле российской «офшорной аристократии»!

Российские януковичи точно так же, как и украинские, страшились, что Запад заморозит их активы, и отчаянно не хотели не только воссоединения с Крымом, но даже, когда это еще было возможно, Таможенного союза с Украиной! *Даже автору данной статьи рассказывали и про украинскую конкуренцию с российскими производителями, и про неприемлемый украинский стиль ведения переговоров, и про то, что, «не уйдя из Севастополя, мы не сможем обустроить нормальную базу флота под Новороссийском», – эта цитата практически дословна!*

Принципиально важно для всего понимания современного момента российского развития, что решение о воссоединении с Крымом – едва ли не первое за всю постсоветскую историю, которое было принято и, что значительно важнее, реализовано не в рамках коррупционной мотивации, а в прямом противоречии ей.

Конечно, изгадить при желании можно все: для этого достаточно просто расслабиться, и далеко не только в нашей стране.

Однако весьма существенным представляется тот факт, что на фоне ада и разрухи, в которую стремительно заталкивают Украину евронацисты и другие сторонники «европейских ценностей», даже самые неблагополучные регионы России уже сейчас выглядят совсем неплохо. *Достаточно вспомнить, что даже в худшее время на подъездах к тому же Пикалево*

не стояло, как в Афганистане до талибов или на современной Украине, самодеятельных бандитских блокпостов, взимавших дань со всего, что проезжает мимо.

Так что даже катастрофа, – перенос в Крым всего худшего, что есть в России, – все равно сделает его оазисом процветания на фоне не только завтрашней, но, увы, уже и сегодняшней Украины.

Новая «холодная война»

В ходе скоротечного крымского кризиса российское руководство едва ли не впервые после «разворота над Атлантикой» Е.М. Примакова робко, непоследовательно и частично, но защитило интересы своей страны и своего народа.

Оставив Юг и Восток Украины на растерзание нацистским ставленникам Запада, оно все же начало воссоединение нашей разорванной либеральными реформаторами Родины, – и Путин вдруг забрезжил в истории достойным подобием Екатерины Великой.

Естественно, США и евробюрократы встретили это в штыки.

Приведя к власти в Киеве откровенных нацистов, Запад воспринял неприятие их большинством Украины как посягательство на святые европейские ценности – агрессивные гомосексуализм и русофобию.

А уж возвращение России к своим историческим границам, хотя бы и в одной-единственной точке, и вовсе стало прямой и явной угрозой.

Правда, оказалось: благодаря либеральной «пятой колонне», до сих пор полностью определяющей всю социально-экономическую политику России, наше сотрудничество с Западом настолько невыгодно для нас, что его масштабное сокращение из-за санкций несет нам выгоду. Именно из-за этого сами санкции носили точечный характер.

В то же время информационной войной против нас Запад еще раз объяснил: любой шаг к разуму, любой шаг к национальным интересам и общественному здоровью, любой шаг к благосостоянию народа будет вызывать обструкцию и агрессию со стороны как глобального бизнеса, так и его лживой либеральной обслуги – и на Западе, и внутри России.

Если российское государство действительно существует (или хотя бы хочет существовать) как выразитель интересов народа, а не как совокупность начальников с их секретаршами, – ему придется от либерального грабежа страны переходить к ее развитию, а значит, вызывать истошную истерику и лютую ненависть Запада.

Ведь деньги, украденные у страны коррупционерами, вывозятся в фешенебельные страны и становятся там ресурсом глобального бизнеса; направленные же на развитие страны, они становятся потерянными для него.

«Ничего личного – только бизнес»: напиши фашисты это на воротах Бухенвальда, он работал бы и сегодня, а его акции котировались бы на Нью-Йоркской фондовой бирже.

Чтобы начать развитие, надо очистить государство от «пятой колонны» офшорной аристократии, которая даже под бомбежками (как показывает пример властей Югославии 1999 года) работает против своей страны на свои выведенные на Запад капиталы.

Запад показал: визжа о санкциях, он не тронет своих «агентов влияния» (или тронет их только на словах).

Нет проблем: это наша задача, и решить ее должны мы.

Власти пора освободиться и от бюрократических импотентов, и от либералов, считающих, что она должна служить не России, а глобальному бизнесу.

Прошлая попытка «национализации элит» запретом иметь счета и недвижимость за рубежом была сорвана фактическим восстанием бюрократов, которые пригрозили отставками. Восстание было внезапным, и недвижимость они отстояли.

Но русские януковичи приведут страну лишь к тому же, к чему привел Янукович Украину: к захвату нацистами (в наших реалиях – исламистами), исчезновению государственности и разрухе.

Чтобы это не повторилось, от правительства Медведева должно остаться буквально несколько человек, желающих строить нашу страну, а не личный замок в Австрии, давно сменивший фольклорный «домик в Париже».

В России достаточно честных профессионалов, способных возглавить Банк России, и внятных хозяйственников, способных руководить правительством. Да, один из лучших губернаторов, говорят, отказывался от этого поста трижды, а один из лучших руководителей госкомпаний, – дважды. Но, возможно, они просто не верили в серьезность президента, – и тогда ее стоит доказать.

Ведь лишь после оздоровления правительства станет возможным расслабить «горячие головы» на Западе простыми, самоочевидными шагами.

На даже туманное обещание США и Евросоюза ограничить внешнюю торговлю и исключение из «большой восьмерки» надо было собрать саммит китайского бизнеса – для обсуждения, как и за что передать ему деньги, от которых отказываются американцы и европейцы. И ввести жесточайшие санкции против источников русофобии в Евросоюзе – Польши и Прибалтики, – а также против их бизнеса на территории России.

На истерику из США следует ответить тщательным анализом влияния на здоровья американских фаст-фудов (начиная с «Макдональдса»), напит-

ков («Кока-колы» и «Пепси»), шоколада с генно-модифицированными продуктами. Да, их запрет временно сократит налоговые доходы, – но здоровье нации дороже.

Массовое использование контрафакта мешает партнерству с «Майкрософт»? – органы государственного управления и государственные компании должны перейти с его лицензируемой продукции на открытое программное обеспечение («Линукс»), даже если его придется доработать и стандартизировать.

Надо разработать план скорейшего замещения самолетов «Боинга» и «Эрбаса» отечественными, – и претворить его в жизнь.

В соответствии с пожеланием господина Керри, в знак доброй воли давно пора выйти из ВТО: серьезные политики Запада, от директора-распорядителя МВФ Кристины Лагард до конгрессменов США, убеждены в том, что членство в нем вредно для нас, – и не стоит оскорблять партнеров игнорированием их мнения.

На модернизацию экономики надо направлять прежде всего долларовые резервы государства, – а при недовольстве этим руководства США перевести их остатки в более безопасные валюты (как и оплату экспорта сырья).

Сейчас возрождению России не мешает ничто, кроме предателей во власти: избавление от них для нашего народа в прямом смысле слова является вопросом жизни и смерти.

И, помимо этого и прежде всего, Россия, разумеется, должна не допускать возобновления финансирования нацизма.

Мы как-то забываем, что, вплоть до середины июня поставляя нацистской хунте в Киеве газ, да еще и со скидкой, да еще и заведомо без оплаты, – мы совершали тягчайшее преступление и по российским

законам, и по международному праву: финансирование нацизма и терроризма.

Россия даже юридически не имела права этого делать!

Поэтому «Газпром» под страхом тюрьмы для своего руководства не имеет права (по крайней мере, до полной оплаты всех долгов) поставлять газ для всех регионов Украины, не заявивших о своем неподчинении киевским нацистам.

При неоплате хоть одного кубометра газа поставки газа на территории бывшей Украины, подчиняющиеся нацистам, должны быть полностью прекращены. Пусть страны Евросоюза, организовавшие приход нацистов к власти и поддерживающие их, сами разбираются с последствиями своих заговоров и удачных политтехнологических операций.

А при воровстве хотя бы одного кубометра газа, предназначенного для Евросоюза, поставки должны быть прекращены на границе регионов, признающих власть евронацистов. Конечно, формально мы продаем газ европейцам на западных границах Украины, – но государственный переворот является бесспорным форс-мажором, отменяющим все ограничения для нас в этом вопросе.

Не менее важным и обязательным, чем прекращение финансирование евронацизма, является конфискация активов его спонсоров на территории России. Значительное число украинских олигархов, спонсировавших Евромайдан, и деятелей нынешней киевской хунты имеет в России не только счета и недвижимость, но крупные предприятия.

Все это должно быть конфисковано – в связи с русофобией, антироссийской деятельностью и нацизмом их владельцев.

В настоящее время попустительство евронацизму со стороны российских властей приобретает порой гротескный характер. Дошло до того, что в Кемеров-

ской области рабочим угольного разреза два месяца не платили зарплату с официальным и честным разъяснением, что эти деньги направляются владельцем этого разреза – украинским олигархом – «на финансирование революции в Киеве».

Подобные ситуации недопустимы даже без подобных разъяснений.

Крым – ключ к будущему России

Не вызывает ни малейших сомнений, что решение сколь угодно острых текущих задач ни при каких обстоятельствах не должно заслонять стратегических целей.

Ключевой вопрос прост: что Россия будет делать из Крыма?

Механический перевод в Крым сегодняшний российских реалий, включая все наши проблемы и пороки, был бы катастрофической ошибкой.

Есть идея сделать Крым витриной России, – наподобие того, во что превратил Саакашвили грузинские села Южной Осетии. Витрина – это уже лучше, но она не прочна по самой своей функции: как показал опыт, существует до первого брошенного в нее камня.

А камней, учитывая нацистский режим в Киеве и продуманную, многоуровневую агрессию Запада, будет более чем достаточно.

Крым после нескольких лет умного инвестирования может стать мощным генератором прибыли для всей России. Погружающийся в исламистское средневековье Египет постепенно закрывается для массового туризма, и создание современной туриндустрии, а также индустрии оздоровления и путешествий по полуострову, индустрии молодежных фестивалей вроде Казантипа (который переедет из-за вос-

становления АЭС, но сохранит название и значение) способно вернуть Крыму роль всероссийской здравницы.

А при решении водной проблемы он начнет еще и кормить Россию, – в настоящее время в Крыму возделывается лишь 150 тыс. га из 450 тыс., обрабатывавшихся в советское время, и это при том, что потребители развитых стран мечтали об увеличении тамошних посевов лаванды и иных эфирномасличных культур, скупая их урожаи практически на корню. Ведь привычные нам растения в силу уникальности крымской природы приобретают там совершенно необычные, уникальные свойства.

Но превращения Крыма в общероссийский «центр прибыли» все равно недостаточно.

Стратегическое значение Крыма для России заключается в отсутствии в нем многих факторов, блокирующих наше развитие. Там нет (пока еще) безумной агрессивной бюрократии, нет тотального произвола колоссальных монополий, – там нет даже привычного нашему бизнесу камня на шее в виде различного бухгалтерского и налогового учета: бухучет велся практически по европейским нормам.

Да, в Крыму есть украинские пороки, – но они будут уходить вместе с украинскими нормами жизни и регулирования, и исключительно важно совместить достоинства России с достоинствами докризисной Украины, в том числе и на уровне норм регулирования. Тогда в Крыму будет создана и отлажена принципиально новая для России модель экономического развития, близкая к идеалу, – и ее можно будет тиражировать по всей территории нашей страны.

Ну и, конечно, надо реализовывать региональные хозяйственные проекты.

Помимо национального центра яхтенного спорта и туризма, в Крыму разумно создать финансовый офшор для Европы, раз уж наше руководство стесня-

ется разместить его в наиболее подходящей для этого Калининградской области.

Граждане развитых стран Европы лишены офшорных возможностей и страшно по ним тоскуют, – создание соответствующей зоны в Крыму будет исключительно востребовано европейцами и даст России качественно новый и весьма значительный рычаг влияния на весь Евросоюз.

Уникальность ситуации: почему в Крыму может получиться

Попыток предложить российскому государству рациональный путь развития страны за четверть века национального предательства предпринималось множество.

Самый яркий (и один из первых) примеров – программная брошюра Солженицына 1990 года «Как нам обустроить Россию». Увы, она вышла как раз в то самое время, когда дорвавшиеся до власти либералы решали совершенно иной вопрос: как им Россию ограбить.

Поэтому его просто не услышали, ограничившись формальным и, по сути, издевательским копированием отдельных фрагментов его предложений вроде называния нижней палаты парламента «Государственной Думой».

И сам он был глубоко разочарован в общественном строе, созданном российскими реформаторами, заклеймив его термином «олигархия», – между прочим, первым, что сейчас прочно забыто.

Сейчас в нашей стране сложилась принципиально иная ситуация.

С одной стороны, советское наследство в основном уже разграблено, – и связанная с этим эпоха

сама собой, объективно, естественным образом заканчивается.

С другой стороны, Запад наглядно демонстрирует, что поддерживает коррупционеров неразвитых стран лишь до тех пор, пока им принадлежит власть, и они несут ему украденные деньги своих народов. Потеря власти или даже простой выход на пенсию и попытка начать тратить вывезенное в развитые страны создает для бывших руководителей совершенно неприемлемые, порой фатальные риски.

Это не рекламируется, но многие высокопоставленные бизнесмены и руководители, – разумеется, не принадлежащие к либеральному клану, – вот уже несколько лет возвращают свои капиталы в Россию.

Это не мода, не паническая судорога, как было в 2006 году, а сознательный, планомерный, не сопровождающийся спешкой и убытками процесс.

Данная тенденция ни в коей мере не доминирует, так как в экономике и в государстве пока преобладает либеральный клан.

Но его оппоненты в руководстве нашей страны, похоже, осознали: за границей для них земли нет. И процесс их возвращения, пусть и чрезмерно медленный и непоследовательный, – идет.

Крымский кризис показал: наше государство, при всех пороках и всем засилье «офшорной аристократии», уже сейчас способно прямо противоречить интересам глобального бизнеса.

Истерика на Западе показывает, что это осознал и глобальный бизнес, что создает для нас серьезные риски, но нам важно иное: существует достаточно мощный и объемный управленческий слой, который понимает, что единственный способ его выживания – это развитие России, а продолжение ее разграбления – путь в могилу для него самого.

Этого слоя не было при Солженицыне и позже, он двумя разрозненными эпизодами проявился в 2003

и 2005 годах, – но теперь он впервые выразил себя публичным актом государственной политики.

Он выплыл на поверхность: у Менделеева, Солженицына и многих других появился адресат.

«Субъект стратегического действия» России уже проявился, но еще не осознал себя, – как еще не осознавал себя класс силовиков между назначением Путина директором ФСБ и его приходом к власти. Но теперь его самосознание представляет собой не более чем вопрос времени.

В условиях глобального кризиса это времени, конечно, может и не оказаться, – здесь не должно быть поводов для расслаблений, – но у нас как народа впервые появилась ясная и при этом позитивная перспектива, на которую уже работают люди самых разных политических взглядов и эстетических предпочтений.

И работают, как мы увидели в крымском эпизоде, плодотворно.

Стоит присоединяться.

РОССИЯ ФИНАНСИРОВАЛА УКРАИНСКИЙ НАЦИЗМ

Этот факт потрясает: наша Родина, больше всех в мире пострадавшая от фашизма, уже в 2014 году, в нарушение всех международных норм и своих законов, финансировала нацизм!

Взгляните правде в глаза: государственный переворот, поддержанный, а во многом и прямо организованный Западом, привел к власти в Киеве самых настоящих нацистов.

И «Верховная Рада», под дулами автоматов растоптавшая Конституцию и разогнавшая Конституционный Суд, и «правительство», к «министрам» которого были приставлены вооруженные конвоиры, – лишь ширма хозяев Украины: бандеровцев всех мастей.

Самых настоящих нацистов: Волынская резня, в которой бандеровцы убили 80 тыс. мирных поляков, вполне соответствует гитлеровским канонам «окончательного решения еврейского вопроса».

Кто оплатил их прорыв к власти?

Отнюдь не только США и Евросоюз, включая Польшу (руководство которой за ненависть к русским поддержит и собственных убийц).

Главный спонсор переворота – украинские олигархи. Многие из них имеют в России не то что квартиры и дворцы (особенно на Южном берегу Крыма), но и производства, на прибыль которых бесчинствуют нацисты на Украине.

Вдумайтесь: наши деньги идут нацистам, избивающим за русскую речь, грабящим российское имущество, мечтающим «утопить жидов в крови москалей»!

Не будем мазохистами: все российские активы спонсоров нацизма должны быть конфискованы.

Первый шаг, похоже, сделан: счета липецкой кондитерской фабрики «хозяина Майдана» Порошенко после обыска вроде бы арестованы, как и несколько объектов недвижимости создающего свою собственную государственность Коломойского, производящего впечатление кровавого маньяка. Увы: не потому, что финансирование нацизма преступно.

Но «Газпром» до середины июня поставлял нацисткой хунте Киева газ – не то что со скидкой, но и без оплаты! А ведь такая поставка любому региону, признающему власть нацистов и террористов, уже есть их финансирование и потому недопустимо.

ПАРЛАМЕНТ БЕЗ СОВЕСТИ?

Когда-то В.В. Жириновский возмутился тем, что я назвал депутатов Госдумы «взбесившимися принтерами».

Сейчас видно: он был прав.

Ведь всего лишь «взбесившиеся принтеры» никогда не обязали бы бюджет России компенсировать потери граждан от неправомочных решений иностранных судов.

А комитет Госдумы по конституционному законодательству и госстроительству рекомендовал принять такой закон в первом чтении.

Напомню: бюджет – не личный кошелек депутатов, а деньги народа. Они должны тратиться на нужды всей страны: образование, медицину, оборону, управление. И на социальную помощь, – но не богатым, а бедным: тем, кто не может обеспечить себе человеческие условия жизни.

Потери от неправомочных решений иностранных судов несут как минимум обеспеченные люди: 71% россиян, не имеющих сбережений (по данным Фонда «Общественное мнение»), это не угрожает.

Пока такие потери несут лишь богатейшие люди, попавшие под санкции.

С какой стати остальные, включая 18,9 млн. с доходами ниже прожиточного минимума, должны оплачивать непонимание миллиардерами их личных и при том самоочевидных внешнеполитических рисков?

С какой стати бюджет России должен стать страховым фондом не для прогресса, не для будущих поколений, не для ветеранов, а для жирующей «офшорной аристократии», управляющей нами вахтовым

методом или просто не связывающей свою жизнь с нашей Родиной?

Да, обычный человек, не имеющий отношения к олигархии и власти, – владелец хатки на Украине или студии в Болгарии, – должен быть защищен государством. Но обладающий влиянием и богатством, а также члены его семьи должны нести большую ответственность, чем рядовые граждане: государство должно защищать их от неправомочных приговоров лишь встречными исками и, если надо, конфискацией (что предусмотрено законопроектом), – но залезать в карман общества они не имеют права.

Этот карман – для других.

Положение должно обязывать.

Идеи заставить всю Россию платить за роскошь ее «офшорной аристократии» застеснялось было даже либеральное правительство Медведева.

Возможно, думцы защищают имущество своих родственников, к которому они, конечно, «не имеют отношения», – вроде «паломнического центра» в Германии жены одного из бонз ФНПР, прославленного скандалами председателя комитета по труду Исаева.

КАКОЙ БИЗНЕС НЕ ДОЖИВЕТ ДО 100-ЛЕТИЯ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ?

Запрет импорта мяса, рыбы, молокопродуктов, фруктов и овощей из стран, начавших холодную войну против России, привел к скачку цен.

Правительство Медведева, похоже, «отключило мозг», запретив ввоз в Россию даже уже оплаченной, но еще не поставленной продукции: ущерб бизнесу, по ряду оценок, составил 140 млн. долл., и кто не разорился, попытался компенсировать его ростом цен.

Не учли высокую зависимость от «санкционных» стран ряда регионов (например, Калининградской области и Крыма), что поставило их в отчаянное положение.

Ряд фирм вел себя идеально, некоторые даже взяли на себя функцию спрятавшегося государства и разъяснили ситуацию. Так, калининградская группа «Вестер» распространила пресс-релиз, из которого следовало не только резкое (на 30-45% при введении 100% предоплаты) завышение цен поставщиками из Белоруссии, но и усилия самих торговцев по сдерживанию подорожания.

Но это скорее исключение. Даже ряд российских производителей завысил цены своей продукции, а про торговлю нечего и говорить. Кое-где сменили ценники и на товарах, не попавших под санкции.

Конечно, либеральное правительство Медведева вновь, уже привычно проигнорировало свои обязанности: зная, что привыкшие к безнаказанности монополии завысят цены (так они реагируют на все, – как лидеры США реагируют на все словами «виновата Россия»), бюрократы не провели никакой профилак-

тической работы, подобно Гайдару перед либерализацией цен в январе 1992 года!

А после скачка цен ведомства, заваленные жалобами отчаявшегося населения (и бизнеса, страдающего от падения уровня жизни своих потребителей из-за удорожания продовольствия), лишь туманно и бессодержательно обещали «провести проверки».

Но маразм и безответственность правительства Медведева не извиняет монополий, из алчности грабящих страну. Требуя от государства помощи при каждом удобном и неудобном случае (и часто получая ее), они, похоже, считают Россию бесхозным трофейным пространством, а людей – блатными «лохами» и «терпилами», подлежащими беспощадному грабежу.

Однако бизнес, уничтожающий свою страну, делает себя ее врагом, – и, доведя людей до крайности революции, уничтожает сам себя.

Конституция Германии признает частную собственность, лишь когда она служит обществу: вредя обществу, она лишает себя право на существование.

Надеюсь, далеко не все бессовестные воротилы доживут в бизнесе до 100-летия Великого Октября.

ПОРА ПОНЯТЬ: ЗАПАД ХОЧЕТ УНИЧТОЖИТЬ НАС ВСЕРЬЕЗ

Введя новые санкции против России после инициированных нашим руководством Минских соглашений, Запад с предельной откровенностью обнажил свою мотивацию.

Мы наказаны за то, что приостановили кровопролитие.

Это значит, то Западу на Украине нужна кровь. Нужны расстрелы городских кварталов, нужны убийства, насилие и разрушения.

А виноваты в этом будем мы – и никто больше.

Как-то быстро забылось, что «холодная война» отнюдь не обязательно бескровна.

И Россия должна действовать по ее логике: иначе кончится не абстрактным поражением, а вполне конкретной гибелью – аналог которой мы воочию наблюдаем на бывшей Украине.

Пока российское руководство тщится умиротворить агрессора: вести переговоры, взывать к разуму и совести, предъявлять доказательства... В то время как все наши доказательства агрессору известны лучше нас: в самом деле, неужели хозяева нацистов не знают, кто, как и зачем сбил малайзийский «боинг»?

Пока Россия не предъявляет силу – она приглашает Запад к еще большей агрессии. В криминологии это называется «виктимное поведение», «поведение жертвы».

Наши представители нерешительно поговорили о вводе ответных санкций на «продукцию легкой промышленности» и легковые автомобили, но непременно подержанные, – то есть на то, что заведомо не

имеет значение для агрессора, – а затем торжественно отказались от всякого ответа вообще.

«Газпром» вроде бы начал выполнять свое обещание сокращать поставки газа в европейские страны, занимающиеся его незаконным реверсом на Украину, – но затем, перепугавшись, постарался объяснить свои действия не принципиальной правовой позицией, а ремонтом и прочими техническими обстоятельствами, – а потом и вовсе отказался от защиты национальных интересов.

Перевод половины российско-китайской торговли с долларов на национальные валюты (после намерений сделать это, высказываемых с 2006 года, и начала реальных изменений в 2011) предполагается осуществить скорее в рамках китайской политики распространения юаня, чем в рамках российского ответа на санкции.

И даже действия против разрушающего здоровье россиян «Макдональдса» носят точечный и, в конечном итоге, спорадический характер.

О комплексном, системном ответе, о реализации примененного к нам западного принципа «нанесения максимального ущерба» не идет и речи.

Между тем всю вакханалию санкций можно было остановить одним-единственным шагом: прекращением на 5 лет ввоза легковых автомобилей и вина из стран, ведущих против нас «холодную войну», и пролонгированием до того же срока запрета на ввоз продовольствия.

Россия сможет получать ординарное вино из Чили, Аргентины, ЮАР и Новой Зеландии (а захотим – так и из Австралии), а легковые автомобили – из Японии, Южной Кореи и Китая. Длительность санкций стимулирует развитие внутреннего производства, в том числе сборки европейских и американских машин с повышением степени локализации (не стоит забывать, что «АвтоВАЗ» уже принадлежит «Рено»).

Разумеется, нельзя ограничивать ввоз пикапов и грузовиков, являющихся средствами производства, а также ограничить возможный произвол монополистов.

Следует начать масштабную и открытую подготовку следующих ответных санкций, – и одновременно переговоров с Западом о прекращении «холодной войны».

Среди особенно полезных нашей экономике (и потому особенно доходчивых для наших стратегических конкурентов) мер следует выделить тщательный поиск коррупционных аспектов присоединения России к ВТО на заведомо кабальных, по сути дела, колониальных условиях.

Ведь современное международное право считает ничтожными сделки, заключенные на основе коррупционных мотивов. Соответственно, обнаружение этих мотивов (а история и моральный облик российских либералов вызывают уверенность в том, что этот поиск будет не слишком сложным) автоматически высвободит Россию из кабалы ВТО, принеся нам миллиарды, если не десятки миллиардов долларов в год (и отняв их у наших конкурентов).

Уже начало этого процесса способно остановить развязанную против нас «холодную войну», – тем более, что на все время действия западных санкций, являющихся с точки зрения либерализации торговли безусловным форс-мажором, Россия имеет все основания приостановить свое членство в ВТО.

Но, к сожалению, тот, кто не сознает факта ведущейся против него войны, органически не способен победить в ней.

Поэтому все, что нам остается, – это ожидание кадрового оздоровления правительства России. Без этого ждать роста эффективности не приходится.

УМИРОТВОРЕНИЕ АГРЕССОРА – ПУТЬ К КАТАСТРОФЕ

Политику руководства России в украинском кризисе описывается уже ставшим банальностью анекдотом «Весь мир объявил России войну, а она на нее не явилась».

Наивно решив, что неявка позволяет ее избежать.

Забыв, какой катастрофой кончилось для Советской России во время переговоров о Брестском мире знаменитое высказывание Троцкого «Ни мира, ни войны, а армию распустить!»

И даже о том, что на бандитской «стрелке» виновным назначают в первую очередь отсутствующего.

Как могло интеллигентное руководство нашей страны, почти целиком вышедшее из самого культурного ее места, города на Неве, забыть последнее, вообще уму непостижимо.

Но, похоже, забыло.

И с феерической грацией поставило нашу страну в положение виноватого перед всеми.

С одной стороны, мы предатели – не только повстанцев, не приемлющих нацизм и после Крыма поверившими в путинскую «защиту русских», не только методично истребляемого населения Востока Украины (характерно, что даже эвакуация детей из мест геноцида трактуется Западом, а за ним и российскими либералами, как их «похищение»), но и всего русскокультурного населения Украины, которому предстоит теперь либо вставать на четвереньки и с энтузиазмом (а иначе в СБУ!) скакать «за европейские ценности», постепенно вымирая от голода, либо бежать, куда глаза глядят (при том, что и в России его тоже особо никто не ждет).

С другой стороны, в глазах «всего прогрессивного человечества» мы агрессоры, подлежащие истреблению точно так же, как украинские «ватники» и «колорады», – и, если бы проклятые «всем прогрессивным человечеством» тоталитарные большевики не создали бы ядерную бомбу, Москву непрерывно бомбили бы, как Белград, по крайней мере, с мая 2014 года.

Чтобы выйти из этого положения, на фоне которого даже хрестоматийное «стояние на коленях» ельцинской поры выглядит как выдающееся достижение, надо, прежде всего, вспомнить простую истину.

Умиротворение агрессора заканчивается всегда одинаково: эскалацией агрессии.

Когда Запад всеми силами выкармливал Гитлера, надеясь натравить его на нашу страну, – он после восьми с лишним месяцев «странной войны» получил внезапную оккупацию Франции и реальную угрозу захвата Англии. И лишь потом, уже при совершенно ином балансе сил, его удалось принудить к исполнению своих первоначальных обязательств.

Запад уроки из этой истории извлек, а вот нынешнее руководство России, похоже, о ней и вовсе не слыхивало, – иначе не повторяло бы политику жалких английских, французских и польских буржуа трехчетвертьвековой давности.

Когда Запад только-только привел к власти в Киеве нацистских клоунов, хваставшихся тем, что смогли собрать армию аж в шесть тысяч боеспособных мерзавцев, раздавить их не стоило ничего.

И безо всякого ввода войск, – простой поддержкой антинацистских сил.

Но уже самое позднее с мая 2014 года США и их сателлиты НАТО полным ходом, конвейером поставляет нацистам Украины бронетехнику, оружие, амуницию и специалистов. Частные военные компании стран НАТО участвуют в боевых действиях и истреблении мирного населения совершенно открыто,

а польская военная техника передается, по ряду сообщений, вместе с экипажами, что даже формально означает интервенцию НАТО на Украине.

Провокация с малайзийским «Боингом», похоже, провалилась: малайзийский и американский эксперты однозначно указали на то, что «Боинг» был сбит с самолета, в Facebook'е взломали нацистскую переписку о том, что сбить его «Буком» не удалось и пришлось добивать самолетом, а правительство Германии в своем ответе на запрос левой фракции бундестага официально заявило, что в момент катастрофы «боинга» в том районе работала лишь устарелая ракетная установка, имеющаяся на вооружении армии только Украины, но не армии России и не ополченцев.

Обвинить Путина не удалось – и о «Боинге» все немедленно забыли (включая российскую пропаганду). 298 человек, включая граждан стран Евросоюза, убиты украинскими нацистами и их хозяевами из США, – но это никого не интересует.

Россия же не оказывает борцам с нацизмом никакой внятной помощи (не говоря уже о военной) и жалко пытается оправдаться на попытку поставить совершенно ничтожную по объемам гуманитарную помощь жертвам геноцида.

«Все прогрессивное человечество» вспомнило опыт конкистадоров по истреблению индейцев Северной и Южной Америк (которых только в Северной Америке, как доказали археологи, было аж 18 миллионов, но это никого не интересовало и не интересует) и бурно рукоплещет применению против мирных городов тяжелых систем залпового огня (сравнимых по результатам действия с тактическим ядерным оружием), химического оружия и даже баллистических ракет.

Тех самых, по поводу которых США устраивают истерику, в очередной раз обвиняя Россию – теперь

в нарушении договора о ракетах малой и средней дальности в Европе.

Кстати, прошлый раз расстрел городов был опробовал грузинскими фашистами на Цхинвали (который в результате этого зверства навсегда превратился в Цхинвал). Россия не предала Саакашвили суду за преступления против человечества – и теперь отработанная технология применяется у ее других границ, но уже на русских. (Написал и вздрогнул, – но вспомнил, что это слово уже не считается российским государством синонимом слова «фашист», и его уже некоторое время можно использовать без опаски, – хотя, возможно, это и временно).

Сейчас уже очевидно: сохранение режима Саакашвили в 2008 году, после провала попытки геноцида Южной Осетии, было преступлением. Если бы тогда Медведев не остановил танки, шедшие на Тбилиси (который, помнится, по пламенному призыву «грузинского Гитлера» собралось защищать, по сообщениям российской пропаганды, 54 человека, а по данным пропаганды грузинской, – аж 58), и Россия провела бы денацификацию грузинского руководства, – Саакашвили со своими клевретами не спасался бы, как сейчас, в Киеве от заслуженной в Тбилиси тюрьмы на официальной должности специалиста по борьбе с Россией.

Да и генералы, обеспечившие победу России в пятидневной войне, вряд ли были бы с позором изгнаны из армии и сидели сейчас по тюрьмам.

Что же сказал Саркози Медведеву тогда, в августе 2008 года, что остановило вырвавшиеся на оперативный простор российские танки?

Пригрозил лишить пармезана? Или «Хенесси»?

Или пообещал заморозить чьи-то личные счета и конфисковать персональные замки, прикупленные и построенные в странах НАТО на «конечно же, честно заработанные деньги»?

Это по-прежнему важно, ибо «государственные деятели», превратившие Россию даже не в мальчика для биться, а в урну для плевков, никуда не делись.

Они по-прежнему руководят правительством и Центральным банком, – и их мотивации, какими бы загадочными они ни были шесть лет назад, никуда не делись и в основе своей не изменились.

Именно они блокируют все попытки начать нормальную политику, соответствующую не просто национальным интересам России, но и обычным представлениям о приличиях и морали.

Именно они являются опорой как Запада, так и либеральной «пятой колонны», руководя российским государством против России.

Избавление от них, очищение от них государства и ключевых медиа – вопрос выживания.

Ибо они просто не дают обществу и руководству осознать, что Запад не вводит против России «отдельные чрезмерные санкции» и даже не ведет «кампанию клеветы»: США и их сателлиты по НАТО объявили России (причем вполне гласно и открыто) холодную войну, войну на уничтожение, – которая, при должном уровне сервильности российского руководства, легко перейдет в войну «горячую».

И жалкие полумеры вроде встречных санкций (ущерб в 6 млрд. евро для Евросоюза в принципе неощутим) лишь раззадорят агрессора, – примерно так же, как робкое заявление очкарика, которому шпана в подворотне плюнула на ботинок, о том, что это неправильно и может вызвать ответную сбалансированную меру, приведет лишь к тому, что он из этой подворотни своими ногами не уйдет.

В ситуации с нацистами Украины перспектива проста: США и их сателлиты по НАТО уже приступили к формированию на ее территории армии вторжения. В условиях уничтожения экономики и отсутствия денег «пушечного мяса» для нее хватит. После

«заравнивания» Донецка и Луганска (в том числе и оружием массового поражения, – не случайно же в Киеве оказался и после консультаций с официальными представителями Евросоюза был там убит один из создателей химического оружия Саддама Хусейна, плененный американцами в 2003 году), – а может, и при стабилизации ситуации вокруг них, – эта армия будет брошена на Россию: сначала в Крым, а затем и на другие «оккупированные москалями исконно украинские земли» – Ростов-на-Дону, Кубань, да хоть на Москву, насколько фантазии хватит.

Сегодняшний курс руководства России на последовательное и униженное умиротворение агрессора – путь к уничтожению не только нашей страны, но и всей нашей цивилизации.

КАК БУДУТ СВЕРГАТЬ ПУТИНА

Сила Запада – в стандартах. В использовании везде, где только возможно, надежных, отработанных до автоматизма и проверенных временем эффективных схем.

В индустриальную эпоху это касалось производства, – но в информационную эпоху принцип стандартизации перенесен и на управление обществом.

Это облегчает работу прогнозиста.

Ему уже не приходится, подобно палеонтологу, пытающемуся восстановить вид животного по крохотной косточке, искать замыслы, стоящие за отдельными событиями.

Сегодня прогнозист больше похож на техника, который, глядя на деталь с фабричным клеймом, просто видит, какой модели какого производителя та принадлежит.

Это касается и политики.

Заявления политиков Запада, подача материала глобальными медиа, динамика ключевых тем оставляют так же мало места для догадок, как и автомобильное колесо с эмблемой, например, *BMW*.

Можно, конечно, обсуждать, принадлежит ли оно лифту, тепловозу или телеге, но знание минимальных стандартов не оставляет места для сомнений.

Информационная картина вокруг катастрофы малайзийского «Боинга» по своей однозначности напоминает такое колесо. Говорить о «прогнозе» как-то неловко: стандарт очевиден, явлен в деталях, и все, что можно, – это раскрыть фирменный каталог и сверить маркировки.

Конечно, теоретически стандарт может быть сломан: общественный организм не столь однозначен,

как технический, – но никого, способного противодействовать вполне очевидному стандарту, ни в России, ни за ее пределами не наблюдается.

Случайности, конечно, случаются, – но вечное упование на них даже для самого везучего человека есть наиболее надежный способ самоубийства.

Без них реализация стандарта начнется с однозначного заявления международных экспертов о том, что малайзийский «Боинг» сбили «пророссийские сепаратисты».

Ехидные комментарии в соцсетях о том, что отдать «черные ящики» в Лондон – почти то же самое, что отдать их сразу Коломойскому, конечно, остаются не более чем ехидными комментариями.

Однако одной из фундаментальных судебных процедур в США является правильный подбор присяжных, – и многочисленные юридические фирмы, постоянно обменивающиеся своими талантливыми сотрудниками с государственным аппаратом, в совершенстве овладели этим искусством поколения назад.

Если же кто-то из экспертов закапризничает, – на него может возникнуть (как случилось, например, со Стросс-Каном) компромат, он может резко разбогатеть или трагически скончаться для вразумления остальных.

Дело житейское: цель оправдывает средства, и нужный результат будет достигнут, причем достигнут быстро, в считанные дни.

Если же по каким-то причинам малайзийский «боинг» не подойдет, – будет разыграна иная подобная провокация, вплоть до массового убийства детей якобы ополченцами.

После этого глобальные медиа в течение нескольких суток вобьют в общественное сознание мира, что (как уже любезно сообщил нам пресс-секретарь Белого дома) в этой (или иной подходящей) трагедии виноват лично Путин.

Именно он ведет войну (причем даже не против Украины, а против всего мирового сообщества наций), в массовом порядке истребляя беззащитных мирных жителей, именно он направил военные ресурсы России на поддержку «террористов и сепаратистов» и, скорее всего, именно он, опьяненный кровью, отдал личное указание уничтожить лайнер со всеми пассажирами (или невинных детей).

Это кажется горячечным бредом в стиле покойной Новодворской лишь сегодня: когда в разных стилях, разными словами, разные люди по разным каналам будут сообщать вам изложенное – вы в это поверите. Если сто раз сказать «халва» самому, во рту станет сладко; если сто раз услышать «халва» по телевизору – можно заболеть диабетом.

Разумеется, никого не будет волновать реальность, – начиная с причины отклонения «Боинга» от маршрута по команде диспетчера и сопровождения его украинским самолетом и кончая военной мощью России, которая в случае оказания реальной помощи ополченцам привела бы, даже без открытого вмешательства в конфликт, к завершению войны в течение недели и спасению десятков тысяч жизней.

Никого не будет волновать и возможность обычной случайности, вполне вероятной при пролете самолета над зоной боевых действий с участием самолетов и зенитных установок.

Решение уже принято и, более того, публично провозглашено: надо просто слушать, когда говорят.

После провозглашения Путина лично ответственным за все трагедии и беды Украины, вбивания в общественное сознание тезисов «Путин хуже Гитлера» и «Путин – это Милошевич, Хусейн и Каддафи сегодня» в качестве завершающего этапа информационной артподготовки начнется новый этап введения санкций.

Психическая атака, связанная с бесконечными и оказывающимися в итоге бессодержательными угрозами, сменится реальными действиями, направленными на максимальное ухудшение условий жизни в России.

Такие санкции самоубийственны для Запада в случае длительного применения, но вполне разумны как краткосрочные меры, обеспечивающие свержение неугодной власти. В этом случае убытки развитых стран будут с лихвой компенсированы будущими контрибуциями – возможно, скрытыми, через получение разнообразных привилегий, как это было в 90-е, а возможно, и явными, как это было с Веймарской Германией.

На этапе прямой атаки возможно и отключение России от международных платежных систем вроде Visa и Mastercard, и прекращение межбанковских расчетов по SWIFT, и массовое (а не точечное) замораживание активов и счетов граждан России (во время скандала с Bank of New-York в 1999 году имели место случаи замораживания счетов по факту русской фамилии – при полном отсутствии тогда политической подоплеки), российских корпораций и государства как такового. Нельзя исключить и прекращение поставок в Россию критически значимого импорта, что может привести к ряду химических катастроф. В жертвах, разумеется, будет виноват Путин, – но скорбеть по «ватникам» и «колорадам» Запад будет ничуть не сильнее, чем сейчас.

Слова об абсолютном приоритете политических мотиваций (если по-русски, то замены российского руководства на приемлемое для Запада) над экономической выгодой европейскими лидерами были произнесены еще в августе, – и, в отличие от марта 2014 года, никаких внятных возражений со стороны европейского бизнеса не вызвали. С одной стороны,

можно и самим попасть под американский каток, а с другой – европейский бизнес заинтересован во владении не только украинскими черноземами, но и российским сырьем.

На деле санкции, скорее всего, будут помягче, но их целью станет создание невыносимых условий и невыносимого страха для российской элиты и для «среднего класса» российских городов.

При должной информационной и политической обработке тезисы «Во всем виноват Путин!» и «Если в кране нет воды – значит, Путин должен уйти» из тяжелого бреда, которым они сейчас кажутся, уже весной 2015 года может стать для критически значимой части российского общества и элит самоочевидной истиной.

Мы это проходили в конце 80-х и начале 90-х, не помните?

Конечно, тотального дефицита, разрушающего повседневную жизнь, не будет, – однако резкое ухудшение экономической конъюнктуры станет очевидно для народа и бизнеса.

Такие причины этого, как коррупция и монополизм, сложны, скучны и уже всем надоели, – и на их смену придет (на самом деле уже приходит) назидательное «а вот не надо воровать чужих полуостровов», задорное «мы ждем перемен!» и позитивное «давайте заменим замшелых геронтократов молодыми эффективными менеджерами».

Смейтесь-смейтесь: я уже в августе развлекался, напоминая самым разным людям (пока из подверженных пропаганде) их настроения в «дни Крыма» – и сопоставляя с тем, что они говорили в конце лета.

Российское государство, громоздкое, корыстное, разворовывающее выделяемое на собственные спасение деньги еще до того, как успевает их пересчитать, не способное пользоваться современными техноло-

гиями, даже когда подозревает об их существовании, в этих условиях сможет лишь продолжать причитать и жаловаться.

Виктимное поведение еще никому не помогало.

Уже превратившим себя и свою страну в урну для плевков руководителям не стоит мечтать о блистательной карьере ночного горшка: смена поступающих на их головы жидкостей действительно неизбежна, но потом их не будут ни мыть, ни относить на свалку истории, а просто уничтожат.

Демонстративно.

Соответствующий видеоролик, – долгий, в реальном времени, – будет достоянием отнюдь не только болельщиков в Белом доме (правда, они, как и в случае бен Ладена, скорее всего, насладятся привилегией прямого эфира), но и всех пользователей ютьюба. Думаю, его даже оснастят специальной маркировкой про сцены насилия и запрет смотреть до 21 года, чтобы его точно посмотрела вся молодежь и хорошо запомнила, что бывает тем, кто не то что не подчиняется, а просто вызывает неудовольствие западных хозяев.

Либеральный клан, эта «штурмовая пехота» глобальных монополий, сначала эффективно поработает «пятой колонной», а затем элегантно изобразит из себя спасителей отечества, – да так, что 90-е годы покажутся идеалом суверенитета, порядка и процветания.

Ополченцы Востока Украины, похоже, уже сброшены со счетов: совпадение резкой интенсификации атак на них и безнаказанных расстрелов мирных кварталов с падением «Боинга» вряд ли случайно. После проведения чистки в Донецкой и Луганской областях США быстро подготовят армию вторжения (спасаясь от голода, в нее запишутся многие), которая захватит Крым (благо сменившиеся российские власти не будут его защищать и радостно передадут

«законным хозяевам») с последствиями, которые действительно заставят считать гекатомбу в одесском Доме профсоюзом мелкой случайностью, а Волынскую резню с ее 80 тысячами замученных – незначительным эпизодом.

Однако, поскольку экономика Украины от этого не возродится, а людей надо отвлекать от их бед не только террором, но и патриотизмом, армия пойдет на «возвращение других исторических земель Украины, незаконно отторгнутых москалями» – как минимум Кубани и прилегающих к границе районов.

Именно они, а не Крым и не Северный Кавказ, могут стать российским Косово.

ЧТО ДЕЛАТЬ С УКРАИНОЙ

Сумятица оценок украинской катастрофы скрывает объективные задачи России. Они просты – и виртуозно игнорируются «офшорной аристократией», жаждущей ради своих зарубежных активов забыть об интересах Родины, как о кошмарном сне, и продлить четверть века национального предательства до конца России.

Чтобы они не сделали с Россией то же, что с Советским Союзом, надо требовать от государства, если оно еще существует, самоочевидного.

Оно должно звать вещи своими именами: произошел не «Майдан» и не «события», а нацистский переворот, организованный США с их сателлитами по НАТО при прямом участии «трех поросят» – министров иностранных дел Германии, Великобритании и Польши.

Сегодня Запад поддерживает на Украине не «демократию», а нацизм по тем же самым причинам, по которым он поддерживал Гитлера во времена Мюнхенского сговора: чтобы разграбить как Украину, так и, лишив нас государственности, Россию.

Власть обязана денно и нощно, с изощренностью рекламы пива объяснять людям Запада, что их власти поддерживают террор – ради захвата активов украинского государства, разрушения недоступного американским авианосцам канала поставок китайских товаров в Европу и «загона» глобальных спекулятивных капиталов в госдолг США путем хаотизации мира.

Государство имеет для этого деньги, ресурсы, каналы влияния и специалистов: нет желания.

Поэтому российские януковичи, живущие ради своих активов в странах НАТО, должны быть выме-

тены из власти поганой метлой в тюрьму или в позорную, с волчьим билетом отставку.

«Пятая колонна» либералов, служащая глобальному бизнесу, а не народу, должна быть выжжена из власти, СМИ и образования.

В самом деле: идейный или платный сторонник нацизма может преподавать химию или хореографию, но не общественные науки.

Верящий, что Россия должна платить за финансовую стабильность США, может быть администратором гей-клуба, но не вице-премьером.

Требующий «освободиться от Сибири и Дальнего Востока» академик может сидеть в подворотне или Нью-Йорке, но не в кресле директора ключевого общественно-научного института.

Сторонник «максимы Псаки» («я ничего не знаю, но виновата Россия») может выступать в «Едиот Ахронот», но не в СМИ, распространяемом в России или принадлежащем российскому капиталу.

По военной доктрине США информационная война – лишь прелюдия к «горячей»: кто терпит поддержку нацизма и оскорбления сегодня, завтра будет терпеть бомбардировки. Жители Донбасса в свое время терпели кличку «ватник», – а теперь терпят, когда их сознательно и систематически истребляют.

Новороссии нужны консультации для национализации активов саботажников (включая олигархов), создания народно-освободительной армии и освобождения Киева.

Российским войскам нечего там делать, но нельзя мешать добровольцам, в том числе имеющим боевой и управленческий опыт.

Каждая ячейка сопротивления на захваченной хунтой земле должна получать помощь, как в прошлую войну с нацизмом. Нацисты и их пособники не могут иметь «зон безопасности»: земля должна гореть под ногами нацистских оккупантов.

Денацификация Украины должна быть официальным требованием России, – и обществ Запада, ужаснувшихся зверствам своих правительств.

Реализация этих мер проста и не требует ничего, кроме служения гуманизму и интересам народа России.

Системный и последовательный отказ же от них, который мы наблюдаем уже длительное время, все более похож на национальное предательство.

ВОЙНЫ НЕ БУДЕТ: БУДУТ ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Россия не введет войска на оккупированную нацистами территорию Украины.

Это один из «флажков», линию которых наше руководство, как в «Охоте на волков» Высоцкого, пересечь не может.

Ни при каких условиях, что бы ни случилось.

Да: Путин Украину не сдаст и не продаст, как писал я в начале июля, – и гуманитарная помощь будет делать свое дело медленно и мучительно, с чудовищными лишними жертвами. Не только военными, – разрушенная Новороссия будет вымерзать долгой зимой, и нам надо ждать еще несколько миллионов беженцев, хотя и с единственным нынешним миллионом никто толком не знает, что делать.

Но за флажки – ни-ни.

«Спасение утопающих есть дело рук самих утопающих», ни о какой «гуманитарной интервенции» не будет речи: это можно только американцам.

«Что позволено Юпитеру – не позволено быку».

Мотивация, насколько ее можно уловить в мычании провластных бычков с телячьими глазами, правдоподобна: страх Третьей мировой.

Да, единственный способ списать громаду заведомо безвозвратных долгов, пока она не рухнула сама и не похоронила под собой Запад, – это сжечь ее в пламени войны.

И единственная позитивная стратегия России – отодвинуть эту войну: чтоб полыхнуло не в Харькове в минувшем августе, а (например) в Мекке: не случайно один из лидеров исламских фундаменталистов из ИГИЛ выразил возмущение теми, кто «поклоняет-

ся камням», – и имел он при этом в виду явно не Соловецкий камень на Лубянской площади Москвы.

Пока получается; если удастся, это будет главная победа Путина в его жизни, а мы о ней и не вспомним: предотвращенная опасность не считается, а история дама несправедливая.

Только вот к вводу войск и освобождению Украины от нацистов, приведенных к власти США и их сателлитами по НАТО, это не имеет отношения.

Ведь сохранение нацистов у власти не снижает вероятность разжигания костра большой войны на Украине, а повышает ее: после военно-хирургической операции разжигать стало бы просто нечего.

А выдавливание гноя по капле в операции «военно-гуманитарной» лишь усугубляет заражение организма.

Нацизм – простое заболевание: лечится только свинцом.

Терапия дипломатии не работает и, более того, воспринимается как признак слабости, как приглашение к агрессии, – и разъяснение безумцам, скачущим под «москаляку на гиляку», чем воспитанность отличается от ничтожности, уже стоила десятков тысяч человеческих жизней.

Не нужно питать иллюзий по поводу качества тусовки, правящей и владеющей нашей страной.

Вплоть до середины июня Россия финансировала нацистов заведомо бесплатными поставками газа, совершая преступление как по российскому, так и по международному праву, и сейчас делает вид, что на Украине сохранилась государственность.

Россия де-факто участвует в войне на стороне нацистов, какой бы грязью те нас (вместе с либеральными нацистами и их пособниками внутри страны) ни поливали. Ведь наше государство не интернирует до завершения войны оказавшихся на ее территории карателей и душегубов из так называемой «армии Укра-

ины», как обязана делать любая нейтральная страна, а заботливо возвращает их нацистскому командованию, чтобы они продолжали убивать женщин, детей и стариков, жечь заживо «ватников» и «колорадов», целенаправленно разрушать инфраструктуру некогда «золотой» Украины для массового вымирания населения от голода и холода.

Похоже, у критически значимой части бюрократов и олигархов России симпатий к украинским нацистам значительно больше, чем к своему народу.

Ведь нацистов привели к власти не только корпорации и политики Запада, но и чиновники и олигархи Украины. И восстание Новороссии, – против не только нацистов, но и олигархов, интересы которых эти нацисты обслуживают, – страшнее для российских олигархов и их обслуги, чем любые зверства бандеровцев за сотни километров от их поместий.

Это классовый интерес: олигарх олигарху глаз не выклюет. Антиолигархическая революция Новороссии страшна не только Киеву, но и Рублевско-Куршевельскому федеральному округу, и далеко не только той его части, которая самовлюбленно и самозабвенно провозгласила себя «офшорной аристократией».

Мы можем сколько угодно пенять на либеральную «пятую колонну» власти, считающую смыслом существования России поддержание финансовой стабильности США, – но кто назначал их? Кто держит их во власти и сегодня? Кто позволяет им на пустом месте устраивать кризис региональных бюджетов, уничтожение социальной сферы, ликвидацию накопительных пенсий? Кто позволяет им блокировать выделение денег на военные разработки, замещающие украинские, – и тут же бросать сотни миллиардов на поддержку финансовых систем стран, ведущих против нас холодную войну?

Обама?

Рептилоиды с планеты Нибиру?

Граждане избиратели, свободно и демократично делающие свой выбор?

Россия поощряет нацистов тем, что сохраняет их у власти.

Кто надеется, что оголодавшие и замерзнувшие украинцы поднимут восстание, ничего не знает про террор и пропаганду. Восстания не будет: будут тысячи отдельных убийств, о которых мы не узнаем, как не знаем о тысячах таких убийств, уже совершенных нацистами.

Будет изъятие украинских трофеев (включая чернозем, на который немцы зарились еще в 1941 году: пришло их время!) западным капиталом и подготовка американскими профессионалами армии вторжения в Крым.

Не получится (ибо ополченцы уже вселили в нацистов страх) – будут готовить диверсантов. Организовать серию терактов, чтобы сорвать следующий туристический сезон в Крыму, трудно: весь Крым понимает эту угрозу, и я видел, как реагировали люди на фотоаппарат, направленный не в ту сторону. Но любая бдительность притупляется, а наука о терроре совершенствуется.

А если не получится с Крымом, объектами терактов станут Ростов-на-Дону, Белгород и, конечно же, Москва. Одна-единственная диверсионная группа с начала августа истребляет водителей и грибников на Юго-Востоке и Юге Московской области, – и в октябре ее все еще не могли поймать.

Специалисты у американцев найдутся, а тренировочные лагеря, помимо Галичины, с охотой примут у себя Прибалтика и Польша, министр иностранных дел которой гордится, что воевал против нас еще в Афганистане.

Можно тешить себя иллюзиями и продолжать умиротворять агрессора – российские чиновники, похоже, книжек по истории давно не читали.

И правда: зачем книги, когда есть айфоны?

И даже самый симпатичный айфончик, ласково прозванный твиттеренышем?

Мыслители от внешней политики говорят: тише, не мешайте, есть сверхсекретный гениальный план, – и на сей раз даже не из Чуйской долины...

Мол, Россия не вмешивается, чтобы ужасом повседневного террора, массовых убийств на Украине перевернуть сознание европейской элиты и вырвать Европу из-под тотальной зависимости от США...

Беда умного человека в том, что он умный – и судит о других по себе. И потому приписывает окружающим сложные разветвленные схемы, рождающиеся в его мозгу. И изумляется потом, что анализируемые им люди чуть попроще, чем ему казалось, и склонны к простым и внятным решениям, а не запутыванию себя в сложных интеллектуальных играх.

Прежде всего, в этой гипотезе порочна мотивация: нам-то что с той Европы? У кого там родители? друзья? семьи?

Оставлять украинский народ под властью нацистов ради вразумления евробюрократов – как, не дороговато будет?

А главное – кого вразумлять? Меркель? Олланда, на фоне которого даже литовская преподавательница партшколы, исполняющая роль президентши, выглядит порой государственным деятелем?

Европейская элита полностью зависима от США по своей воле: это ее выбор, и ничьи бедствия, кроме личных, ее не взволнуют и не заставят даже задуматься. Катастрофы Югославии, Ирака, Северной Африки и Сирии доказывают это исчерпывающе.

Запад боится сегодня только одного: второго освобождения Украины от нацистов.

Потому что прекрасно понимает: ему нечего противопоставить российской армии, особенно сознающей свою правоту и справедливость.

Никто из тех, кто ставил во власть украинских нацистов, не будет сражаться за них и даже посылать им на помощь войска.

Частные военные компании хороши против плохо обученных повстанцев: с регулярными войсками, обладающим тяжелым вооружением, они не будут связываться, какие бы разрешения ни давали им их правительства. Для них война – бизнес, и каждый убитый профессиональный наемник стоит слишком дорого.

И потому освобождение Украины сделает Россию страной, равной Китаю и США.

Сделает ее центром силы – и изменит мир.

Поэтому все усилия Запада направлены на то, чтобы не допустить освободительного похода российской армии на Ужгород.

Хорошо изучив психологические профили нашего руководства, западные специалисты научились посылать непрямые сигналы, незаметные и непонятные никому, кроме тех, чьему восприятию они предназначены.

Информационная истерика, официальная пропаганда, «независимые» блоггеры, дипломатические шаги образуют сложный информационный фон, позволяющий манипулировать руководителями, – вплоть до полного исключения из их сознания самых прямых, самых очевидных возможностей.

У меня нет доказательств, это гипотеза, – но, имея опыт подачи информации начальству, я различаю в информационной какофонии фрагменты блоков, предназначенных только принимающим системные решения и толком воспринимаемых только ими.

Поэтому освобождения Украины не будет, – будут только последствия, точно такие же, как если бы мы

освободили ее: обвинения во всех смертных грехах, клевета, ложь, провокации и санкции. Потому что холодная война ведется не за нацизм на Украине, а за уничтожение России: 2% населения, владеющие 20% ресурсов мира – слишком лакомый кусок, чтобы в обостряющем конкуренцию глобальном кризисе позволить ему существовать дальше.

Так что не волнуйтесь: ваши дети будут умирать не за свободу и не против преступлений нацизма, а от водки, нищеты, наркотиков, болезней и общей бессмысленности существования.

Как в 90-е.

Потому что у руководства России, – я хочу ошибиться, но пока нет признаков этого, – нет стратегии и нет целей.

А вот ограничительная линия красных флажков – есть.

Правящая тусовка не только бежит сама, но и ведет нас туда, куда ведут ее кропотливо расставляющие флажки люди, – те самые, которые ведут против нас войну на уничтожение.

Это смертельно опасно.

Хотя я верю, что ополчение освободит Украину и без военной, на основе лишь гуманитарной помощи.

И мы встретимся в следующем году в Киеве, а во Львове будет стоять памятник Судоплатову, уничтожившему бандеровских лидеров.

Но цена этого будет чрезмерной.

РОССИЯ – УРНА ДЛЯ ПЛЕВКОВ?

Еще с конца 90-х годов военная доктрина США рассматривает информационную войну как первый и обязательный этап обычной, «горячей» войны, – своего рода аналог артподготовки.

Ведь прежде, чем нападать на кого-либо, жертву будущей агрессии надо, выражаясь языком шпаны, «завиноватить»: сделав отвратительным в глазах других стран, лишить поддержки и тем более союзников извне, создать мощное недовольство им внутри его собственного общества, а главное – лишить уверенности в собственной правоте, а с ней и способности эффективно действовать.

Как показывает весь опыт американских агрессий (которые, за небольшим исключением, и составляют историю всего послевоенного времени), это работает.

С началом украинской катастрофы и завершения процесса превращения самой развитой, богатой и процветающей части Советского Союза в историческую «Руину» это работает против России – при попустительстве, переходящем в прямое поощрение, со стороны российской бюрократии.

Россия позорно проигрывает информационную войну

Постыдная информационная беспомощность, проявленная во время нападения саакашвилиевской Грузии на Южную Осетию в 2008 году (когда был апробирован расстрел мирного города «Градами», широко применяемый сейчас украинскими нацистами при полной поддержке и одобрении США и их сателлитами из Евросоюза), демонстрируется российскими властями и через пять лет.

Слабость российской позиции напоминает времена первой чеченской войны, когда отечественные СМИ называли бандитов «повстанцами», а российских солдат – хорошо, если не «федерастами».

Как и тогда, даже государственные издания сплошь и рядом используют враждебную России лексику своих критиков: торжественно именуют нацистских карателей «украинскими военными», киевскую хунту – «властями Украины», бандита Авакова – «министром внутренних дел», а ополченцев, понятно, «сепаратистами».

Эта лексика на подсознательном уровне дезавуирует и без того слабенькие официальные заявления и дискредитирует даже те жалкие полумеры, на которые все-таки осмеливается государство вновь торжествующей «офшорной аристократии».

Да и немногие разумные шаги ставятся ею под сомнение: мол, как же мы можем воссоединяться с Крымом, если на Украине не было никакого нацистского переворота и, более того, сохранилась государственность?

До сих пор, похоже, не осознано, что Запад осуществляет против нас информационную агрессию, в которой его представители в принципе не интересуются реальным положением дел.

В этой ситуации содержательная дискуссия может быть лишь второстепенным инструментом, подтверждающим серьезность и обоснованность позиции государства, – но сводить всю информационную политику лишь к содержательным возражениям значит заранее обрекать себя на поражение и, затем, гибель: это стратегическая оборона.

Российское государство должно исходить в своих действиях из понимания того, что речь идет не об ущемлении его интересов, а о самом его существовании.

До сих пор позорно отсутствует, если судить по информационной политике, центр координации

всей информационной деятельности (и управления той ее частью, которая в принципе поддается управлению) – так же, как и центр координации всей политики в отношении Украины.

Кризис на Украине важен для России не сам по себе, а в силу своего колоссального влияния на Россию: как элемент не внешней, но внутренней политики. Поэтому информационная политика должна координироваться органами, отвечающими именно за внутреннюю политику.

Но до этого, похоже, еще дальше, чем до отставки Медведева и освобождения российской государственности от «пятой колонны» либерального клана.

Лишь несколько упущенных возможностей

В трагедии с гибелью малайзийского «боинга» мы видим вполне разумную и эффективную в своей публичной сдержанности активность президента Путина, который практически в одиночку тянет на себе все бремя противостояния грамотно организованной провокации, – и отчаянные, в основном в социальных сетях, усилия «широких народных масс», самодеятельно воюющих с профессиональным катком западной пропаганды, чем бог на душу положит.

Никаких значимых признаков наличия российской государственности, обязанной организовывать грамотный, комплексный и систематический отпор информационному противнику для последующего перехода в наступление, найти не удается.

Так, ключевой вопрос об алчности авиакомпаний, продолжавших ради экономии летать над местами боевых действий, подняли бизнес-аналитики, а не российские дипломаты, в чьи прямые служебные обязанности это входит.

Социальные сети облетело сообщение в официальном твиттере Порошенко об уничтожении рос-

сийского «летака» с 280 «солдатами, направленными на помощь сепаратистам», злорадством по этому поводу и обещанием, что «так будет со всеми». Совпадение времени и числа пассажиров позволяет предположить, что речь шла именно о малайзийском лайнере.

Да, из официального твиттера Порошенко это было немедленно удалено, – но слово не воробей.

Интернет гудит по этому поводу, – а российское государство молчит.

Та же ситуация с твиттер-репортажем испанского диспетчера киевского аэропорта Борисполь, сообщившего о захвате диспетчерской неназванными «иностранцами», угрозах персоналу вплоть до убийства и о том, что малайзийский лайнер был точно сбит ВВС нацистов.

До своего скандального сообщения твиттер велся долгие годы и был более чем правдоподобен; разумеется, как только в нем были сообщены стратегически опасные для США сведения, он исчез. «Твиттер» как корпорация еще во время «арабской весны» доказал, что является отнюдь не «нейтральной средой человеческого общения», а прямым инструментом реализации американской политики.

Наконец, адвокат Татьяна Волкова, имеющая доступ к эксклюзивной и деликатной, но тем не менее весьма надежной информации, сообщила в статье с доступным даже российским чиновникам названием «Загадки малайзийского «боинга» на этот раз нет»[1]: «Первое официальное заявление правительства США по этому вопросу, через несколько минут дезавуированное и «исчезнувшее», сообщало о ракете «земля – воздух» SA-21 Growler, «выпущенной промосковскими сепаратистами с контролируемой ими территории в нескольких милях восточнее Полтавы». SA-21 «Ворчун» – это зенитный ракетный комплекс С-400 «Триумф»...

1. http://forum-msk.org/material/fpolitic/10431619.html

...Официально С-400 на вооружении украинской армии не стоят. Как наши американские партнёры добыли этот комплекс, и как доставили его на Украину – вопрос отдельный...

...Уже через несколько минут сообщившее о происшествии официальное лицо «ушло в несознанку», сославшись на невыносимую сложность произношения слова «Полтава»».

На этом фоне говорить об игнорировании сообщения Стрелкова о странных телах погибших, в которых не было крови (но зато она была в специальных контейнерах в салоне самолета), излишне.

Российская бюрократия, занятая подсиживанием себя самой, прислуживанием себе самой и заботами о своих зарубежных активах, скорее всего, даже не подозревает ни об одном из этих общеизвестных для внимательно относящихся к современному информационному пространству событий.

Как надо браться за информационную работу

Между тем необходимые действия вполне очевидны.

Прежде всего, надо обуздать враждебную пропаганду ряда российских либеральных СМИ. Их основная часть открыта для сотрудничества: им есть, что терять, а некоторые создавались российскими же спецслужбами.

СМИ, не готовые ограничить враждебную пропаганду, должны быть закрыты без сантиментов, включая социальные сети. Скажем, Facebook недоступен не только в Китае, но и во вполне демократичной (на нашем фоне) Турции – и это не вызывает ничьих истерик.

От обороны в информационной сфере надо переходить к агрессивному наступлению, используя, как минимум, информационные технологии бандеров-

цев, широко и изобретательно применявшиеся во время Евромайдана.

От имени «групп общественности» следует применять постоянные меры публичного воздействия на противника: собирать подписи под петициями, подавать иски в суды (и жалобы в социальные сети на пропаганду ненависти и насилия в бандеровских группах), требовать от депутатов расследования событий, проводить разнообразные мероприятия по «болевым точкам» противника (сегодня это проблема огромного числа исчезнувших и продолжающих исчезать в зонах нацистского террора людей, но главное — проблема безопасности еврейского населения территорий, находящихся под контролем нацистов: данная тема наиболее замалчиваема в США).

Для работы с общественным мнением Запада надо использовать антиамериканские настроения европейского бизнеса и предоставлять политологам эксклюзивные контакты. Усилия в этом направлении недостаточны.

Важно, что человек всегда выбирает будущее, даже плохое и неопределенное, предпочитая его настоящему и тем более прошлому, даже сытым и комфортным. Трагедия всех патриотических сил в том, что они зовут в прошлое: это гарантия поражения. Надо постоянно рисовать образ принципиально нового будущего для Украины, освободившейся от нацизма, и России, вырывающейся из-под либеральной «железной пяты».

А вы уверены, что мы существуем?

Пока же демонстрируемая российским государством способность превращать стратегические победы в кошмарные поражения вновь, как в худшие времена Ельцина, ставит на повестку дня вопрос: а существует ли оно как таковое?

Ведь в самом деле: Россия не протестует против применения химического оружия нацистами против ополченцев, против артиллерийских и ракетных обстрелов мирных городов, против бесконечных оскорблений и провокаций со стороны нацистских властей.

Бойня в Луганске, где нацисты «под шумок» трагедии лайнера истребили десятки мирных граждан, сопоставимая с обстрелом рынка в Сараево в 1994 году, кардинально изменившим отношение Запада к боснийской войне, российским государством, похоже, и вовсе не была замечена!

Россия не ставит должным образом вопрос о поддержке Западом нацистского геноцида, не привлекает внимания к отчаянию, страданиям и безысходному положению сотен тысяч беженцев, число которых уже через несколько месяцев достигнет миллионов.

Россия бесконечно терпит наглые и бессмысленные унижения, оскорбительный менторский тон, морализаторство со стороны признанных международных проституток (и отнюдь не всегда только политических), изгнание себя из «большой восьмерки», бесконечный психоз по поводу санкций, – и не смеет ответить даже намеком хотя бы на одно из бесчисленных уязвимых мест современного Запада.

Не говоря уже о фактическом признании нацистского государственного переворота, организованного в Киеве при как минимум прямом участии официальных лиц США, а также министров иностранных дел Германии, Великобритании и Польши.

Невольно возникает вопрос: а существует ли вообще эта Россия как государство?

Или мы ее просто придумали для собственного утешения?

Ведь, как было сказано в комедии «Квартета И» «День выборов», «русский народ – это же народ-выдумщик!»

Глава 3
ЭПОХА НАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ЛИБЕРАЛЫ ЖИВУТ В 90-Х И ЗАПИХИВАЮТ НАС ТУДА ЖЕ

Современный либерализм – чума, способная лишь уничтожить Россию. 2013 год развеял оптимистичные галлюцинации

В начале 2014 года либералы собрались на очередной шабаш (недаром Гайдаровский форум часто, невольно оговариваясь, называют «Гитлеровским») в критической для России ситуации.

Тотальные коррупция и произвол монополий на глазах доламывали хребет машинки по разворовыванию советского наследства и его легализации в фешенебельных странах в качестве личных богатств, известной под псевдонимом «российское государство».

Экономический рост в 2013 году по сравнению с прошлым замедлился почти в 2,5 раза, уверенный инвестиционный рост 2012 года прекратился, промышленный сошел на нет.

Внешний долг ускорил свой рост и превысил «порог безопасности», составляющий для коррумпированных и монополизированных экономик вроде российской 30% ВВП.

Вопреки заклинаниям профессиональных шаманов из социально-экономического блока правительства, бегство капиталов из России ускорилось (с 54,6 в 2012 до 62,7 млрд. долл. в 2013 году), причем на протяжении года отклонение от прошлогоднего уровня ухудшалось от квартала к кварталу. Если в I квартале 2013 года отток был на одну шестую ниже прошлогоднего (28,2 против 33,8 млрд. долл.), то во II он превышал прошлогодний уровень почти на треть (6,2 против 4,7 млрд.), в III – почти в полтора раза (11,6 против 7,9 млрд.), а в IV квартале – уже более чем вдвое (16,6 против 8,2 млрд. долл.).

Положительное сальдо текущих операций платежного баланса рухнуло в 2013 году в 2,2 раза. В результате поступления валюты от экспорта перестало хватать для компенсирования бегства капиталов, и рост международных резервов на 30 млрд. долл. сменился их сокращением более чем на 22 млрд.

Рост реальных доходов населения шел, похоже, за счет наиболее обеспеченной части общества, – ибо торговые сети и, в особенности, предприятия сферы услуг (от медицины до туризма) всю вторую половину года дружно жаловались на сокращение оборота.

Кредитная кабала придавила как население (в котором люди, берущие новые кредиты для погашения старых, стали заметным явлением), так и регионы: почти все региональные бюджеты на 2014 год дефицитны даже с учетом федеральной помощи.

Перспективы были прозаичны и самоочевидны: прежде всего – ослабление рубля. И не только потому, что озабоченные стимулированием спекуляций либералы окончательно отказались от ответственности власти за стабильность валюты (чего стоят рассуждения зампреда Банка России Юдаевой о том, что курс рубля зависит от ФРС и Евробанка, но никоим образом не от Банка России!) Главное в ином: после присоединения к ВТО на заведомо кабальных усло-

виях девальвация осталась единственно доступным коррумпированному государству инструментом поддержания экономики.

Даже у самых зашоренных пропагандистов не вызывало сомнения, что продолжение убийственной либеральной политики в стиле 90-х годов приведет к срыву российской экономики в спад, а затем – и в полноценный системный кризис, сопровождающийся утратой государственного контроля за ключевыми сферами общественной жизни.

Стабильность, пусть даже плохая, обеспечена лишь до начала августа 2014 года: дальше зловеще разверзается черное жерло неизвестности.

И, чтобы избежать уже понятной всем катастрофы, надо как можно быстрее менять курс российского «Титаника».

Азбука оздоровления

Ключ к оздоровлению понятен: комплексная, глубокая модернизация инфраструктуры, в первую очередь ЖКХ, автомобильных и железных дорог. Это стимулирует деловую активность одновременно сокращением общественных издержек и увеличением производственных заказов.

Принципиально важно, что, поскольку выгода от инфраструктуры достается всем и не концентрируется у инвестора, модернизация инфраструктуры в большинстве отраслей непосильна частному бизнесу. Таким образом, это уникальная сфера, в которой государство почти гарантированно не вступит в неизбежно недобросовестную конкуренцию с бизнесом.

Однако сама по себе модернизация инфраструктуры невозможна без целого комплекса мер по ее обеспечению. Прежде всего – без ограничения коррупции, ибо иначе основная часть денег будет эле-

ментарно украдена, и модернизация под истошные вопли о полном отсутствии воровства ограничится роскошной недвижимостью

Но для модернизации инфраструктуры этого мало: ведь не украденное коррупционерами в сегодняшней ситуации будет через завышение цен присвоено монополиями.

Классическим пример этого явил злосчастный нацпроект «Доступное жилье», которым до сих пор гордится Медведев, справедливо переименованный народом в «недоступное жулье». Увеличение спроса без ограничения произвола монополий привело не столько к расширению предложения жилья, сколько к гомерическому скачку цен на него, сделавшего его недоступным для подавляющего большинства россиян.

Поэтому модернизация инфраструктуры требует ограничения не только коррупции, но и произвола монополий. Способ прост: обеспечение их полной финансово-экономической прозрачности. Кроме того, надо по примеру Германии дать антимонопольным органам право при резких колебаниях цен сначала возвращать их на место, а потом уже расследовать причины. Ведь это расследование может длиться годы, в течение которых злоупотребление монопольным положением может нанести экономике необратимый ущерб.

Ограничение коррупции и произвола монополий позволит провести модернизацию инфраструктуры, но в чьих интересах? Ведь в страну приходят либо товары, либо инвестиции, – и, если национальный рынок открыт настежь, внешняя конкуренция просто не позволит развиваться национальной экономике. Чтобы не получилось, как в Киргизии, которой хорошие дороги из-за чрезмерной открытости экономики принесли разорение и революции вместо процветания, модернизация инфраструктуры должна быть дополнена разумным протекционизмом.

В противном случае средства, направленные на модернизацию, достанутся иностранным компаниям и повысят деловую активность наших конкурентов (как было, например, со строительством на Сахалине в рамках Соглашений о разделе продукции).

Понятно, что все эти действия принципиально противоречат современному либерализму.

Однако угроза разрушения российской экономики стала настолько остра и очевидна, что на нее еще в начале 2014 года оказались вынуждены реагировать даже либералы.

Правда, практические проявления их реакции поражали воображение.

Потрясающим сеансом саморазоблачения стали планы по инвестированию в модернизации инфраструктуры. Как ясно из слов президента Путина (который, насколько можно судить, просто озвучил концепцию правительственных либералов), по 150 млрд. руб. средств Фонда национального благосостояния предполагалось вложить в модернизацию БАМа, строительство Центральной кольцевой автодороги (ЦКАД) в Московской области и несколько более мелких проектов.

Понятно, что реализация столь разных проектов, как модернизация БАМа и строительство ЦКАД ни при каких обстоятельствах не может стоить одинаково. А если на них выделяются одинаковые суммы, – значит, смысл проектов не в том, чтобы что-то построить или обновить, а в том, чтобы потратить деньги. И выделение на группу еще не до конца понятных проектов вполне понятной суммы (равной двум предыдущим) это подтверждает.

Без реализации необходимых поддерживающих мер, «модернизация инфраструктуры» производила тогда и производит сейчас впечатление простого расширения круга проектов, затеваемых ради разграбления бюджетных средств, с «имиджевых» на теперь еще и «инфраструктурные» проекты.

Однако этот шаг, пусть и порочный, делается в правильном направлении. Вместе с тем он носит сугубо практический характер, – а ситуация требует прежде всего теоретического осмысления.

Которого стоило ждать от очередного Гайдаровского форума.

Интеллектуальная нищета либерастии

Разумеется, либерал не может произнести слова о необходимости усиления роли государства в экономике, в особенности в деле организации ее развития: тогда он автоматически перестанет быть либералом, – и, войдя в круг нормальных людей, утратит привилегии своей касты.

Однако острота ситуации вынуждает как-то реагировать на проблемы, – и даже премьер Медведев был вынужден упомянуть о необходимости ужесточения контроля за монополиями (правда, только инфраструктурными) и о привлечении частных инвестиций к модернизации инфраструктуры. Последнее требует целевой компенсации за счет прироста собираемых налогов и в условиях неспособности российского государства на сложные действия (а также вызванного этим уровня доверия к нему) неосуществимо, но само изменение риторики весьма характерно.

Правда, этим позитивные впечатления, в общем, и исчерпываются.

Феноменальным стало заявление премьера Медведева о том, что нынешние проблемы России являются результатом отнюдь не каких-то допущенных в прошлом ошибок, а целенаправленной деятельности либеральных реформаторов. По сути дела, это признательные показания, – пусть даже и слегка замаскированные словесной дребеденью о «новой ступе-

ни», на которую якобы их усилиями поднялась российская экономика за 2000-е годы.

Принципиально важно, что Медведев, похоже, чуя, что в России «пахнет жареным», по сути дела переложил ответственность за состояние страны с собственного правительства, которое в решающей степени определяет его, на лишенных реальных полномочий губернаторов и даже мэров.

На этом фоне померкли другие перлы – вроде «Начну с того, что в Россию, наконец, вернулась зима», живо напомнившее ельцинское бессмертное «наступила осень, пришло время квасить капусту».

А чего стоит полностью отрицающее действительность заявление премьера Медведева о том, что у России, в общем и целом, все «достаточно стабильно»? Особенно хорош пассаж про продолжающийся экономический рост: стоит вспомнить, что «на фоне глобального кризиса», о котором кручинился премьер, российский рост ниже, чем в 4 странах «большой семерки» (США, Канаде, Великобритании и Японии), не говоря уже о Китае и других по-прежнему успешно развивающихся экономиках.

Хороша была и ссылка на Шумпетера: Медведев вальяжно признал возможность того, что «мир переживает очередной этап созидательного разрушения», создающего «предпосылки для последующего развития». О том, что Шумпетер описывал иную реальность, а нынешнее начинающееся в России разрушение легко, как и во многих других странах, может и не перейти ни в какое развитие, председатель правительства всея Руси, по-видимому, даже не подозревает.

Невольно вспоминается, что в Древней Греции слово «идиот» отнюдь не было ругательством, а означало всего лишь человека, не обращающего внимания на окружающий мир...

Похоже, отнюдь не случайно бывший советник Гайдара по политическим вопросам Мау, ныне воз-

главляющий объединенную государственную Академию госслужбы и народного хозяйства, предваряя выступление Медведева, отметил, что присутствующие увидят людей «с парадоксальными взглядами».

Однако не только отдельные выдающиеся даже на либеральном фоне фигуры, но и все обсуждение показало: либералы, остро ощущая прославленные российской рекламой «ощущения дискомфорта», в принципе не способны осмыслить их и тем более выработать действенные меры государственной политики.

Верный гайдаровец Улюкаев признал необходимость новой модели экономики, исправляющей «структурные диспропорции» (коррупцию, произвол монополий и искусственное удержание народа в бедности можно называть и так), – но даже не пытался сказать о ней ничего внятного.

Более того: он признал, что замораживание тарифов естественных монополий будет однократным актом и сменится с 2015 года обычным их ростом. А для населения тарифы, несмотря на все пресловутое «замораживание», будут увеличены (правда, для разгона пока лишь на 4,5%) уже в этом году.

Признав, что экономика России, которая все 2000-е годы росла быстрее мировой, теперь будет расти медленнее, министр экономического развития правительства Медведева не стал всерьез искать причины этого феномена и меры его преодоления.

По мнению Улюкаева (который, похоже, судит о стране по себе), доходы населения в полном порядке, и нет никакой необходимости как-то стимулировать их. «Проблема российской экономики – это не проблема спроса, а проблема предложения. Спрос достаточно высок, и не нужно его подстегивать через увеличение государственных расходов – тогда мы будем нести риски пузырей некачественных активов, роста инфляции и разбалансировки экономики». «Пробле-

ма предложения», насколько можно судить, будет решаться не за счет развития российского производства (что хлопотно и противоречит либеральной идеологии), а дальнейшим стимулированием импорта.

Министр финансов Силуанов заявил о необходимости повысить пенсионный возраст, – и это после фактического ограбления будущих пенсионеров в хаосе нового этапа «пенсионной реформы»! При этом он тактично умолчал о главной причине пенсионных проблем – нежелании правительства Медведева исправлять уникальную регрессивную систему обложения доходов граждан, при которой чем человек беднее, тем больше в процентном отношении он должен отдавать в качестве обязательных социальных взносов. Эта система делает налоговую нагрузку на доходы основной части россиян запретительно высокой и ведет к падению собираемости обязательных социальных взносов. Даже корыстный бизнес долгие годы призывает правительство исправить эту ситуацию, – но богатые чиновники, в отличие от бизнесменов, не готовы платить больше и потому последовательно и методично усугубляют пенсионный кризис.

Подводя итоги, можно зафиксировать: эти люди ничего не поняли, ничему (полезному для России) не научились и ничего (из своих навыков 90-х) не забыли, – и будут и дальше, исполненные чувства собственного достоинства, запихивать нас обратно в то прекрасное для них время.

Они не смогут сделать ничего, кроме обогащения спекулянтов и разрушения жизни всех остальных.

Они тащат нас в ад, – и, опираясь на мощь государства, имеют все возможности довести свое дело до конца.

Уж лучше бы они были ведьмами и собирались на Лысой горе.

ВТО: МОГИЛЬЩИК РОССИИ

Цель ВТО – обеспечение максимально свободной конкуренции в международной торговле. Объективно это означает подавление слабых участников глобальной конкуренции – вплоть до их уничтожения. Россия с ее вымирающим населением и неадекватным управлением – слабый участник международной конкуренции. Желание навсегда снять защитные барьеры в сочетании с категорическим отказом руководства страны от проведения модернизации превращает нашу экономику в трехлетнего ребенка, со связанными ручками вылезающего на ринг против Майка Тайсона.

Экономический смысл присоединения к ВТО – прорыв на внешние рынки высокотехнологичной продукции (ее рынки регулируются наиболее жестко) гражданского назначения (торговлю оружием ВТО принципиально не регулирует). Благодаря двадцатилетию национального предательства (точнее, либеральных реформ) к сегодняшней России это просто не имеет отношения. Потери же от всех ограничений российского экспорта, даже по пропагандистски завышенным оценкам, значительно меньше 5% его объема, и при этом основная часть этих ограничений будет действовать и в ВТО. Так, крупнейшие санкции против нашей страны – ограничение поставки стали в США – было применено против 20 стран, из которых лишь Россия находилась вне ВТО.

Защита интеллектуальной собственности, пока российское патентное дело удерживается на пещерном уровне, прежде всего усилит защиту иностранной интеллектуальной собственности в России, то есть повысит расходы на продукцию глобальных мо-

нополистов типа «Майкрософт», навязываемых по монопольно завышенным ценам.

В 2000 году «бросок в ВТО» стал идеей-фикс либеральных фундаменталистов прежде всего из-за их ничтожности: они категорически нуждались в демонстрации хоть какого-нибудь успеха. После того, как про «стратегию» Грефа было сказано «Гора родила мышь – хорошо хоть, не таракана», им нужно было показать, что они способны сделать хоть что-то.

При этом стандартные либеральные меры в то время означали немедленную социальную катастрофу. Идея запихивания России в ВТО была для них счастливой находкой: мало что зная о ВТО, они думали, что демонстрация своей лояльности Западу при помощи присоединения России к этой организации не обернется для страны неприемлемым ущербом и, соответственно, социальной дестабилизацией.

Присоединение к ВТО гарантирует, что Россия не начнет защищать свой рынок и своих производителей, что важно для крупных зарубежных экспортеров, особенно для глобальных корпораций. Поэтому они решительно поддержали отечественных либеральных фундаменталистов.

Поддержали их и многие российские бизнесмены, – частью по незнанию, частью для того, чтобы стать «своими» для Запада и получить надежду на его политическую защиту от российской силовой олигархии. Импортеры же поддержали присоединения к ВТО вполне сознательно: чем меньше в России останется производств, тем более широкие возможности откроются перед ними.

Интересы России с самого начала последовательно игнорировались либеральными фундаменталистами; достаточно вспомнить, что ключевой российский переговорщик по проблемам ВТО – Медведков – перед назначением на пост заместителя министра экономического развития и торговли был руководителем

неправительственной организации, лоббировавшей присоединение России к ВТО!

Либеральные фундаменталисты саморазоблачительно подчеркивали, что вступление в ВТО позволит создать новый рычаг преобразования государства. Но оно не только должно, но и может повышать свою эффективность без внешнего давления, которое может привести к проведению социально-экономической политики в интересах не России, но ее конкурентов (как в 90-е годы).

Присоединение к ВТО требует от страны значительной подготовительной работы, которая в течение 12 лет истерической либеральной пропаганды практически не велась. Главное – провал в сфере подготовки специалистов. Ведь ВТО – изощренный свод правил по ведению международных торговых споров. Для защиты своих интересов ее членам нужны армии высококвалифицированных юристов и экспертов. Да и национальный бизнес должен быть организован строго определенным образом; так, к рассмотрению принимаются, как правило, обращения отраслевых ассоциаций, на долю которых приходится не менее 40% производства соответствующих товаров.

На государственном уровне ничего этого в России даже не начали готовить. Оголтелая пропагандистская кампания заняла все силы и время; «пар ушел в свисток».

Преградой на пути в ВТО стало и категорическое отсутствие у либеральных фундаменталистов каких бы то ни было представлений об отраслевых приоритетах; сам термин «промышленная политика» долгие годы считался в правительственных кругах непристойным ругательством. А ведь без приоритетов осмысленные переговоры с членами ВТО невозможны, так как нельзя знать, какие отрасли надо защищать, а какими можно жертвовать.

При этом многие слабые, но необходимые отрасли не могут сами лоббировать свои интересы. Поэто-

му не удастся реализовать имеющиеся возможности даже в рамках правил ВТО; унификация же таможенных ставок подрывает возможность государства развивать те или иные направления и тем самым проводить осмысленную политику.

Многие уже сделанные российскими либералами шаги навстречу развитым странам практически исключают существование нашей экономики. Скажем, уже в ближайшие годы нам придется существенно снижать и без того мизерную поддержку сельского хозяйства.

Но самое важное в ВТО – правила ведения торговых споров. Скажем, более низкая, чем в развитых странах, стоимость энергии в принципе может рассматриваться как дотирование национальных производителей, – после чего они будут вынуждены платить штрафы не только на внешних, но и на внутреннем рынке. В результате цена российских минеральных удобрений окажется неконкурентно высокой не только за пределами страны, но и в России, – а иностранные удобрения, пусть даже и более дешевые, чем наши (после уплаты их производителями всех штрафов, которые будут закладываться в цены) нашему селу будет не по карману.

Глобальный кризис, погружение мировой экономики в депрессию объективно требует протекционистской защиты национальных экономик, – и все значимые развитые страны, кроме России, усиливают такую защиту. Присоединившись к ВТО ради пропагандистских целей, без должной подготовки, в том числе подготовки юристов, Россия не сможет защищать свой рынок цивилизованными мерами. Это приведет либо к уничтожению экономики, а затем и государственности (как было в Киргизии), либо к ее защите нецивилизованными мерами – девальвациями (которые мы последнее время уже переживаем ежегодно) и коррупцией. А такие лекарства страшнее болезни.

ВТО – ОРУДИЕ НОВОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Навязываемая России «безальтернативность» ВТО весьма напоминает «безальтернативность» современного капитализма – и теснейшим образом с ней связана.

Не будем забывать, что сама трансформация генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ) в ВТО, завершившаяся созданием последней в 1993 году, явилась прямым следствием краха социалистической системы и уничтожения Советского Союза.

Исчезновение биполярной системы лишило транснациональные корпорации сдерживающей силы (в том числе и внутри их собственных обществ) – и ВТО стало одной из форм институционального оформления стремительной, взрывной экспансии капитала развитых стран, сравнимой по масштабам, последствиям и значению разве что с Конкистой.

Уже в силу этого рассчитывать на какую бы то ни было справедливость ВТО и даже на обеспечение «равных условий», не говоря уже о «возможностях для развития», не приходится: ВТО как инструмент свободы торговли является инструментом извлечения прибыли из менее развитых стран, инструментом нового, современного колониализма.

Разумеется, деградация слабых стран, являющихся объектом эксплуатации, является естественным следствием подобной модели взаимодействия.

О том, что даже равные условия конкуренции могут легко быть смертельными для ее слабых участников, уже лет двадцать говорят все, кому не лень. Но эти разговоры парадоксальным образом вытесняют из общественного сознания понимание значительно

более важной специфики ВТО: того, что в ее рамках никто никому не предлагает никаких равных условий! Новые члены ВТО вынуждены присоединяться к ней на заведомо худших условиях, чем старые, ставя себя в невыгодное положение и предоставляя «хозяевам поляны» неконкурентные преимущества.

Выдержать это могут лишь модернизирующиеся гиганты типа Китая; для остальных подобные условия оборачиваются той или иной формой экономической деградации и зависимости.

Хотя ВТО служит интересам глобального бизнеса, непосредственным их выразителем оказываются США, играющие в этой международной организации, как и во многих других, доминирующую роль.

В этом качестве ВТО представляется еще более эффективной структурой, чем МВФ. Если последний ведет с государствами, экономическая политика которых нуждается в изменении, переговоры, порой даже завершающиеся его поражением, то ВТО устанавливает правила, которым в дальнейшем автоматически, без каких-либо дополнительных переговоров вынуждены подчиняться все ее члены.

Недостатком МВФ как инструмента обеспечения интересов США (а через них – и глобального бизнеса) является избирательная направленность: он действует лишь в отношении развивающихся стран с нарушенным валютным или бюджетным равновесием. Правила же ВТО распространяются на все без исключения, в том числе развитые и благополучные, страны мира. Так как законодательство США, в отличие от остальных стран мира, ставит национальные законы выше международного права и международных соглашений, в том числе и соглашений ВТО, с чисто юридической точки зрения ВТО выступает инструментом навязывания национальным экономикам всего мира правил и отягощений, которые США не считают обязательными для себя.

Конечно, данное правило не абсолютно: в ряде случаев США шли на уступки после нарушений правил ВТО, но борьба с ними в рамках ВТО затруднена, в том числе из-за приоритета национальных законов, даже при наличии прямых нарушений.

Существенная черта МВФ – ее бюрократичность. Чиновники, особенно международные, обычно обладают ограниченной компетентностью и не страдают излишним рвением. Поэтому при помощи простого выказывания им должного уважения их можно безнаказанно вводить в заблуждение, не говоря уже об относительно тонких способах манипулирования.

Чиновниками же ВТО движет не бюрократическое занудство, приверженность административным ритуалам и исследование формальных критериев, но прямой коммерческий интерес корпораций. ВТО есть концентрированное выражение давления мировой конкурентной среды – и нюансы, попросту недоступные чиновнику МВФ, всегда будут выявлены корпорациями, для которых они являются вопросом непосредственной выгоды, и донесены ими до представителя их государства в ВТО, который полностью реализует предоставляемые ему этой организацией возможности.

Перехитрить МВФ не сложнее, чем не очень компетентного и не слишком старательного бюрократа. Перехитрить ВТО – значит перехитрить всех своих явных и потенциальных конкурентов, существующих в мире. Поэтому ВТО – качественно более серьезный и эффективный инструмент принудительной либерализации национальных экономик, чем МВФ, инструмент, лишающий относительно слабые экономики возможности противостоять непосильному для них давлению глобальной конкуренции, ослаблять его необходимыми протекционистскими мерами до приемлемого для себя уровня и затем развиваться, используя внешнюю конкуренцию как необходимый

стимул и ресурс, но не давая ей превращаться в удавку на шее.

Если МВФ ограничивается всего лишь по-либеральному частичным «созданием условий» для реализации интересов глобального (в первую очередь американского) бизнеса, то ВТО является его прямым инструментом, с помощью которого он взламывает чужие национальные рынки, непосредственным оружием тотальной либерализации.

Американское влияние в ВТО, как и в МВФ, исключительно глубоко. Почти точно так же, как генералы из штаб-квартиры НАТО в Брюсселе выражают готовность вести любые дискуссии, вполне однозначно давая понять, что решения все равно будут приниматься только в Вашингтоне, представители стран Запада в ВТО дают понять, – и подтверждают своим поведением на переговорах, – что окончательное решение значимых вопросов принадлежит делегации США.

Таким образом, ВТО является ключевым инструментом нового колониализма, направляемым США в интересах глобальных монополий. Подставлять Россию под удар этого инструмента – преступление.

КТО ВЫ, ПАЛАЧИ РОССИИ? СОВОКУПНОСТЬ МОТИВАЦИЙ

Кто и зачем заталкивал нашу страну в ВТО на кабальных условиях

Занимаясь проблематикой ВТО с 2001 года, не устаю удивляться поразительному с точки зрения здравого смысла (хотя и обычному для либеральных реформ) сочетанию самоубийственного убожества содержательных аргументов с колоссальной административно-политической мощью продвигающих эти аргументы сил.

С точки зрения формальной логики это естественно: уничтожение страны не может быть оправдано внутри нее, поэтому аргументы в пользу присоединения к ВТО основаны либо на безграмотности, либо на прямом обмане. А невозможность убедить людей по-честному, рождает потребность запутать или запугать их.

Поражает другое: масштаб и эффективность деятельности внутренних сторонников ВТО. Они активно, а часто и вполне сознательно работают на уничтожение собственной страны. Конечно, либеральные реформы, уродуя общество и демонстрируя выгодность его разрушения и разграбления, не могли не породить целую когорту «экономических власовцев», – от реформаторов всех мастей до шустрого мародерского бизнеса, пирующего на необъятном теле СССР, – но уж слишком много оказалось в нашей стране этих успешных и самодовольных паразитов.

По сути дела, присоединение к ВТО на кабальных условиях стало лакмусовой бумажкой, обнажившей

глубокую чужеродность для России не только правящей и владеющей нашей страной тусовки, но и значительной части так называемого «национального капитала».

Рассмотрим этих могильщиков России подробней, – просто чтобы не испытывать иллюзий в будущем, по поводу других ключевых событий нашей жизни. Какие группы интересов затягивают нас в ВТО?

Коммерческие интересы: защита импорта против призрака национального производства

Прежде всего, в присоединении России к ВТО – и, в общем, на любых условиях – заинтересованы импортеры. Ведь краеугольным камнем членства в этой организации является отказ от усиления общего уровня защиты национального рынка, то есть отказ от ограничения импорта.

Погруженные в текущую конкуренцию, в битву за сегодняшнего потребителя (да еще и в условиях сжимающегося в условиях глобального кризиса, как шагреневая кожа, спроса) импортеры в принципе не имеют возможности думать об отдаленных последствиях реализации своих текущих интересов. Они борются за сбыт своей продукции «здесь и сейчас» – и им действительно нет никакого дела до того, что выгодное им облегчение импорта, смыв национальную экономику, лишит людей работы, снизит их доходы и, соответственно, в конечном счете, снизит их способность покупать импорт.

Все это будет нескоро, а пока они получат дополнительную прибыль.

Эта позиция объединяет не только крупные фирмы, но и огромное количество мелких компаний,

вплоть до групп из нескольких «челноков». Последовательное уничтожение российского производства в рамках либеральных реформ качественно повысило зависимость России от импорта – и, соответственно, политическое влияние импортеров. Не будем забывать, что только за два посткризисных года импорт нашей страны вырос более чем на две трети – со 191,8 млрд. долл. в 2009 году до 323,8 млрд. в 2011.

На стороне импортеров находятся и любящие поговорить о себе как о «национальных производителях» представители разнообразных сборочных производств (прежде всего легковых автомобилей, но далеко не только их). Поскольку подавляющая часть добавленной стоимости их продукции создается за пределами России, эти бизнесмены, по сути дела, являются частным случаем импортеров. Российское государство, в отличие от мировой практики, не прилагает практически никаких заметных усилий для повышения степени локализации (то есть доли продукции, производимой в стране) этих производств, что делает сборочные производства не более чем инструментом ликвидации отечественной промышленности комплектующих и, через это, орудием экономического колониализма.

Развертывание в России сборочных производств посадило нашу экономику «на иглу» импорта комплектов для сборки, а присоединение к ВТО на условиях, не предусматривающих повышения степени локализации, увековечит это положение и не даст нашей стране восстановить производство комплектующих, повысив тем самым свою долю в прибыли сборочных производств.

Понятно, что многие представители сборочного бизнеса бьются за кабальные для страны условия ВТО буквально с пеной у рта.

Не стоит забывать и о том, что, помимо них, в росте импорта кровно заинтересованы и те, кто обслу-

живает этот импорт на территории нашей страны – в первую очередь многие торговые сети.

Российские производители (за редким исключением) разрознены, производят и поставляют продукцию относительно небольшими партиями, торгуются и, кроме того, находятся под постоянным давлением чиновников разного уровня, что грозит срывом поставок из-за административного произвола и силового рэкета. По вполне объективным причинам они в качестве партнера менее привлекательны для крупной торговли, чем импортеры, поставляющие крупные объемы стандартизированной продукции по отлаженным логистическим схемам, часто оказывающие мощную рекламную поддержку и предоставляющие существенные скидки.

Тесная связь с зарубежным бизнесом, находящимся, в отличие от российского, под защитой своих правительств, создает определенную защиту от бюрократической алчности. Наконец, осуществляемые в ходе импортных операций платежи за рубеж, в том числе и в развитые страны, сами по себе являются некоторой ценностью, так как позволяют выводить из страны средства и нарабатывать в развитых странах крайне важную для сотрудничества с ними (не говоря уже об эмиграции) «кредитную историю».

Понятно, что ориентирующиеся на устойчивые поставки импорта торговые сети объективно оказываются сторонниками присоединения к ВТО на любых условиях, – просто потому, что это присоединение гарантирует как минимум стабильность импорта: его просто нечем будет выдавливать с внутреннего рынка.

Весьма существенным частным случаем импорта является импорт интеллектуальной собственности. При всей необходимости защиты прав первооткрывателей, изобретателей и иных творцов к настоящему

времени ее защита выродилась в простое прикрытие и обоснование изуверского злоупотребления корпорациями, в первую очередь глобальными, своим монопольным положением.

Присоединение к ВТО дает глобальному бизнесу еще один эффективный рычаг по давлению на Россию в плане «защиты интеллектуальной собственности», которую он контролируют, и связанного с этим безнаказанного злоупотребления свои монопольным положением. Соответственно, вся юридическая, пропагандистская и коммерческая инфраструктура, развернутая в этой сфере в последние годы, также активно продвигает присоединение России к ВТО как «возвращение в мировое сообщество».

Политические интересы: «Не ссорьтесь с кормушкой!»

В результате длительного проведения невыносимо жесткой финансовой политики в России создана потрясающая экономическая модель, в которой отечественный бизнес вынужден брать взаймы для своего развития и сохранения, по сути дела, те же самые деньги, которые он платит в качестве налогов собственному государству.

Механизм прост: выплаченные в налоги средства не идут на развитие страны, а аккумулируются федеральным бюджетом в Резервном фонде и Фонде «национального благосостояния» и выводятся из страны. Таким образом, средства российских налогоплательщиков тратятся не на их нужды и даже не пропадают без дела, а идут на укрепление финансовых систем их стратегических конкурентов.

Сами же российские предприниматели в условиях искусственно созданного (в том числе и выводом

средств из страны) «денежного голода» вынуждены кредитоваться не в России, а за ее пределами (если, конечно, могут это сделать): это существенно дешевле и спокойней. И величина их общей внешней задолженности — с учетом, разумеется, банковского мультипликатора – вполне сопоставима с величиной их налоговых платежей, выведенных российскими либеральными реформаторами из России в финансовые системы Запада.

Таким образом, крупный российский бизнес посажен на «кредитную иглу» западных банков, – и потому в принципе не имеет возможности вызывать неудовольствие глобального и крупного национального бизнеса развитых стран, в том числе и противодействием запихиванию России в ВТО.

Разумеется, примеров прямых репрессий вроде не было (долго противостоявший присоединению к ВТО Дерипаска, по-видимому, сталкивается с проблемами по иным причинам), однако угроза признания того или иного бизнесмена «социально безответственным» или «связанным с коррупцией» является серьезной потенциальной угрозой, висящей над головами даже олигархата, подобно дамоклову мечу.

Игнорировать ее нельзя, – остается подчиняться: «кто платит ужин, тот и танцует девушку».

В первую очередь эта зависимость касается российского финансового капитала. Страховой бизнес сильнейшим образом зависит от западных перестраховочных компаний, у которых он страхует свои собственные риски, а основная часть финансового бизнеса России – банки – получают критически значимую часть своих средств в конечном счете с Запада. Соответственно, противоречить интересам глобального бизнеса они не могли бы, даже если б и захотели, — но слабость российского бизнеса, ориентированного на внутренний спрос, проявляется и в его

относительно небольшом значении для банковской системы.

Помимо западных кредиторов, импортеры и экспортеры сырья генерируют значительно большие и более концентрированные финансовые потоки, чем остальные клиенты банков, – а потому они являются наиболее значимыми для них.

Крупный же экспортно-сырьевой капитал, знакомясь с материалами ВТО достаточно поверхностно, полагает, что его это непосредственно не касается, а кредиты с Запада и его общая доброжелательность категорически необходимы (в том числе и для защиты от административного произвола).

Иллюзии, согласно которым изменение стоимости энергии, правил ведения торговых споров и в целом правил ведения бизнеса после присоединения к ВТО не будут влиять на крупных экспортеров сырья, пока еще не развеяны. Единственный «тревожный звоночек» – сообщение АвтоВАЗа о переходе на импорт автолиста, – но в громоздких штаб-квартирах олигархических корпораций, в которых все решения часто, как и в стране, замыкаются на одного-единственного человека, этот звоночек могли и не расслышать. А если б и расслышали – возможностей вызывать неудовольствие развитых стран у российского бизнеса по названным выше причинам все равно нет: никуда не денешься.

В аналогичной ситуации находятся представители целых отраслей бизнеса, обслуживающих крупные компании и потому жестко зависящие от них. Это, например, консалтинговый, аудиторский, юридический бизнес: раздражать своих ключевых клиентов недопустимо, и потому представители соответствующих компаний, если и имеют сомнения по поводу ВТО, как разумные люди вынуждены держать их при себе.

Правители России и их обслуга

Практически в этом же положении находится и вся правящая тусовка (по гениальному самоназванию – «офшорная аристократия») со своей псевдоинтеллектуальной обслугой. Критически значимая часть ее активов – от денег до семей – давным-давно выведена в фешенебельные страны. Представители силового и либерального кланов могут ненавидеть друг друга до судорог в покрытых пеной губах, могут насмерть бороться друг с другом и даже сажать друг друга в тюрьмы, – но они бессильны освободиться от своей классовой общности. Как бы они ни ненавидели друг друга, их деньги лежат на счетах в одних и тех же западных банках, их дети учатся в одних и тех же западных университетах, их жены и любовницы живут в одних и тех же престижных на Западе районах.

Надежней любых оков их объединяет образ действия: грабеж советского наследства и легализация награбленного в фешенебельных странах в качестве личных богатств.

Учитывая даже не зыбкость механизмов подобной легализации, а полную зацикленность всего этого образа деятельности на Западе, серьезный конфликт с ним, – в том числе и по поводу присоединения к ВТО, – для представителей «офшорной аристократии» невозможен в принципе.

Соответственно, невозможен он и для обширной и разнообразной обслуги этой «офшорной аристократии», кормящейся крошками с ее пиршественного стола.

Прежде всего это, разумеется, разного рода общественные организации и СМИ, хотя значительная часть последних поддерживает ВТО, не вдаваясь в

детали, – из общелиберальных убеждений, что «у нас все должно быть, как на Западе», а «отказ от любых международных стандартов облегчает падение в варварство и усугубление зверств силовиков и бандитов».

Общественные организации бизнеса, представляющие предпринимательские интересы перед различными государственными органами, не могут ни противоречить интересам наиболее влиятельных групп предпринимателей (позиция которых по ВТО описана выше), ни раздражать государство «по мелочам» (то есть по большинству вопросов, не грозящих подведомственному им бизнесу немедленным уничтожением). Более того: поддерживая ВТО, они надеются «набрать очки» в глазах чиновников и льстят себя надеждой, что их лояльность будет вознаграждена.

В схожем положении находится огромная масса возникшего за 2000-е годы «третьего сектора» российской экономики. Распространенные представления о том, что последняя (по латиноамериканской модели) состоит из двух секторов – работающих на экспорт и на внутренний рынок – давно устарели. Приток нефтедолларов и рост государственных расходов создал третий, качественно новый сектор: бизнес, паразитирующий на бюджете, в первую очередь на его расходах.

Пресловутая «монетизация льгот» была революцией, осуществленной именно в интересах этого сектора: расходы на социальные нужды выросли, реальная социальная помощь была урезана, а разница пошла на выкармливание разного рода коммерческих паразитов, обслуживающих, разумеется, прежде всего не себя, а правящую тусовку.

Формы обслуживания достаточно разнообразны, и, когда Медведев в бытность свою президентом го-

ворил о триллионе рублей, нецелевым образом расходуемых в рамках госзаказа (то есть уходящие в «откаты» и «распилы»), он описал лишь часть финансовой базы этого «третьего сектора». В конце концов, часть услуг бюджетной сфере он предоставляет вполне добросовестно.

Однако его абсолютная зависимость от государства делает его – при всей его разветвленности и невидимой постороннему глазу, но существенной влиятельности, – послушным слугой правящей тусовки. И обусловленная этой зависимостью позиция представителей «третьего сектора» бизнеса по поводу присоединения к ВТО транслируется его профессиональными лоббистами с тем большей убедительностью, что внешне выглядит абсолютно бескорыстной.

Идеологические интересы

Эти интересы являются последними по значимости, хотя обычно выпячиваются на первый план. Однако бизнесмены (а современные политики, за редким исключением, являются обыкновенными коммерсантами, просто в специфической сфере деятельности) – народ прагматичный, обреченный самим характером своей деятельности стремиться прежде всего к прибыли, рассматривая разного рода «духовные ценности» и «идеологемы» преимущественно через ее призму.

Почему же фраза «ничего личного – только бизнес» все чаще звучит в России как «ничего личного – только ВТО»?

По очень простой причине: в ситуации, производящей впечатление превращения российского государства в коррупционную коммерческую орга-

низацию, идеология начинает служить интересам не общества, но коррупционного бизнеса чиновников.

А этому бизнесу, как было показано выше, почти на всех его уровнях нужно запихивание России в ВТО: иначе зарубежные хозяева (как бизнеса, так и самих отечественных чиновников) могут просто «не так понять».

Сажать же отечественных либеральных реформаторов, да и силовых олигархов, есть за что, – и они это знают лучше кого бы то ни было другого.

МИНФИН ПРОТИВ РОССИИ

За четверть века либеральных (служащих глобальным монополиям против народа) реформ Минфин стал, по сути, правительством в правительстве.

В 90-е он распределял главный дефицит той эпохи – деньги, и следил, чтобы он оставался возможно более сильным, обеспечивая его власть, а также выпускал заменители денег, обогащавшие олигархов и чиновников.

В 2000-е дорогая нефть создала угрозу «сладкой жизни» Минфина. Выходом стало искусственное поддержание денежного голода: сверхдоходы бюджета сначала замораживались в нем, а когда общество возмутилось их обесценением из-за инфляции, стали вывозиться из страны.

Всесильный Минфин, по сути, блокировал развитие все «нулевые» годы. Причина – не только лень бюрократических «малюток-не-надрывайся», освободившихся от ответственности и исповедующих принцип «Если хочешь поработать, ляг поспи, и все пройдет».

Важна либеральная идеология, отрицающая неспекулятивное вмешательство государства в экономику как ересь и не дающая и помыслить о создании конкуренции глобальным монополиям, то есть о развитии.

Вероятно, влияет и коррупция: чего стоит постоянное убыточное размещение взятых займов в иностранных ценных бумагах: проценты, которые они приносят, качественно ниже тех, которые платит по ним Россия!

Даже честный сотрудник Минфина заинтересован в его всевластии, – а это значит блокирование разви-

тия. Ведь Минфин – ключевое ведомство, лишь пока государство живет ради экономии денег. Если государство вновь начнет развивать Россию, ключевым станет организатор развития, а Минфин вернется в естественное положение финансового директора.

Его доминирование противоестественно и пагубно. Так финансист во главе корпорации часто вместо ее развития урезает издержки: без понимания технологии это блокирует ее развитие и разрушает.

Схожую роль играет и Минфин, – в частности, удавливая Россию пресловутой «петлей Кудрина».

Ее суть в том, что, создавая искусственный денежный голод концентрацией средств налогоплательщиков в бюджете и их выводом из страны, Минфин способствует удорожанию кредита, подавляя основную часть бизнеса, а лучшую выталкивая на внешние кредитные рынки. Наш бизнес занимает у иностранцев, по сути, свои деньги, заплаченные в виде налогов и выведенные Минфином из страны для поддержки Запада (по «максиме Дворковича», Россия должна платить за финансовую стабильность США).

Обоснование этого безумия удивительно.

«Новые Плюшкины» (в отличие от гоголевского, они морят голодом только страну, а не себя) требуют «копить на черный день», – не желая знать, что инвестиции в развитие исключать его опасность, а вот отказ от развития гарантирует и приближает его.

С начала реформ нас пугают инфляцией, игнорируя ее главную причину: произвол монополий. Денежная масса играет второстепенную роль, но и ее определяет Банк России, а не Минфин: его борьба с инфляцией – лишь признак мании величия. Но шариковы из Минфина душат инфляцию так же маниакально, как их предшественник – бродячих кошек.

Третья ария, художественно исполняемая с начала 90-х, – недопущение развития из-за угрозы корруп-

ции, причем «все украдут» в хоре либералов сливается в кажущееся честным «все украдем!»

Мысль об ограничении коррупции либералам, разрешившим коррупционерам отделываться штрафами, похоже, враждебна в принципе: ведь это подорвет влияние глобальных монополий, ограбит правящий класс и, вероятно, сменит государственный строй.

Подобно тому, как почти в каждой значимой организации есть два мистических места – отдел кадров и бухгалтерия, в нашем государстве есть Администрация Президента и министерство финансов, не просто верстающее и исполняющее бюджет, но и являющееся, по сути, вторым правительством, влияние которого порой отчетливо превышает влияние первого.

Бюджет – важнейший инструмент государства, отражающий почти всю его деятельность. Разрекламированные стратегии, концепции и программы можно забывать сразу после их торжественного принятия (а иногда и раньше), но то, как государство собирает и тратит свои деньги, характеризует его почти столь же исчерпывающе, как и домохозяйку.

Формально бюджет – это закон, и, как всякий закон в российской бюрократической культуре, он важен не сам по себе, а лишь как канва для практики. Бюджетный кодекс разрешает правительству самостоятельно корректировать расходные статьи в пределах 10% – но на деле возможности даже Минфина еще выше. Например, деньги в рамках бюджета можно выделить 1 января, а можно и 31 декабря, когда их уже нельзя истратить. Недаром на протяжении почти всех 2000-х годов выполнение бюджета по расходам отставало от выполнения по доходам: что бы ни происходило, переживала ли страна бурный рост или удешевление нефти, Минфин «зажимал» часть денег, накапливая заначку и разъясняя, что

бюджетополучатели-де не могут правильно оформить документы.

Конечно, научить иного чиновника правильно заполнять бумажки сложнее, чем козу по проволоке ходить, – но более чем за десятилетие можно было сделать и это. С другой стороны, если правила так сложны, что их не удается выполнить годами, – значит, они неадекватны и должны быть изменены.

К счастью, в связи с ростом (после изгнания Кудрина) объема раскрываемой Минфином информации, у нас есть шанс постоянно заглядывать на «кухню» реального государственного управления. После многолетнего перерыва общедоступными стали данные о текущих расходах по 13 укрупненным статьям. Более того, Минфин публикует данные по 93 более детальным статьям, чего раньше никогда не было, и эти данные позволяют видеть реальные, а не декларируемые широкой публике государственные приоритеты.

Подход прост: расходы, осуществляемые в опережающем порядке, – приоритетны. Если бюджетополучатель получает в первые же четыре месяца не треть, а более 85% (как молодежная политика, во многом сводящаяся к «нашистам» и им подобным) или почти 80% годовых расходов (как, например, ядерно-оружейный комплекс), – это признак исключительной значимости данных расходов для государства. Причины приоритетности могут быть разными (и в том числе связанными со спецификой отрасли), но, как правило, выделение денег вперед является ее убедительным признаком. С другой стороны, говорят сами за себя и задержки в финансировании.

Использование бюджетного критерия раскрывает совершенно неожиданные закономерности, идущие вразрез не только с официальной госпропагандой, но и с устоявшимися представлениями оппозиционеров.

Прежде всего: никакого развития, никаких порой еще иногда громогласно провозглашаемых по инерции медведевских инноваций и модернизаций для государства на самом деле не существует.

Финансирование реального сектора убедительно срывается: коммунальное хозяйство получило за полгода лишь 3% годового уровня, топливно-энергетический комплекс – 15,7%, жилищное хозяйство – 18,5%, дорожное – менее трети, водное – 35,7%, транспорт – 35,8%.

Не в лучшем состоянии выделение средств и на нужды дошкольного (21,9%) и общего образования (29,6%). Амбулаторная медицинская помощь профинансирована на треть, удаление отходов – на 34,7%, санитарно-оздоровительные мероприятия – на 36,7%.

Приятная неожиданность: государство не входит в число своих собственных бюджетных приоритетов, так как финансируется весьма средними темпами. В первом полугодии 2014 года служба исполнения наказаний получила 50,1% годовых средств (все расходы в целом – 46,4%), пожарные – 47,8%, пограничники – 46,0%. Хуже всех финансируются налоговики и таможенники (37,8%), что похоже на эхо старого принципа «на пистолет и крутись, как знаешь».

Президент получил немногим больше – 39,5%, исполнительная власть всех уровней – 39,4%, законодательная – 40,9%, суд – 43,5%.

После Олимпиады «парией» Минфина стал недавний приоритет – спорт высших достижений: за полгода он получил менее шестой части годового финансирования.

Среди реальных приоритетов – молодежная политика и оздоровление детей (90,8% годового финансирования, хотя официозный «Селигер» в июне еще не начался), ядерное оружие (70,5%), лесное хозяй-

ство (66,5%), кино (63,5%), массовый спорт (63,2%), охрана растений и животных (61,7%), армия (60,9%), фундаментальная наука (56,9%), необходимые с точки зрения пропаганды телевидение и радио (56,3%), оказавшаяся из-за отмены материального стимулирования доноров на грани уничтожения работа с донорской кровью (54,9%), космос (50,2%), охрана семьи и детства (50,0%).

С одной стороны, этот разнобой позволяет нам отделять слова власти от ее реальных дел. Но одновременно он является признаком низкого качества бюджетного управления.

Помимо широчайших возможностей для вымогательства – бюджетополучатель беззащитен от произвола отдельных клерков – неритмичность финансирования еще и дезорганизует его работу.

Что с того, что годовые обязательства выполнены в полном объеме, если средства получены в последний момент, когда их уже нельзя успеть рационально использовать?

Мы привыкли винить в «штурмовщине» советскую систему, при которой предприятия в конце декабря аврально под любым предлогом тратили все, чтобы неизрасходованные средства не списали в доход государства. Но созданная «лучшим министром финансов» Кудриным и успешно функционирующая до сих пор система представляет собой ее сильно ухудшенную копию.

Достаточно посмотреть на резкий, порой в разы, рост бюджетных расходов в каждом декабре: Минфин, «зажимая» деньги в течение всего года ради сдерживания инфляции и демонстрации своей почти безграничной власти, в последний месяц рассчитывается с большинством бюджетополучателей (кроме, конечно, совсем недисциплинированных), гарантированно не оставляя им времени для эффективной работы.

День, когда качество работы Минфина будет оцениваться не по наличию у бюджета дополнительных доходов (то есть не по цене нефти), а по точности прогноза и равномерности исполнения бюджетных обязательств (как по месяцам, так и по различным статьям расходов), воистину станет праздником для российской экономики. Правда, для этого придется окончательно выморить либеральный кудринский дух – и не из одного Минфина.

Кстати, один из реальных приоритетов федерального бюджета – дотации регионам на «выравнивание бюджетной обеспеченности» (профинансированы на 62,2%) – отражает большую беду.

Дефицитность (даже с учетом федеральной помощи) бюджетов почти всех регионов – результат не их специфики, а политики Минфина. Похоже, он искусственно загонял регионы в долговую кабалу для укрепления контроля за ними и для обеспечения заемщиками крупных банков.

Результат – острейшая политическая проблема, разрывающая страну: лютая ненависть к государству даже его верных региональных слуг.

Бюджетная война с регионами, похоже, была средством саботажа «майских указов» президента: изданные после его победы, они обеспечивали развитие, неприемлемое для либералов идейно и политически (ведь оно ограничит влияние глобального бизнеса).

Поэтому Минфин провозглашал отсутствие денег в бюджете (на выполнение президентских указов не нашлось триллиона рублей в то время, когда в бюджете заморозили полтора триллиона) и сбрасывал бремя их исполнения на регионы без денег (часть регионов повышала зарплаты врачам и учителям за счет займов, а часть – за счет увольнений). Администраторы получили свободу произвола и часто клали прирост фонда оплаты труда в карман, даже сокращая выплаты врачам и учителям.

Бюджет же продолжает захлебываться в деньгах. Несмотря на стабильность цен на нефть и торможение роста ВВП, в январе-июне его сверхдоходы превысили 400 млрд. руб. (6%). Профицит достиг 1,9% ВВП, хотя на год намечен дефицит в 0,5%.

Неиспользуемые остатки средств увеличились на 1,2 трлн. руб. – до 7,8 трлн.: это расходы 6,5 месяцев, когда можно не собирать налоги и пошлины.

И на этом фоне руководство Минфина провоцирует политический кризис: мол, из-за нехватки денег надо повышать налоги!

Обычно болезненные меры обсуждаются в недрах аппарата и оглашаются в последний момент, если не удается избежать их. Сейчас же рост ставок НДС и подоходного налога в 2018 году обсуждается уже в 2014, – да так, что создает ощущение немедленного роста и вызывает истерику бизнеса!

На фоне бессмысленных с фискальной точки зрения, но болезненных для общества мер вроде таможенного обложения интернет-покупок за границей, бесконечного и разрушающего психику (подобно обсуждению западных санкций) обсуждения повышения налога на имущество и ряда подобных мер возникает ощущение политической провокации.

Характерно дезавуированное затем потрясающее заявление министра финансов, что пенсионерам не вернут позаимствованных у них денег, так как «все ушло на Крым». Помимо ложности (пенсионные деньги могут тратиться только на пенсии), заявление было политическим, а тонкий и умный Силуанов всю жизнь сторонится политики, как черт ладана.

Без приказа руководства либерального клана он вряд ли мог сделать подобное заявление, глупое по сути и административно самоубийственное.

Похоже, либеральный клан, выступая, как всегда и везде, штурмовой пехотой глобальных монополий,

объявил Путину войну на уничтожение, выпихнув вперед компетентного и честного, но служащего ему министра финансов.

Задача проста: при столкновении с осенним ухудшением конъюнктуры страна должна знать, что «во всем виноват Путин», и что «если в кране нет воды, Путин должен уйти».

Нельзя отрицать ответственность президента за поддерживаемый им либеральный клан, – но победа этого клана вернет нас в кровавый и беспросветный ад 90-х годов, неприемлемый на фоне почти любой альтернативы.

КАРГО-КУЛЬТ РОССИЙСКОГО МИНФИНА

...Вообще-то карго-культ – явление, характерное для неразвитых обществ.

Выражаясь политкорректно – для очень неразвитых.

Некоторые африканские и микронезийские племена, видя, как белые люди прилетают на самолетах и привозят на них богатства, решили, что источником силы белых людей являются самолеты. И стали строить из тростника (потому что других подручных материалов не было) копии самолетов и аэропортовых сооружений, иногда удивительно точные и подробные, чтобы через обладание этими волшебными вещами приобрести связанную с ними силу.

В первобытном обществе подобные культы естественны. Не понимая и не имея возможности понять сути происходящих на их глазах процессов, необразованные (и не имеющие шансов на получение образования) люди начинают копировать их внешние формы, веря, что подражание идеалу приведет к овладению им.

Многие формы карго-культа характерны и для деградирующих элементов более развитых обществ, включая наше (в конце концов, пресловутое «низкопоклонство перед Западом» тоже можно рассматривать как форму такого культа).

Поразительно, но его проявления видны даже в действиях профессиональных сообществ – например, Минфина.

Уже много лет аналитики бьются над причиной почти маниакального стремления Минфина к нара-

щиванию госдолга в ситуации, когда для этого нет никаких видимых причин. Так, в этом году бюджет России уверенно профицитен (за январь-август профицит равен 2,0% ВВП – 905,5 млрд. руб.), доходы превышают бюджетные проектировки, а неиспользуемые средства на счетах бюджета достигли 8,5 трлн. руб. – более половины всех запланированных на год расходов.

Напомню: все это происходит в стране, где с официальной формулировкой «из-за нехватки бюджетных средств» уже более 20 лет с ужасающим постоянством умирают дети.

Казалось бы, зачем в этих условиях наращивать государственный долг? Но государство с непоколебимым упорством закладывает в проекты бюджета как внутренние, так и внешние займы, настаивая на их необходимости, – похоже, просто для того, чтобы замораживать взятые в долг средства на счетах, аккуратно выплачивая проценты за это безобразие.

Официальные объяснения сводятся к поддержанию за счет денег налогоплательщиков финансовую инфраструктуру, – то есть возможность в случае экстренной необходимости привлечь значительно большие средства. Вопросы о том, какая может быть «экстренная необходимость» в займах с 8,5 трлн. руб. в кармане, годами остаются без ответа.

Это естественно, поскольку ответа не существует в природе.

Кроме того, для поддержания «финансовой инфраструктуры» достаточно технических операций, масштабы которых по меркам бюджета незначительны.

Объяснения, что при помощи внутренних займов бюджет изымает с внутреннего рынка избыток ликвидности и таким образом борется с инфляцией, также производит впечатление дешевой отговорки. Ведь рост цен в России вызывается произволом

монополий, практически не зависящим от избытка или нехватки денег, а изъятие с рынка ликвидности гораздо проще проводить мерами банковского регулирования, а не за счет налогоплательщиков (ибо оплата процентов по займам ведется за наш с вами счет – и это самая быстрорастущая статья расходов бюджета).

Кроме того, избыток ликвидности в стране, экономика которой (за исключением ее экспортной и спекулятивной частей) буквально задыхается от нехватки средств, сам по себе является признаком глубочайшего неблагополучия, которое в любом случае не стоит поддерживать.

В результате возникают разного рода коррупционные подозрения, подкрепляемые непрозрачностью операций с государственным долгом. Ведь где непрозрачность – там коррупция. Да и трудно представить, чтобы профессиональные люди долгое время проводили нерациональную политику, крайне выгодную банкам (некоторые из которых, похоже, могут покупать госбумаги на средства, которые государство же у них разместило – как во время залоговых аукционов), без всякой выгоды для себя.

Конечно, в глубоко коррумпированном государстве и восход солнца, и смену времен года привычно объяснять влиянием коррупционных интересов (или хотя бы кознями «мировой закулисы»).

Но, возможно, объяснение значительно проще – и человечней?

Может быть, никто ничего не хочет украсть, и Минфин просто копирует долговую политику США, строя из доступного ему финансового тростника подробные копии самолетов и аэродромов белых людей?

ДО БЮДЖЕТА ДОШЛО МЕНЕЕ ОДНОЙ ПЯТОЙ ДОХОДОВ ОТ ПРИВАТИЗАЦИИ

В бытность нынешнего премьера Медведева «президентом всея Руси» одним из ключевых способов улучшения инвестиционного климата в России считалось выведение действующих чиновников из состава советов директоров государственных компаний.

На место служивых, отягощенных бюрократическими заботами и погруженных в административную текучку, вроде бы объективно не имеющих возможности толком вникнуть в рыночное положение управляемых ими компаний, должны были прийти директора, имеющие богатый позитивный опыт успешной коммерческой деятельности – пресловутые «эффективные менеджеры».

Выбором «неэффективных» членов советов директоров государственных компаний, подлежащих замене, по должности занималась глава Росимущества Ольга Дергунова, – действительно и безо всякой иронии эффективный менеджер, долгое время возглавлявшая российское представительство «Майкрософт», а затем работавшая начальником департамента дочерних банков и членом правления ВТБ.

Однако официальная риторика весьма быстро сменилась: уже через полтора года, в декабре 2012 года правительство все того же Медведева решило вернуть чиновников в советы директоров государственных компаний. Причина столь радикальной «смены курса» была вульгарно проста: желание правительства усилить контроль за государственными компаниями, – для чего, в частности, надо было вывести из их советов директоров даже формально независимых людей.

Насколько можно понять, непосредственно решением этой задачи пришлось заниматься все той же Ольге Дергуновой.

Впрочем, это не помешало руководителю Росимущества чуть больше чем через полгода, летом 2013 года, парировать вопросы журналистов о медленном исполнении давнего наказа президента по выведению «неэффективных» чиновников из советов директоров государственных компаний (при том, что в реальности уже шел, по всей видимости, прямо противоположный процесс) блистательной фразой: «Эта работа идет. Одномоментно невозможно вывести всех чиновников из советов компании, просто потому что в стране есть 2,5 тысячи компаний, в части из которых в советы директоров независимые директора идти просто не хотят».

Эти слова открыли общественности принципиально новый аспект борьбы вокруг управления государственными компаниями: насколько можно судить, «эффективные менеджеры» от бизнеса готовы работать в основном в успешных государственных компаниях, где и без них дела идут более-менее гладко!

А вот идти туда, где их знания и опыт нужны больше всего, – в государственные компании, сталкивающиеся с реальными проблемами, – «эффективные менеджеры» из бизнеса, насколько можно понять, не желают.

Не желают до такой степени, что Росимуществу, по словам ее руководителя, приходится «формировать советы директоров и замещать представителей государства независимыми директорами вместе с профессиональными ассоциациями»: они, похоже, позволяют существенно расширить круг потенциальных кандидатур или, как минимум, сломить их сопротивление.

Действительно, кто бы мог такое предположить при разработке наполеоновских либеральных планов

по призыву «капитанов бизнеса» в качестве спасителей прохудившихся государственных калош?

Было бы интересно узнать, какие именно критерии управленческой эффективности принимаются во внимание для принятия столь ответственных решений, как подбор представителей государства в советы директоров государственных компаний.

Но в любом случае логично предположить, что, отделяя эффективных менеджеров от неэффективных, согласуя назначение первых и увольнение вторых, глава ведомства должна сама являть пример человека от бизнеса во власти, чья эффективность может считаться эталонной.

В принципе в этом отношении репутация Ольги Дергуновой выше всяких подозрений: она – человек, заслуженно ставший подлинным символом своего поколения, единственная в мире женщина, сумевшая в свое время возглавить региональное (и при этом одно из наиболее доходных) отделение «Майкрософт».

Но все дело в том, что критерии эффективности с точки зрения бизнеса и государства совсем не обязательно совпадают.

Это наглядно видно на примере инициативы, с которой выступила и реализации которой, насколько можно понять, к восторгу бизнеса добилась высокоэффективный руководитель Росимущества.

Инициатива проста: направлять выручку, полученную государством от приватизации, не в бюджет, а на развитие уже приватизированных компаний – для создания дополнительного стимула к приватизации и, разумеется, пресловутого «улучшения предпринимательского климата».

Этот принцип реализуется весьма энергично. Так, одной из крупнейших сделок не только 2013 года, но и всего последнего времени стала продажа 14,6% акций ВТБ за 102,5 млрд. руб., которых федеральный

бюджет так и не увидел: они пошли на докапитализацию банка.

В целом о масштабе подобных операций свидетельствуют поступления в бюджет от приватизации, составившие в 2013 году, по данным Минфина, 41,6 млрд. руб. (при плане в 52 млрд.). Между тем отнюдь не за весь год, а только за первые три квартала, по словам Дергуновой, было продано государственных активов аж на 250 млрд. руб.! А первоначально в федеральном бюджете на 2013 год было предусмотрено аж 375 млрд. руб. доходов от приватизации.

Поскольку «докапитализация» вряд ли сопровождалась размыванием доли частных инвесторов (то есть частичным обесценением их инвестиций), речь идет о прямом подарке бизнесу за счет государства.

Более того: часть имущества приватизировалась по цене ниже не только предполагавшейся при ее подготовке, но и ниже рыночной! Так, акции ТГК-5 были проданы структуре Вексельберга со скидкой 6%!

Таким образом, приватизация вновь, как во времена Чубайса, превращается в «аттракцион неслыханной щедрости»: в раздачу бизнесу подарков от государства.

Эффективно ли это для предпринимателей? – безусловно. Ведь уплаченные в порядке приватизацию средства работают на них дважды: сначала принося собственность, а затем, после докапитализации, дополнительно повышая ее стоимость. А скидка с рыночной цены и вовсе является чистой выгодой, достающейся без каких бы то ни было официальных управленческих усилий.

Эффективно ли это для государства? – вряд ли: если частный инвестор не в состоянии эффективно развивать приватизированный им актив без финансовой помощи государства (которой является направление заплаченных им средств на «докапитализацию» приобретенной им собственности), то зачем он вообще нужен?

А средства от приватизации отнюдь не лишние для государства, регионы которого корчатся в нарастающем бюджетном кризисе, а дети регулярно умирают с официальным диагнозом «нехватка бюджетных средств».

Однако позиция главы Росимущества предельно прозрачна: «Нам не важно, были ли акции проданы и средства направлены в федеральный бюджет... были ли акции проданы и средства направлены на докапитализацию компании. Для нас эффективная продажа акций стоит главной задачей».

Это значит, что «эффективность» приватизации для главы Росимущества либерального правительства Медведева – совершенно не то же самое, что ее эффективность для государства.

Ведь одной из основных задач главы ведомства на своей должности была продажа государственный активов с наибольшей выгодой для бюджета «эффективным собственникам». Последние, как задумывалось, должны были развивать предприятия и тем самым наполнять казну государства крупными налоговыми поступлениями, создавать рабочие места и заботиться о социальной сфере.

О степени эффективности Росимущества с точки зрения не бизнеса, а государства можно судить по простому соотнесению этих принципов с результатами его деятельности: бюджет получил менее одной пятой части уже полученных доходов от приватизации, заметная часть активов продавалась ниже рыночной цены, роста эффективности предприятий, акции которых были проданы, в связи с приватизацией в целом не наблюдается, а социальная сфера некоторых даже частично приватизированных предприятий (например, «Алросы») приходит в упадок.

Выходит, что эффективность топ-менеджера из бизнеса после его назначения на государственный пост отнюдь не всегда оборачивается для государства пользой.

УБЫТКИ ОТ ФАЛЬШИВЫХ ДЕНЕГ ВЫРОСЛИ В 2,5 РАЗА

Структура фальшивых денежных знаков, выявляемых в России, претерпевает заметные и значимые изменения.

Разумеется, «выявляемые» – не значит «изготовляемые»: часть фальшивых денег выявляется с существенным запозданием, а часть (в силу высоко качества или специфических каналов обращения), возможно, не выявляется вовсе.

Тем не менее, динамика выявляемых подделок отражает, пусть и не совсем точно, развитие фальшивомонетничества в современной России.

Прежде всего, с 2010 по 2013 годы наблюдалось неуклонное снижение общего числа выявляемых фальшивок (в силу понятной сезонности здесь и далее сравниваются данные за II квартал каждого года) – всего в 1,8 раза (с 30,9 до 17,4 тыс. случаев). И, хотя в 2014 году наблюдался умеренный рост (на 17,5%, до 20,5 тыс. случаев), общая тенденция пока остается неизменной: фальшивых денег выявляется в полтора раза меньше, чем 4 года назад.

Учитывая высокую опасность фальшивомонетничества для государства (заставляющее правоохранителей постоянно обращать на эти преступления повышенное внимание) и отсутствие какой бы то ни было общественной симпатии к занимающимся ею, можно предположить, что выявление фальшивых денег в целом коррелирует с их количеством в обороте.

И снижение числа выявляемых фальшивок – хороший, обнадеживающий симптом.

Однако при этом наблюдается неуклонное повышение доли наиболее крупных, пятитысячных ку-

пюр в общем объеме выявляемых подделок. Если во II квартале 2010 года их было лишь 2,1% от общего числа фальшивых денежных знаков, то в 2011 году – уже более 10%, в 2012 – более четверти, в 2012 – 43,3%, а в 2014 – почти три четверти.

Доля поддельных тысячных купюр столь же неуклонно сокращалась – с 95,6 до 23,1%.

И дело не только в стремительной инфляции, но и простой логике: техническая сложность подделки пятитысячной купюры старых серий почти такая же, как и тысячной, риск также почти тот же, – а эффективность в пять раз выше. Подделывать тысячные купюры сейчас так же странно, как и десятирублевые, – а ведь каждый год выявляются и поддельные монеты, изготавливаемые, насколько можно судить, исключительно из спортивного интереса (в 2010 году был обнаружен даже поддельный рубль). Причем процесс продолжается и отнюдь не является «эхом» какой-то давней однократной штамповки: так, в 2014 году было изъято две поддельные десятирублевые монеты, поступившие в обращение сравнительно недавно.

При этом быстро повышается качество подделок пятитысячных купюр: если в 2010 году наиболее качественными были подделки тысячных, а пятитысячные лишь «осваивались» фальшивомонетчиками, то затем почти все пятитысячные подделки стали отличаться очень высоким качеством.

В результате увеличения их доли общий ущерб от выявленных фальшивок увеличивается.

Если во II квартале 2010 и 2011 годов общий номинал выявленных фальшивок составил соответственно 33,0 и 33,3 млн. руб., то во II квартале 2012 года – уже 43,6 млн., 2013 года – 46,7 млн., а во II квартале 2014 года произошел качественный скачок – до 80,9 млн. руб.!

Таким образом, при снижении числа выявленных поддельных денежных знаков за 4 года в полтора раза

ущерб от них вырос почти в 2,5 раза, а доля высокопрофессионально изготовляемых подделок выросла.

И это не считая подделок денежных знаков иностранных государств, в первую очередь долларов и евро, которые также являются существенной проблемой!

Таким образом, опасность фальшивомонетничества и наносимый им ущерб, насколько можно судить даже по достигнутым успехам (а изъятие подделок – это безусловный успех), как минимум, не снижается.

РУБЛЬ ДЕШЕВЕЕТ ИЗ-ЗА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ХОЛОПСТВА ВЛАСТИ

Первый раз после кризиса осени 2008 – весны 2009 года рубль рухнул ночью.

В «самую длинную ночь в году – с Дня чекиста на Старый Новый год».

Менее чем за месяц с конца 2013 и по начало 2014 года курс доллара прибавил больше рубля, евро – полтора, а с конца октября – соответственно 2,2 и 2,3 рубля.

И что с того, что в процентном отношении бивалютная корзина подорожала не так уж и страшно – за 3 месяца на 5,9%, за месяц – на 3,2%?

Каждый взгляд на меняющиеся показатели курсов бесчисленных «обменок» наглядно разъясняет: время (чуть не написал «эпоха») стабильности рубля заканчивается.

Надо отдать должное: пресловутая, многократно подвергавшаяся издевательствам официальная пропаганда в тот раз объясняла ситуацию честно и ясно.

Падение рубля – результат не диверсий спекулянтов вроде Сороса, не поползновений «кровавой мировой закулисы» и даже не удешевления экспортного сырья (кроме нефти и газа, оно дешевеет со II квартала 2011 года).

И «козни Госдепа», как ни странно, здесь тоже не при чем: редчайший случай.

Рубль упал (подстегнув инфляцию и обесценив сбережения граждан) потому, что Банк России сознательно перестал выполнять свои обязанности по поддержанию его стабильности.

Ну что тут удивляться? – рубль, оказывается, похож на перепраздновавшего забулдыгу: стоит отпустить, как он немедленно падает.

И вас за собой тянет.

Власть, если верить официальным сообщениям, считает свой отказ от поддержания стабильности рубля, – а значит, и его падение, – достижением. Мол, «отпущенный» рубль по своему качеству – просто потому, что его никто больше не поддерживает, – приближается к ведущим мировым валютам.

Радуйтесь, граждане: мы в элитном мировом клубе!

(Только лицом вниз не падайте – не дай бог, захлебнетесь.)

Ну, если и не совсем в этом клубе, то зато ведем себя в точности так, как ведут себя его члены, – не интересуясь требуемыми для этого ресурсами и ценой, которую за это надо платить.

Ничего не напоминает?

Точно так же в конце 80-х и начале 90-х горбачевисты, «демшиза» и либералы, еще только примерявшие свои кошельки на «советское наследство», использовали для оправдания почти любой корыстной разрушительной глупости железный аргумент: «как во всем цивилизованном мире».

Потом, конечно, выяснялось, что как раз в цивилизованном мире все устроено совсем не так, «не по Чубайсу, а по уму», – но бывало уже поздно: либеральные реформаторы собирали свою страшную жатву и бодро шагали дальше под тот же непременный припев, – примерно так же, как другие «преобразователи дикой России» не так уж и задолго до них бодро шагали под «Хорст Вессель».

Порой думается, что если бы фашисты в 41-м кричали бы не об «унтерменшах» и «жидах», а о «возвращении в мировое сообщество», «демократических нормах» и «рыночных стандартах» – мы бы просто

не родились. Нас бы не было, – как не будет детей, которые должны были родиться у поколения, выкошенного либеральными реформами 90-х и «тучных» для некоторых нулевых.

И не надо думать, что бред о «мировом опыте», который якобы диктует почти любые меры по разрушению России (вроде введения плоской шкалы подоходного налога, – которая, как потом оказалось, не применяется почти нигде), – инструмент давно прошедшего прошлого.

Ведь только что, менее полутора лет назад Россию втащили в ВТО, – на заведомо кабальных, колониальных по сути условиях, – под развеселые крики «весь мир уже там, мы должны быть как все!»

И сегодня подсчитываем колоссальные и растущие убытки, констатируем разрушение целых отраслей машиностроения и сельского хозяйства, мгновенную смену бурного инвестиционного роста инвестиционным спадом, общее ухудшение конъюнктуры, – и даже президент Путин на Валдайском форуме 2013 года говорил о ВТО именно как об источнике проблем, а не многократно обещанных благ.

Как там незабвенный Виктор Степанович Черномырдин – «отродясь такого не было, и вот опять»?

Плотное зажмуривание глаз, затыкание ушей и последовательное разрушение страны под лозунгом «будем подражать богатым и станем такими же!» производит впечатление не просто вредительства.

И даже не просто уничтожения России ради наживы глобального бизнеса.

Это производит впечатление глубокого внутреннего холопства правящей и владеющей Россией тусовки.

Состояния души, при котором человек чувствует себя придатком хозяина, действия и интересы которого не обсуждаются, а являются источником морали и истины в последней инстанции.

И служение этому хозяину – смысл жизни, а подражание ему во всем, даже в заведомо странном, а то и вредном, – святая обязанность, практически «дело чести, доблести и геройства».

Хозяин либерального клана – глобальный бизнес.

И все, что соответствует его интересам – естественный и единственно возможный закон природы.

А кто смеет усомниться в святости единственного достойного подражания образца (ни в коей мере не исследуемого, потому что изучение и постижение хозяина есть преступный грех и религиозная ересь), – то не просто чужой: тот кровный, смертный враг, который должен быть изгнан отовсюду и в идеале – растерзан.

Как некогда писал Некрасов:

Люди холопского звания –
Сущие псы иногда...

И все это понятно, но вот только мы-то тут при чем?

Ведь за безумие правящей и владеющей Россией либеральной тусовки расплачивается отнюдь не она, а мы!

Ведь ясно же, что первый зампред Банка России Юдаева, подробно рассказывавшая накануне Нового года, как будут в 2014 году влиять на курс рубля политика ФРС и политика Евробанка, но, похоже, даже не подозревающая, что главным фактором этого курса должна быть все-таки политика соруководимого ею Банка России, ответит за последствия своей замечательной стратегии не больше, чем находившийся на той же должности Алексашенко – за дефолт 1998 года! И, может, еще будет, как уехавший в конце концов в США Алексашенко, с полным чувством

собственного достоинства подавать в суд на тех, кто посмеет напомнить ей про ее деятельность...

Ведь ясно же, что либеральные реформаторы, пребывающие в блаженной уверенности в собственной непогрешимости, а главное – безнаказанности, – вновь, как и в прошлые годы, выльют завариваемую ими горячую и острую кашу социально-экономической катастрофы на головы народа России. После чего респектабельно изобразят негодование и будут в фешенебельных странах наслаждаться своими дивидендами с этой катастрофы, – как «киндердефолт» Кириенко, отправившийся (когда чудом пережившая его страна корчилась в агонии кризиса) отдохнуть от трудов праведных не куда-нибудь, а в Австралию, на Барьерный риф.

Конечно, отказ государства от контроля за стабильностью валютного рынка может быть и обманом – «хорошей миной при плохой игре».

Ведь экономика рушится под нарастающим грузом безнаказанных коррупции и произвола монополий, не говоря о порождаемой ими управленческой неадекватности. При сохранении прежних тенденций спад ВВП начнется уже в 2015 году – и начнет нарастать стремительно даже в случае восстановления мировых цен на нефть.

Взрывной рост богатств чинуш и спекулянтов маскирует обеднение значительной части общества. Люди массово теряют даже простую надежду: жизнь на глазах становится безысходной.

При невозможности развития отток капитала будет велик, – но сокращение чистых текущих доходов страны (в 2,2 раза в 2013 году) уже не компенсирует его. Это начнет размывать международные резервы (их рост на 30 млрд. долл. в 2012 году уже сменился сокращением более чем на 22 млрд.), которые будут дополнительно сжиматься из-за воровства (трудно иначе толковать абсолютно одинаковую стоимость

столь разных проектов, как строительство ЦКАДа и модернизация БАМа на другом конце страны).

В этих условиях единственный способ хотя бы продлить экономическую агонию – это ослабление рубля.

Его действенность низка (в отличие от конца 90-х, нет ни простаивающих мощностей, ни квалифицированной рабсилы), – но других инструментов у не смеющего помыслить о развитии государства нет.

И этот инструмент страшен, ибо распахивает для спекулянтов новые возможности (возможно, чиновники ради них и стараются) и уже зримо грозит нам новой дестабилизацией.

Единственная альтернатива катастрофе (невозможной, впрочем, в этом году), – переход от разграбления советского наследства к модернизации, к созиданию России.

Но для этого надо думать не об иностранных хозяевах, а о своем народе.

И, как бы неприлично это ни звучало, – меньше воровать.

ВАКХАНАЛИЯ ЦЕН ПРОДОЛЖАЕТ ИСТРЕБЛЯТЬ РОССИЮ

Много лет назад, выступая перед дружественной интеллигентной аудиторией, я неосмотрительно назвал официальный показатель инфляции.

И услышал глухое ворчание зала.

Так ворчит собака перед тем, как броситься, чтобы загрызть.

Почти каждый день ходя по магазинам, я спешно оговорился: конечно же, речь идет об официальном уровне инфляции, который имеет лишь отдаленное отношение к реальному росту цен.

И все закончилось наилучшим образом – для меня и слушателей.

А вот для нашей страны все продолжается.

Ибо нет ничего болезненнее, чем повседневный, изматывающий, разрушающий жизнь рост цен, – особенно когда он еще и не признается властью.

Как считать инфляцию?

Разумеется, этому есть и объективные основания: инфляция считается на основе цен на более чем 460 видов товаров и услуг в более чем 265 населенных пунктах.

Проблемы сведения этих данный в единый показатель не решены до сих пор: например, как считать рост цен на товар, который временно исчез с прилавка? Если полагать, что его цена не изменилась, тогда, чем хуже ассортимент, тем ниже инфляция.

Другая проблема – выбор места замера цен. Ведь один и тот же товар продается в различных торговых

сетях, в обычных магазинах и на рынке по разным ценам.

Важна и численность населения: чем больше людей живет в городе, тем выше значимость показателя в нем. А поскольку россияне бегут в мегаполисы, их население выше отражаемого в официальной статистике, а население остальной России – ниже. Поэтому рост цен в крупных городах недооценивается, а в малых и на селе – переоценивается.

Но главный порок расчета инфляции – ассортимент товаров и услуг. Как можно включить в расчет показателя цены трех разных способов рытья могил (это не шутка), но не помидоров и огурцов? Как можно учитывать цену земли для растений, но не груш, винограда и арбузов? – непостижимо.

Ключевая причина занижения официальной инфляции относительно ощущаемой нами в магазинах – завышение доли дорогих товаров в товарообороте. Это автомобили, мебель, меховая одежда и турпоездки за границу (которыми регулярно пользуется, несмотря на изобилие «наших людей» на курортах, отчетливо менее 10% россиян).

Цены на них растут медленнее (их рынки более конкурентны, а при скачке цен их покупку всегда можно отложить), – и потому завышение их доли в покупках занижает инфляцию.

Но рост стоимости жизни связан не только с ростом цен.

Классический пример – аферы компаний, управляющих нашим жильем и все более напоминающих МММ: завышение объемов потребления (например, воды) и своих работ облегчает наши карманы без формального увеличения тарифов.

А «повышение степени платности бюджетных услуг» – официальная цель реформы бюджетных организаций (в первую очередь здравоохранения и образования)? Формально цены не растут, просто

доля людей, вынужденных платить, увеличивается государством, – и траты населения подскакивают без формального роста цен.

И все это без учета политического давления на статистиков.

Хотелось бы верить в его отсутствие, – но уж слишком памятно, как в первую половину 2000-х после вопросов президента «а что у нас там с ростом цен?» инфляция немедленно падала, как муха, пришибленная газетой «Правда».

Догмы либерального фундаментализма вынуждают государство не столько развивать экономику, сколько снижать инфляцию, – и не стоит слишком порицать специалистов, живущих под дамокловым мечом обвинений в «политической диверсии» и, вероятно, вынужденных порой занижать упрямый показатель.

Поэтому реальная инфляция для большинства из нас, по разным оценкам, до начала 2014 года была выше официальной в 1,5-2 раза; в 2014 году это превышение, насколько можно судить, составляет не менее 3 раз.

Не стоит забывать и крайне несправедливый характер социального строя. Использование «средней температуры по больнице» (например, расчет средней зарплаты суммированием доходов работников и топ-менеджеров) при высоком различии условий жизни богатых и бедных даже не искажает итоговую картину, а просто вводит наблюдателя (в том числе и государственного) в заблуждение.

Как бы ни слепили глаза рекламы столиц, Россия бедна: по данным центра Левады, не менее 80% населения испытывает нехватку текущих доходов для покупки товаров длительного потребления. Эти люди могут считать себя хоть олигархами, хоть «средним классом», но они бедны.

Занижение инфляции опасно

Игры со статистикой в экономике и политике так же опасны, как в медицине – игры с температурой.

Составители бюджетов знают: помимо намеченного, бюджет получает еще и инфляционный доход – от не учитываемого роста цен. А увеличения расходов в меру реальной инфляции не будет, – и это породит не только профицит, но и недофинансирование многих реальных нужд (правда, похоже, с лихвой перекрываемое безудержным «распилом»).

Занижение инфляции дезинформирует государство: показатели роста оказываются завышены, что способствует необоснованной эйфории.

В частности, завышаются показатели благосостояния граждан, – а с ними и представления о благополучии общества, его стабильности и удовлетворенности населения своей жизнью.

Погрузившись, как свинья в кормушку, в безбожно приукрашенную ею же самой картину российской жизни, прекраснодушная правящая тусовка искренне недоумевает, напоминая американских военных: мол, за что же нас так ненавидят?

Пользовались бы реальными данными или ездили по стране без конвоя – вопросов бы не возникало.

Как преодолеть алчность, прикрывающуюся коррупцией?

Причина разрушающего страну роста цен проста и понятна: произвол монополий на всех уровнях – от естественных монополий до последнего аптечного пункта.

Застрявшие во времени своего всевластия, в начале 90-х, либеральные фундаменталисты отрицают

это и под негласным лозунгом «чем меньше денег у народа – тем лучше для народа!» борются с инфляцией беспощадным ужесточением финансовой политики и урезанием бюджетных расходов.

Это напоминает лечение головной боли переломом хребта. Влияй бюджетные расходы на инфляцию – в начале каждого года нас ждала бы колоссальная инфляционная волна, вызванный традиционным резким, в разы, декабрьским ростом бюджетных расходов. Но ее нет.

Причина безнаказанности монополий проста: прекрати они грабить нас, завышая цены, – чем им платить взятки? Этот аргумент прикрывает и их собственную алчность: трудно поверить, чтоб они отдавали в качестве взяток все неправедные сверхприбыли.

Поэтому ограничение произвола монополий – и обуздание разрушающей Россию инфляции – надо начать с ограничения коррупции стандартными для всего мира мерами.

Одновременно нужно предоставить антимонопольной службе право обеспечивать полную финансово-экономическую прозрачность любого юрлица, заподозренного в злоупотреблении монопольным положением.

По примеру Германии надо дать ей при резких колебаниях цен сначала возвращать их на прежний уровень, а уже потом проводить расследование (так как ущерб, нанесенный за его время экономике, может оказаться невосполнимым).

Следует ограничить торговую маржу: сколько бы раз ни перепродавался товар, торговля не должна иметь право повышать его цену более чем, например, на 30%.

Нужно обеспечить доступ сельхозпроизводителей на рынки: из-за спекулятивный мафий они получают

порой лишь 10% цены, за которую их товары продаются на соседних рынках.

Когда-то в США, боровшихся с расовой дискриминацией, школьников на занятия порой провожали солдаты с примкнутыми штыками. Чем российские производители XXI века хуже американских негритят 60-х годов? Их доступ на рынки, если надо, должен обеспечиваться силовыми структурами: пора им заняться наконец защитой своего народа.

* * *

Но пока до этого далеко: правящая тусовка предпочитает править показателями, а не реальной жизнью.

Наши предки, говоря «неча на зеркало пенять, коли рожа крива», не могли представить себе метод, которым, похоже, с исступлением пользуются современные власти: заклеить зеркало портретом Мэрилин Монро и с гневом топтать подмечающих разницу между изображением и реальностью.

ОТ ПЕНСИОННОГО АПАРТЕИДА К ПЕНСИОННОМУ ГЕНОЦИДУ?

С заслуживающей лучшего применения настойчивостью правительство Медведева игнорирует главные причины пенсионного кризиса.

Более того: их не посмел даже упомянуть ни один из либеральных кликуш, мусолящих пенсионные проблемы вот уже скоро 20 лет.

Вряд ли случайно.

Самая простая причина пенсионного кризиса, – отсутствие должного контроля за деньгами Пенсионного фонда: ситуация не меняется долгие годы. В большинстве городов самое роскошное здание, как правило, – не администрации, не ФСБ и даже не Сбербанка, а Пенсионного фонда.

А ведь тому, кто не контролирует свои деньги, никогда их не хватает. И, более того, он скоро их лишается.

Вторая причина пенсионного кризиса – регрессивная шкала обязательных социальных взносов: чем Вы беднее, тем больше Вы должны платить. Так понимает справедливость правящая и владеющая нашей страной бюрократия (не говоря уже о ее придатках вроде пресловутой «Единой России»), – и ее представители не стесняются публично заявлять о том, что, по их мнению, это действительно справедливо, и другой справедливости не бывает.

Обязательные социальные взносы для большинства россиян – 30%. С учетом подоходного налога фискальная нагрузка на фонд оплаты труда превышают 38%: для бедных это запретительно высокий уровень, выдавливающий их «в тень».

Несправедливость всегда неэффективна: непосильный для большинства фискальный гнет снижает собираемость, в том числе и пенсионных взносов. Во времена единого социального налога она падала на процентный пункт в год; раздробление его между внебюджетными фондами, административно более слабыми, могло лишь ускорить этот процесс и усугубить пенсионный кризис.

Почему же социальные взносы для бедных и среднего класса так высоки?

Ответ прост: потому что либеральное правительство, обслуживающее интересы богатых (в том числе и своих членов), удерживает для обеспеченной части общества ставку соцвзносов на втрое меньшем уровне 10%. Что с учетом подоходного налога дает фискальную нагрузку в 21,7%.

А для самых богатых Россия и вовсе превращена в «налоговый рай»: при грамотном оформлении доходов (через индивидуальные предприятия) фискальная нагрузка падает до 6%, а при фиктивных операциях с ценными бумагами (за которые, насколько можно судить, никто никогда никого не наказывал) – и того меньше.

Раз с богатых не берут почти ничего, с остальных приходится брать много: так много, что они не могут платить и постепенно перестают это делать. «Налоговый рай» для олигархов означает для остальной России «налоговый ад».

Такова формула пенсионного кризиса, да и кризиса региональных бюджетов (питающихся подоходным налогом).

А ведь во всем мире (Россия – постыдное исключение) личные доходы облагаются не по регрессивному, а по прогрессивному принципу: чем человек богаче, тем выше ставка его налогов.

Это справедливо: богатый человек имеет больше возможностей влиять на общество и потому должен

нести более высокую ответственность перед ним во всех сферах, в том числе и в налоговой.

А справедливость эффективна по самой своей природе. Недоимки с бедных не соберешь – их слишком много, а расходы на «выбивание долгов» превысят недоплату. Богатых же мало, их легко проконтролировать, – а неуплаты велики и с лихвой покрывают расходы на их изъятие.

Но либералы, определяющие социально-экономическую политику, обычно служат богатым и богаты сами. Насколько можно судить, они превратили Россию в налоговый рай не для всяких Депардье, а прежде всего для себя самих, – и не собираются менять это положение для какого-то там «народа».

Наконец, важная причина пенсионного кризиса – инвестирование накопительных взносов в «русскую рулетку» фондового рынка, который периодически падает, обесценивая будущие пенсии.

Накопительные пенсионные взносы можно инвестировать лишь в проекты с гарантированной долгосрочной доходностью, которые есть в России в силу ее разрушенности: это модернизация ЖКХ крупных, средних и богатых малых городов. Такие инвестиции прокормят (и сытно) целое поколение будущих пенсионеров, – но они требуют от государства усилий, на которые разнежившаяся от коррупции и безответственности бюрократия, похоже, не способна.

Ей намного проще и приятней идти на поводу у лоббистов фондового рынка, добившихся закачки в него накопительных пенсионных взносов и «снявших сливки» с вызванного этим повышения котировок. А до пенсий никому нет дела: пенсионные фонды не отвечают даже за сохранность пенсионных взносов. Задача в другом – подстегнуть пенсионными деньгами фондовый рынок.

Именно за отказ от этого, похоже, извинялся перед «широко известными узким кругам» россиянами

профильный замминистра, не побоявшись лишиться за это должности.

Лоббизм – дело серьезное.

А граждане России, еще не полностью оболваненные либеральной реформой образования, видят это и избегают уплаты пенсионных взносов, – что в распределительную систему, что в накопительную.

Пенсий-то у нас так и так не будет, при таком-то правительстве, верно?

Поэтому и не вызвала протеста фактическая конфискация правительством Медведева накопительных пенсионных взносов за 2013, а теперь и за 2014 годы.

Игнорирование народом России «пенсионного наперсточничества» медведевских либералов воодушевило их: оно собралось вообще отменить обязательную накопительную пенсионную систему. Запретительно высокие для большинства обязательные социальные взносы останутся прежними, но целиком пойдут на текущие пенсии, в распределительную систему.

А кто хочет получать пенсию чуть больше того непонятного минимума, который захочет платить ему государство, должен сберегать сам.

Порочность старой пенсионной системы, которую сладострастно бичуют либералы вот уже 20 лет, заботливо восстанавливается: пенсии, выплачиваемые только из текущих взносов, по мере старения населения будут сжиматься, как шагреневая кожа, – и на них вскоре нельзя будет жить даже абсолютно здоровым пенсионерам.

Получив передышку за счет перевода накопительных пенсионных взносов в распределительные пенсии, либералы качественно усугубляют будущие проблемы.

Это ограбление не только населения: это кража у будущего.

Подход либералов прост: нормальную пенсию должны получать только обеспеченные люди, задумывающиеся о будущем и имеющие сбережения.

Остальные, не задумывающиеся о завтрашнем дне или просто не имеющие возможности копить деньги, легко могут оказаться на голодном пайке или просто умереть с голоду после утраты трудоспособности. А государство здесь не при чем: это будет «свободный и демократический выбор» его граждан, заботливо поставленных им в нечеловеческие условия.

В самом деле, кому оно нужно, это быдло?

Правда, герр Гитлер?

Согласны, премьер Медведев?

По данным Росстата, почти 20 млн. наших сограждан имеют доходы ниже прожиточного минимума, то есть медленно умирают.

Они гарантированно не смогут отложить себе деньги на нормальную пенсию, – а распределительный пенсионный минимум совсем не обязательно будет прожиточным. Недаром правительство Медведева рассчитывает наши пенсии по головоломным формулам, и к тому же не в рублях, а в баллах.

Похоже, очередная пенсионная реформа обернется простым убийством бедной части россиян по достижении пенсионного возраста.

Обсуждаемая попытка возвращения в Средневековье в стиле Прохорова-Куршевельского может стать геноцидом пожилого населения и представляется преступлением, – в том числе и против государственности.

Ведь смысл государства в том, чтобы человек мог быть глупым, – и расплата за это была бы болезненной, но не смертельной.

Как сказал нобелевский лауреат Алферов, после этого пропавший с официозных телеканалов (и, конечно же, это совпадение совершенно случайно), государство должно обеспечивать безопасность, об-

разование, здравоохранение и социальную помощь: если оно этого не делает, оно не нужно. И, добавлю от себя, будет разрушено, – на радость своим врагам как внутри, так и, особенно, вне страны.

Но либералов в правительстве это вряд ли волнует.

Они начисляют себе пенсии совсем не по тем принципам (и величинам), которые предусмотрели для обычных граждан. Так, пенсия министра – 57-90 тыс. руб. в месяц.

Определяющие социально-экономическую политику вывели себя из сферы ее действия. Более того: когда им хотя бы намекают на возможность применения их решений не только к народу, но и к ним самим, они обижаются, – боюсь, так же обиделись бы надзиратели Освенцима, если б им намекнули на возможность сжигать в лагерных печах их самих.

Мы им, насколько можно судить, в лучшем случае безразличны.

Недочеловеки, что с нас взять.

И некому объяснить сиятельным либералам с заоблачных высот правительства, неумолимо движущимся от созданного ими пенсионного апартеида к пенсионному геноциду, что попытки геноцида заканчиваются плохо не только для их жертв, но и, хотя и не сразу, для их организаторов тоже.

«ОКОЛОНОЛЯ»: ТОРМОЖЕНИЕ ЭКОНОМИКИ МОЖЕТ ПЕРЕЙТИ В СПАД

Первый вице-премьер Шувалов публично заявил, что дорогая нефть мешает развитию инноваций в России, а «запрос на инновации» (в том числе, надо полагать, и у правительства Медведева) появится лишь при ее удешевлении.

По логике этой ключевой для всей социально-экономической политики фигуры, инновационное развитие должно бы наблюдаться в 90-е: тогда нефть стоила немного, и денег у государство не было. Но Россия захлебывалась тогда кровью, а не инновациями.

Почти все страны-получатели нефтедолларов вкладывают их в технологический и социальный прогресс. А российские либералы сетуют на богатство страны: именно оно-де не позволяет им обеспечить ее развитие!

Недавно очевидная даже для правительства Медведева мысль, что инновации требуют инвестиций, а без денег последние невозможны, вероятно, покинула умы чиновников: деградация налицо. Похоже, они жаждут обнищания России, чтобы, как в 90-е, начать завлекать иностранцев на любых условиях, продавая за копейки то, что стоит миллиарды, — и называя это «прогрессом».

Сложно избавиться от ощущения, что подобные Шувалову личности перепутали правительство, в котором они работают, и служат интересам не России, а какой-то иной страны.

Однако их заявления не только оправдывают и возводят в перл творения их беспомощность и неа-

декватность, но и являются реальной основой государственной политики.

Результаты налицо.

«Околоноля»: так назывался роман, приписываемый «серому кардиналу» Суркову, покинувшему Администрацию Президента после событий на Болотной, вернувшемуся во власть перед событиями в Бирюлево и с конца июля 2014 года, насколько можно судить, курирующего от Администрации Президента гражданские (в первую очередь политический и дипломатический) аспекты украинской катастрофы.

Именно этот элегантный термин описывает нашу экономику сейчас: в 2010 и 2011 годах ВВП рос на 4,3%, в 2012 – на 3,4%, а в 2013 году – уже лишь на 1,3%. При этом, если в январе-августе 2013 года экономический рост составлял лишь 1,5%, то в аналогичном периоде 2014 года он сократился более чем вдвое – до 0,7%, а в августе и вовсе прекратился.

Столь резкое торможение роста – признак системного кризиса, в который тащат нас либеральные реформаторы, полностью, как в 90-е, контролирующие социально-экономическую политику.

Доля налога на прибыль в ВВП уже в 2013 году была ниже, чем в кризисном 2009 году.

Вместе с тем федеральный бюджет наращивает неиспользуемые остатки средств: с начала года они выросли на 1,9 трлн. руб. – до 8,5 трлн., из которых более 6,5 трлн. лежит в Резервном фонде и Фонде национального благосостояния. При этом бюджет интенсивно занимает деньги, – конечно, под более высокие проценты, чем получаемые за их размещение.

Несмотря на официальный плач о нехватке средств, профицит достиг 2,0% ВВП.

Но торможение экономики и угроза срыва в спад налицо.

В чем причина?

ВТО: «ловушка для дурака»?

Термин искрометной комедии с Пьером Ришаром подходит к присоединению России к ВТО.

Реформаторы ухлопали 12 лет на бессодержательную рекламу без модернизации экономики. Даже базовые соглашения ВТО были изданы лишь в конце 2004 года – тиражом 4 тыс. и на деньги канадского правительства: российскому, похоже, оповещение бизнеса было не нужно.

Государство не готовило юристов и маркетологов: возможно, реформаторы создавали монополизм связанных с ними структур.

Присоединение к ВТО напоминало подлог: депутаты физиологически не могли успеть ознакомиться с соглашением, который они ратифицировали.

Но главное – кабальный характер присоединения.

Недаром президент Путин, говоря на Валдайском клубе о его последствиях, не обмолвился о позитиве: похоже, его не было. Так, рентабельность наиболее передовых свинокомплексов рухнула за один день втрое – с 29 до 10%, а личные хозяйства населения стали убыточными, сделав депрессивными ряд еще вчера благополучных районов. Схожие результаты наблюдались в ряде других отраслей (включая, например, переработку молока и производство грузовых автомобилей, в 2014 году вынужденное ради простого выживания снабжать ими нацистскую «национальную гвардию» Украины).

Присоединение к ВТО на кабальных, по сути дела колониальных условиях (в отличие от того же Китая) привело к резкому переходу от инвестиционного роста к спаду. Ведь в каждую страну в общем случае идут либо товары, либо инвестиции, и раскрытие ее

для товарного импорта делает инвестиции просто избыточными. Соответственно, закупки за рубежом оборудования и иных инвестиционных товаров драматически сократилось.

К слову сказать, постсоветское пространство демонстрирует не только экономическую, но и политическую пагубность присоединения к ВТО на заведомо кабальных условиях.

В самом деле: первой присоединилась Киргизия – и после двух революций говорить о киргизской государственности в настоящее время можно лишь с определенной натяжкой, в рамках дипломатических отношений.

Второй присоединилась Грузия: получила «революцию роз», а затем не менее драматическое, хотя и вполне законное отстранение от власти Саакашвили, а государственность сохранилась после авантюрного нападения на Южную Осетию в 2008 году лишь милостью президента Медведева.

Третьей к ВТО присоединилась Молдавия: получила государственный переворот апреля 2009 года и, по сути, распад государственности, воспринимаемой огромной частью населения как «оккупационный режим», с фактическим выделением вслед за Приднестровьем еще и Гагаузии.

Последней к ВТО присоединилась Украина – и после распада государственности и утраты территориальной целостности в силу массовых протестов она на глазах погружается в разруху наподобие времен гражданской войны.

Однако при всей значимости присоединения к ВТО для России оно лишь приблизило негативный перелом тенденций, но отнюдь не стало его причиной.

Если бы в августе 1998 года нефть стоила не 10, а 100 долл. за баррель, при динамике тогдашнего во-

ровства дефолт был бы неизбежен – просто несколько позже.

Так и в 2013 году: без ВТО торможение роста было бы менее пугающим, но не менее неизбежным.

Отказ от развития как квинтэссенция либеральной политики

Присоединение к ВТО – не диверсия, но выражение самого характера современной российской государственности. Лоббизм импортеров и глобального бизнеса, помноженный на жажду либеральных реформаторов подтвердить лояльность Западу и достичь хоть какого-то некатастрофического результата не могли переломить заинтересованность государства в развитии – если бы она существовала.

Но у государства, похоже, иные цели.

Маниакальное аккумулирование денег налогоплательщиков за рубежом – едва ли не главный его приоритет. В стране, где дети умирают с официальным диагнозом «нехватка бюджетных средств», а более 13% населения имеет доходы ниже прожиточного минимума (то есть медленно умирает от голода и холода), а государство головоломными и дискредитирующими его манипуляциями экономит на пенсионерах 244 млрд. руб., – не используется более половины годовых расходов бюджета!

При этом все знают, что от «черного дня» защитит лишь комплексная модернизация страны: без нее резервы – не более чем аналог стариковских «гробовых».

Даже бывший соратник Гайдара министр экономического развития Улюкаев говорит о необходимости направления части резервов на развитие, – но это неизменно остается пустым разговором.

Не либеральному «правительству Медведева», преходящему и вызывающему лишь гадливость, – развитие не интересно, похоже, всему государству.

Корень зла: «первородный грех» демократов

Причина отказа от развития, ставшего сутью последних 13 лет, проста: российское государство складывалось на руинах Советского Союза, по всей видимости, как инструмент разграбления этих руин и их утилизации в виде личных богатств.

Если эта гипотеза верна – склонность к развитию страны для бюрократии не менее противоестественна, чем для уличного грабителя – склонность к помощи его жертвам.

Но конец советского наследия близится: это видно и по износу систем жизнеобеспечения, и по утрате культуры (чтобы не сказать одичанию) масс, и по ухудшению показателей экономики, несмотря на дорогую нефть.

Новые поколения «эффективных менеджеров», заступая, облизываясь, на сладкие должности, все чаще с обидой и недоумением произносят бессмертное «всё уже украдено до нас!»

Коррупция и монополизм ломают хребет модели, основанной на лжи и грабеже.

При разрушении воровской системы, живущей так долго из-за колоссальности советского наследия и терпения русского народа, за которое пил еще Сталин, русская цивилизация либо погибнет, либо оздоровит государство, подчинив его себе.

Писать на стенах, как берлинцы в апреле 1945 года, «победа неизбежна» не стоит: судьба Родины скоро опять окажется в руках народа и будет всецело зависеть от нашего мужества, понимания, инициативы и стойкости.

Но в предстоящем кошмаре исторического творчества (ибо в нем вы понимаете, что ошибку нельзя будет исправить, а информации для решения заведомо недостаточно) надо знать, чего хотеть и чего требовать от власти.

Контуры нужной политики, в отличие от очертаний предстоящего катаклизма, вполне ясны.

Главная задача – модернизация инфраструктуры. Современные технологии на автодорогах и иных видах транспорта, в ЖКХ, в энергетике создадут новую Россию, а развитие этих сфер создаст деловой бум, сделав нашу страну самой привлекательной в мире для бизнеса.

Модернизация инфраструктуры (кроме мобильной связи и интернета) непосильна для частного бизнеса, ибо приносит эффект не осуществляющей ее компании, а всему обществу в целом. Это спасает государство от недобросовестной конкуренции с бизнесом.

Но, чтобы средства пошли на модернизацию инфраструктуры, а не были украдены, надо кардинально ограничить коррупцию.

Чтобы они не ушли в рост цен (как это было с пресловутым «доступным жильём», которым и сейчас гордится Медведев), надо ограничить произвол монополий.

Чтобы модернизация создала рабочие места в России и обогатила наших предпринимателей, а не иностранных конкурентов, нужен разумный протекционизм, – хотя бы на уровне Евросоюза.

Наконец, чтобы работы по модернизации могли выполнять наши сограждане, надо гарантировать им хотя бы прожиточный минимум (это, кстати говоря, всего лишь экономическое выражение права на жизнь, которое якобы гарантирует нам Конституция), а также доступные всем качественные здра-

воохранение и образование. А «доступный» в стране, где 80% населения не может из текущих доходов покупать товары длительного пользования, значит «бесплатный».

Описанное и есть формула возрождения России. Ее реализация возможна в любой момент, когда государство от разрушения страны захочет вдруг перейти к ее созиданию.

Для этого его надо «лишь» оздоровить.

ДЕРЕВЯННЫЙ ЗАНАВЕС

Наша экономика больна, – и, увы, не санкциями.

Почти тотальные коррупция, безнаказанный произвол монополий и последовательный отказ либерального клана от развития доламывают хребет «поднимающейся с колен» России и без холодной войны Запада.

Ведь максимальное бегство капитала – 19,4 млрд. долл. – наблюдалось в январе 2014 года, задолго до украинского кризиса.

А торможение роста ВВП до 1,3% (что с учетом занижения официальной инфляции вообще означает снижение), равно как и промышленный спад с января по август, и переход бурного инвестиционного роста в сокращение инвестиций произошли в и вовсе тихом 2013 году.

По итогам которого правительство попало в ловушку.

Дальнейшее «сохранение стабильности» означало спад, который нельзя было бы скрыть, уже в 2014 году, а переход от стратегии воровства в стиле 90-х к стратегии развития требовал ограничения коррупции и произвола монополий, ведя к внешним конфликтам (ибо почти любое производство, создаваемое в России, отнимает прибыль у бизнеса Европы или Китая).

Единственным выходом оставалась девальвация – и она была проведена в начале 2014 года (и, затем, в начале осени) с фееричным обоснованием: мол, Банк России намерен отказаться от ответственности за стабильность рубля.

И то верно: зачем чиновнику ответственность?

В качестве компенсации Банк России вознамерился бороться с инфляцией, хотя она с 90-х годов вызывается в основном не избытком денег у населения и бизнеса, а произволом монополий, влияния на которые Банк России не имеет. Его стремление бороться с инфляцией напоминает желание гинеколога лечить язву желудка – используя исключительно свойственные ему навыки и инструменты.

Естественным результатом столь внятных намерений стала паника, охватившая бизнес.

Она была многократно усилена ориентацией либералов на обслуживание бизнеса, что в финансовом секторе означает преимущественно спекулятивный уклон так называемой «государственной» политики.

Девальвация в интересах общества, для поддержания конкурентоспособности проводится как можно быстрее, – как было в 2009 году в столь разных странах, как Казахстан, Польша и Норвегия. Это позволяет минимизировать панику и спекуляцию.

В интересах же спекулянтов растянуть девальвацию на как можно больший срок: похоже, именно поэтому в России она всякий раз занимает несколько месяцев. В 2008-2009 годах это стоило нашей стране почти четверть триллиона долларов; в начале 2014 года девальвация была менее масштабна и обошлась впятеро дешевле, но проводилась так же: постепенно, вызывая максимум тревог, чтобы принести спекулянтам максимум доходов.

В итоге экономику удалось подстегнуть: спад инвестиций затормозился, в промышленности сменился ростом, рост ВВП остался почти прошлогодним, сальдо внешней торговли подскочило, бюджет получил сверхдоходы и стал профицитным.

Но социальная цена этого чрезмерна: даже официальная инфляция в марте втрое превысила прошлогоднюю (по итогам января-августа разрыв сокра-

тился до одной пятой), а реальные доходы населения достигли прошлогоднего уровня лишь в июле.

Кроме того, девальвация удорожила внешние займы, затруднив их получение не меньше санкций. Это ударило по бизнесу, создав хоть и локальные, но болезненные социальные проблемы.

Отдельные проблемы создали ответные санкции, омерзительные в своей не только беспомощности, но и бездумности. Отказ от ограничения произвола монополий вызвал рост цен, в том числе и на не санкционные товары, а распространение санкций на оплаченный, но еще не доставленный груз нанес бизнесу ущерб, по оценкам, около 140 млн. долл. (и спровоцировал его не обанкротившуюся часть на дополнительное завышение цен для возмещения убытка). Краткосрочность санкций не стимулирует производство: за год, на который они введены, инвестиции не окупятся. А о регионах, для которых зависимость от прекращенных поставок была критической (как минимум Калининградская область и Крым), похоже, не подумали вообще.

Более всего это напоминает осмысленную провокацию либерального клана против государства в стиле саботажа «майских указов» Путина, сброса обязательств на регионы без финансирования, повышения налогов и фактической отмены накопительных пенсий в условиях, когда бюджет захлебывается от денег и не знает, куда их деть.

А позитивный эффект девальвации, не подкрепленной снятием коррупционных и монополистических барьеров, не говоря уже о переходе от воровства к комплексной модернизации инфраструктуры, оказался исчерпанным уже в конце лета, что привело ко второй волне ослабления рубля.

Сохранение либерального клана во власти, продолжение социально-экономической политики 90-х годов вновь ставит Россию перед выбором меж-

ду началом экономического спада и новым падением рубля.

Недаром в середине августа, в разгар летнего отдыха, Банк России расширил колебания курса рубля более чем на четверть (с 7 до 9 руб.) и отказался от вмешательств в рамках этого диапазона (превышающего 20% стоимости бивалютной корзины). До конца 2014 года рубль будет выведен в «свободное плавание», и Банк России к восторгу либералов и спекулянтов умоет руки, занявшись «таргетированием инфляции», а затем, вероятно, объяснением ее роста произволом монополий.

Но падение рубля – это скачок цен и обеднение людей.

Официальная статистика, по которой реальные доходы населения выросли на 3,2% в 2013 году и сохранили стабильность в январе-июле 2014, не должна обманывать. Занижение официальной инфляции завышает реальные доходы, а в коррупционно-олигархической системе доходы богатых быстро растут почти всегда, сильно приукрашивая «среднюю температуру по больнице».

По данным «Левада-центра», доля имеющих сбережения россиян выросла с 2011 года лишь с 27 до 30%. Остальные, как и 20 лет назад, беззащитны перед ухудшением конъюнктуры.

Доходы большинства, по всей видимости, снижаются с лета 2013 года, – и новый удар по ним может не только иметь очевидные политические последствия, но и изменить мировосприятие, сделав для нас недоступными, например, зарубежные поездки.

Они нужны не только для отдыха, но и для необходимого расширения кругозора, понимания разнообразия мира, укрепления интереса к жизни – и повышению через это уровня общей культуры.

Считающие, что частые поездки за рубеж превращают людей в либералов и врагов своей страны, тем

самым расписываются в своем презрении и ненависти к России, неявно признаваясь: они полагают ее заведомо и во всем хуже «заграницы».

На деле же после восторга первых выездов люди, неминуемо начиная интересоваться реалиями жизни в других странах и особенностями их культуры, как правило, становятся патриотами России. Маргинальное исключение в виде либералов не сильно отличается статистически от других устойчивых маргинальных групп (от предпринимателей до гомосексуалистов).

Большинство же именно под влиянием знакомства с жизнью за рубежом становится патриотами, причем патриотами придирчивыми, требовательными, кое-что знающими и потому опасными для бюрократии. Они не одобряют любые ее мерзости по американскому принципу «наших сукиных детей» и видят: наши пороки не являются необоримыми свойствами человеческой природы и подлежат исправлению, пусть даже вместе с паразитирующими на них чинушами.

Новыми патриотами с их кругозором и личным опытом трудно манипулировать – и потому именно они станут, прямо или косвенно, одним из факторов будущего оздоровления власти.

Но сталкивание людей в нищету, заменяя «железный занавес» холодной войны «деревянным занавесом» обесценивающегося рубля, резко сокращает масштаб и значение этой группы.

Пока она растет: уже после кризиса 2008-2009 годов и даже после Болотной площади, с 2012 года произошло резкое расширение круга россиян, выезжающих за границу.

По данным «Левада-центра», доля наших сограждан, имеющих загранпаспорт, выросла за два года почти на две трети: с 17% в 2012 до 28% в 2014, доля когда-либо выезжавших в частные поездки за преде-

лы бывшего СССР увеличилась на треть – с 30 до 40%. Удельный вес выезжающих за границу хотя бы раз в три года по делам вырос с 6 до 9%, а на отдых – с 12 до 16%.

Это отражает не рост благосостояния, – в последние два года он был крайне слаб, – но изменение общественной потребности.

Отказ правящей тусовки от развития, делая неизбежной девальвацию и рост цен, сталкивает людей в нищету, заменяя еще не забытый «железный занавес» «деревянным». Доля россиян, которые раньше отдыхали за рубежом, но теперь больше не могут себе этого позволить, уже выросла с 10 до 13%.

Новый занавес опускается не столько на границу, сколько на глаза и умы. Мешая нам осознавать свою жизнь, он делает наше общество менее адекватным, – а значит, и менее устойчивым в предстоящих потрясениях.

Глава 4
КАКОЙ ПОЛИТИКИ ТРЕБОВАТЬ ОТ ГОСУДАРСТВА

СОЗИДАНИЕ НАЦИИ: ЧТО НАМ С СОБОЙ ДЕЛАТЬ

Землю, где воздух как сладкий морс,
Бросил и мчишь, колеся, –
Но землю, с которою вместе мёрз,
Вовек разлюбить нельзя.

В. Маяковский

Наше общество распадается: и по этнокультурному, и по сословному, и по региональному, и даже по религиозному признакам.

Об этом можно говорить бесконечно, но множество фактов, очевидных всякому, ездящему по стране, свидетельствуют об одном и том же процессе, неумолимо нарастающем на протяжении, по крайней мере, последнего десятилетия.

Вероятно, именно ощущением этого разъезжания в разные стороны еще совсем недавно единой России и объясняется пафос послания Путина, его обращение к традициям и морали, реабилитация им слова «нация». (Так что появление весомой партии «Объединенная нация» — в противовес устарелой «Единой

России» – теперь можно, похоже, считать вопросом времени.)

Немудрено, что в продолжающиеся четверть века национального предательства, в том числе и благодаря усилиям либеральных реформаторов, российское общество не смогло создать новой, постсоветской самоидентификации. Соответственно, его идентичность так и не восстановилась.

Собирание, воссоединение людей, проживающих на территории случайного по своим очертаниям обломка Советского Союза, в единую нацию – условие выживания России. Продолжение идущего, в том числе и под неумолимым катком либеральных реформ, процесса разъединения, окончательное внутреннее разделение российского общества разрушит, навсегда уничтожит нашу страну, нашу цивилизацию, нашу культуру.

Это вполне внятная, вполне очевидная, вполне реальная перспектива.

Хотя нации представляют собой естественные общественные организмы и складываются в целом стихийно, история показывает: процесс их складывания, как и любые другие естественные процессы, можно ускорить и сделать менее болезненным (как, впрочем, и наоборот). Если считать нацию осознающим себя народом, – этот процесс осознания, как и в случае самосознания отдельного человека, можно весьма существенно ускорить или замедлить.

Базовые, содержательные аспекты своего единства – общие ценности, образ жизни и идеологию – каждый народ вырабатывает стихийно. В этой сфере наше разъединение, как ни странно, зашло не слишком далеко: грязная и вытертая сталинская шинель все еще греет. Еще на рубеже тысячелетий наше общество стихийно соединило социальные, патриотические и демократические ценности в неуклюжий и

часто уродливый, но объединяющий основную часть населения синтез.

Он нуждается лишь в артикуляции, прежде всего политической, – но либеральная тусовка, до недавнего времени жестко контролировавшая всю формальную идеологию государства, прилагала все силы, чтобы не допустить такую артикуляцию. Ведь результатом стало бы создание качественно нового властного субъекта, прежде всего спросившего бы с этой тусовки за чудовищные 90-е и не менее страшные либеральные реформы 2000-х.

Времена меняются, и носители этого синтеза, – в том числе по-хорошему непримиримые и агрессивные, – начинают подниматься наверх в самом правящем слое, в силу неумолимой логики меж- и внутриклановой борьбы. Когда им придется взяться за выражение выработанного нашим народом синтеза ценностей, ключевое значение приобретет технологический аспект созидания нации – инструменты непосредственного решения этой задачи и формальные требования к процессу.

Созидание нации сродни воспитанию человеческой личности; при этом сознательным воспитателем может быть лишь ответственное государство, опирающееся на патриотическую, творческую и при этом вменяемую часть интеллигенции.

Примеров успешного и сознательного созидания наций из весьма разнородных, а часто и внутренне враждебных фрагментов немало. Это Германия и Италия XIX века, Швейцария, Турция (несмотря на очевидную неприемлемость примененных методов, включающих геноцид по этническому принципу), США на протяжении всей своей истории, Австралия, возможно, Канада, а также отчасти наша страна (до первой половины 70-х годов). Примером вполне успешного созидания нации на пустом месте (что об-

условило длительность процесса) является история конструирования «украинства» с конца XIX века – сначала специалистами Австро-венгерской империи, затем большевиками, гитлеровцами и, наконец, на протяжении всего послевоенного периода – американцами.

Как и личность, нацию нельзя создать в отрыве от конкретного занятия; главный инструмент ее формирования – «общее дело», в которое вовлекаются (в том числе и помимо своего желания) все ее потенциальные члены.

Это особенно важно для нашей страны в ее сегодняшнем состоянии, исключающем объединение по национальному или религиозному принципам из-за не только многонациональности и мультирелигиозности, но и общей слабости национального и религиозного чувства.

Наше объединение возможно только вокруг общего дела и образа жизни. И не в первый раз: собственно, именно так и складывался русский народ, который формировался из разномастных племен как едва ли не первая в мире «политическая нация» – во времена, когда таких слов еще просто не существовало, а церковь только укоренялась в стране.

Общее дело должно быть жизненно важным, всеобъемлющим, захватывающим все чувства и помыслы людей. Оно должно завершаться триумфом, так как успех в значимом деле доказывает правоту, прививает привычку к победе и воспитывает необходимые уверенность в своих силах и оптимизм. Совместное же экстатическое переживание доставшейся дорогой ценой победы закрепляет это в общественной психике на поколения вперед.

Наиболее органично общее дело вырастает из войны (лучше оборонительной, хотя бы на первом этапе) и угрозы уничтожения, преодоления общих

бед. Но оно может быть и связанным с реализацией масштабных проектов (индустриализация, полет в космос, устранение угрозы голода и болезней), хотя всякая менее сильная мотивация, чем реальная для каждого индивида угроза быстрого физического уничтожения (врагами либо разрухой), требует подкрепления постоянными усилиями государства.

Советская идентичность базировалась на трех победах: Великом Октябре (надежно скрывавшем ужас гражданской войны), победе в Великой Отечественной и полете Гагарина. Революция забылась, а полет Гагарина был чистой, светлой радостью, не превратившейся в катарсис из-за отсутствия массовых бед и лишений. Поэтому основой советского народа была страшная (настолько, что официальная пропаганда первые 20 лет попросту отрицала ее) память о войне – и именно поэтому столько усилий прилагается в последние четверть века для ее разрушения и извращения.

Общим делом России будет, – если нам удастся выжить в надвигающихся внешних и внутренних потрясениях, – возрождение после сегодняшней гламурной разрухи, преодоление уже более чем четверти века национального предательства. Этот процесс даже в самом лучшем случае будет достаточен, чтобы обеспечить полноценный, передающийся на поколения катарсис.

Для закрепления его последствий важны тактические инструменты формирования нации, прежде всего, создание и поддержание культа предков, отдавших свои жизни ради единства с подчеркиванием их альтруизма и самопожертвования, и преодоленных трагедий прошлого. При этом нельзя допускать «совкового» психологического давления на людей, инстинктивно отторгаемого ими.

Необходимо формирование «ключевых точек» национальной истории, обеспечивающих единство

и прочность национального самосознания. Такую «точку», пусть даже созданную задним числом при помощи переосмысливания исторических фактов, если угодно – «переписывания истории» (пример – корейская и вьетнамская войны для США, участие в обороне Брестской крепости – для современной Чечни), должно иметь каждое поколение: иначе, не скрепленное со своей страной общим делом, оно легко станет потерянным.

Линкольн еще в бытность провинциальным адвокатом провозгласил необходимость создания и постоянного подкрепления «гражданской религии», объединяющей людей вне зависимости от их религии, национальности и культуры, интегрирующей общество внедрением в него общих ценностей, нужных именно обществу как целому, а не отдельной его части (пусть даже и доминирующей).

Как и всякая религия, «гражданская религия» нуждается в культовых местах, оказывающих подспудное влияние и не требующих усилий. Они должны быть местами отдыха и релаксации, а не поклонения (которое легко становится натужным и принудительным, что убивает «гражданскую религию», как в СССР). Идеал – ландшафтные парки с монументами, музеями, выставками, обязательно водоемами, возможностью свободных игр на свежем воздухе в любом свободно выбранном, а не только специально отведенном заранее месте.

Это позволяет осуществлять комбинированное воздействие пейзажа, архитектуры, музыки и запахов (например, от цветущих растений, подобранных так, чтобы время цветения и, соответственно, запахов было максимальным). Образцом можно считать вашингтонский Молл – парково-музейную зону между Белым домом, Капитолием и Потомаком. В Москве такой зоной может стать прилегающее к Кремлю и

Красной площади Зарядье — место бывшей гостиницы «Россия». Территории МГУ на Ленинских горах и ВДНХ (где пытались сделать нечто подобное при СССР), а также парк Культуры имени Горького не подходят из-за отсутствия политико-исторической символики.

Формирование нации невозможно без непреклонного, хотя и мягкого размывания гетто и диаспор всех видов как объективно подрывающих единство общества.

Изложенное должно быть закреплено в системе воспитания и образования — от детского сада до повышения квалификации (прежде всего в курсах истории и литературы, закрепляющей моральные ценности общества), — и в культурной политике государства (включая «госзаказ», во многом благодаря которому в 30-е годы XX века «поднялся» Голливуд).

Конечно, слепо копировать успешный опыт прошлого, даже свой собственный, — безумие, но не меньшее безумие — не использовать то правильное, что было у нас и что есть в США. Стоит вспомнить Андропова, который собирался ликвидировать национальное деление страны и разделить разномастный после Брежнева Советский Союз на 49 крупных и при этом полностью равноправных областей (разумеется, с полным сохранением культурных автономий).

Конечно, применяя технологии созидания нации, нельзя забывать, что времена меняются, и новые технологии меняют потребности людей.

Так, в наше информационное время люди идут не столько за интересами, сколько за новыми ощущениями и эмоциями: сенсорное голодание, которое было болезнью начальства и заключенных, пришло в мегаполисы, — и стало наглядным фактором политики.

А все более распространенной формой организации сегодняшнего общества становится, увы, уже

не партия и не клуб, а секта, члены которой объединены некритически восторженным отношением к тому или иному явлению, личности, а то и просто финансовому инструменту.

Нация – живой организм, и уже потому ее созидание – процесс непрерывный.

Нам предстоит сделать лишь первый шаг на этом вечном пути: учитывая опыт, в каком-то плане нам легче, чем нашим потомкам.

Если, конечно, мы победим, и они у нас будут.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ КОНФЕССИЙ

Советская система взаимодействия государства с религиями мертва

Полтора миллиона человек, прошедшие в ледяном ноябре 2011 года под поясом Богородицы, – крупнейшая со времен Февральской революции массовая стихийная манифестация в нашей стране. Десятки тысяч мусульман, в свои праздники регулярно и демонстративно блокирующие движение даже на дальних подступах к соборным мечетям, по организованности и бескомпромиссности действий не идут в сравнение ни с каким «Маршем миллионов». В неблизком Подмосковье люди с пейсами, в черных сюртуках и шляпах впервые за 70 с лишним лет жизни моего соседа по даче усомнились в том, что он еврей, ввергнув его в близкое к ступору состояние изумления. Мой страховой агент, молодой парень, каждую свободную минуту читает Новый завет, исчерканный, размеченный разными цветами и топорщащийся закладками во все три стороны.

Насильственно лишенное объединяющей идеологии, общество ответило захватившим власть над ним либеральным вивисекторам взрывом религиозного возрождения, – принимающего порой весьма причудливые, а порой и откровенно опасные для него самого формы.

Прежние системы взаимодействия общества и живущих в нем религий, оформленные в государственные институты, этому взрыву не соответствуют и прогибаются под его давлением самым разнообразным образом, который часто вызывает общественный протест сам по себе. Стоит вспомнить передачу

церкви школ, музеев и детских садов, строительства «гундяевок» (как успели окрестить в Москве «храмы шаговой доступности») и мечетей (стихийный митинг против одной из которых под неформальным лозунгом «Мы хотим остаться братьями с мусульманами» собрал в тихом Митино более 2 тысяч человек), введение в школах преподавания основ религий. Атеисты увидели в последнем мракобесие и ущемление их прав, государственно мыслящие люди – усугубление раскола общества по религиозному принципу, а многие верующие родители – наглое и ничем не спровоцированное покушение на чистоту веры (ибо они вполне разумно предпочитают, чтобы их детей учил по выходным доверенный священник, а не непонятно кто, взявшийся неизвестно откуда).

Этот список можно продолжать долго, но главное не в бесконечно разнообразных и крайне интересных самих по себе фактах, а в том, что они означают: прежняя система взаимодействия религий и общества, закрепленная государственными институтами, сформировавшаяся в позднесоветское время, категорически не соответствует реалиям религиозного возрождения и становится неадекватной, а часто и попросту вредной.

Значит, чтобы она не разрушала общество, а укрепляла его, ее надо менять.

Эпоха «большого извинения» завершена

Хочу подчеркнуть: данный материал ни в коей мере не посвящен внутренним проблемам тех или иных церквей, которые тоже болезненны для общества. Речь идет лишь о институционализированных государством механизмах взаимодействия общества как целого с его конфессиональными частями.

Если судить по интернет-опросам, охватившим почти 5 тысяч человек, то, несмотря на их понятную нерепрезентативность, общество демонстрирует поразительное единодушие в своем отношении к общественному положению церквей: 55% полагает, что они должны быть «полностью отделены от государства и быть равноправными с другими общественными организациями».

22% высказалось за контроль государства над церквями в той или иной степени: 10% – за советскую модель, при которой «церковь формально независима от государства, но на деле жестко контролируется им», по 6% – за существование церкви в качестве части департамента Минюста и за отделенность церкви от государства при праве последнего запрещать священнику проповедовать.

10% опрошенных высказались, напротив, за контроль церкви над государством: 7% в моральном плане и лишь 3% – непосредственно (что меньше заявивших о безразличии к теме – 6%, и о затруднениях с ответом – 5%).

Однако принципиально важно, что это стремление общества, в целом выражаемое чеканной формулой «церковь отделена от государства, а школа от церкви», не имеет никакого отношения к сегодняшней реальности.

Сегодня церкви являются отнюдь не «обычными» некоммерческими организациями: они не подлежат основной части регулирования в этом качестве, в определенной степени неподсудны гражданскому суду, не платят налогов и, соответственно, не несут ответственности перед обществом, к которому они принадлежат и в котором они функционируют.

Эта исключительность была естественной и оправданной для «эпохи большого извинения», которой стали 90-е и «нулевые»: исключительные экономические и административные преференции церк-

вям были формой компенсации за их ограничение в позднесоветский период.

Вместе с тем все более агрессивная экспансия религиозных фундаментализмов, в принципе не принимающих Россию как единый общественный организм, свидетельствует об исчерпанности конструктивных возможностей этой модели. *(Стоит отметить, что возвращение шариатских судов вкупе с убийствами за нарушение религиозных норм «в отдельных регионах», как принято писать на бюрократическом воляпюке, является лишь одним из многих тревожных «звоночков»).*

Извинения принесены, – причем не только словом, но и делом, – и Россия уже давно поняла, что требующие от нее превращения всего ее будущего в одно сплошное покаяние за грехи и ошибки прошлого (будь то сталинские репрессии, возмущение аморальным поведением целого ряда предреволюционных служителей культов, или недостаточно гуманное отношение к бандеровским бандитам, которых даже фашисты в деловой переписке называли «дикими зверями»), как правило, просто хотят ее убить.

Влияние на общество порождает ответственность перед ним

Религиозная жизнь в той степени, в которой она влияет на общество (а благодаря религиозному возрождению она стала влиять на него весьма значительно), требует государственного регулирования точно так же, как и все остальные сферы жизни общества, – и старые механизмы этого регулирования изжили себя вполне наглядно.

Вместе с тем прямой переход к реализации устремлений общества по обеспечению независимости церквей от государства (включая их независимость от

государственной помощи и преференций) представляется, с одной стороны, чрезмерно резким сломом реальности, а с другой – нарушением давних культурных традиций.

Не будем забывать, что православие, например, по самой своей природе культурно сращено с русской государственностью, а с исторической точки зрения во многом прямо и непосредственно творило ее. Ислам также официально выполнял многие функции государственной власти в нашем сегодняшнем понимании (например, судебные), – и этот список, вероятно, можно продолжить.

Однако близость к государству, принятие на себя определенных государственных функций должно сопровождаться и принятием встречных обязательств, и соблюдением определенных ограничений, важных для сохранения целостности общества. Важно и то, что это принятие и соблюдение могут быть только строго добровольными.

Поэтому для государства, осознающего описанные выше проблемы, было бы разумно предложить конфессиям, – и в целом, и на уровне отдельных церковных общин, являющихся основой всякой церкви, – сделать добровольный и свободный выбор между независимостью и свободой от общества в лице государства и симфонией с ним.

Разумеется, этот выбор можно будет сделать только один раз, поэтому на него нужно отвести достаточное для размышлений и консультаций время, – от трех месяцев до года.

Независимая от государства церковь или община должна быть обычной некоммерческой организацией, на общей основе платящей налоги с хозяйственной деятельности и имущества, регулярно и подробно отчитывающейся перед Минюстом и в случае получения иностранной помощи подпадающее под пресловутую норму об «иностранных агентах». Госу-

дарство не имеет право вмешиваться в ее внутреннюю жизнь так же, как оно не имеет право вмешиваться во внутреннюю жизнь любой другой некоммерческой организации. При этом в рамках организаций гражданского общества представители этой церкви или общины могут взаимодействовать с государством, — так же, как и представители других НКО.

Для церквей или общин, по тем или иным причинам считающих отделенность от государства неприемлемой для себя, должен быть предусмотрен путь симфонии с ним, предусматривающий четко проработанные институциональные механизмы взаимодействия.

Симфония церквей с государством требует организационной формы

Светский характер государства, единственно возможный в многоконфессиональной стране, а также преобладание православия и ислама заставляет обращаться к опыту соответствующих светских государств.

Наиболее интересным с этой точки зрения представляется опыт Греции и Турции — в немалой степени потому, что эти страны, люто воевавшие друг с другом, сложившиеся в своем сегодняшнем виде именно в ходе этой войны и находящиеся в состоянии «холодной войны» и по сей день, создали весьма схожие механизмы взаимодействия церкви и государства.

С одной стороны, церковь не платит налогов за хозяйственную деятельность, связанную со священнослужением, и во многом выведена из стандартного «светского» регулирования. Священники как «пастыри душ» получают зарплату от государства, а не вынуждены «жить с прихода», в депрессивных райо-

нах напоминая порой голодающих учителей 90-х, а в богатых – олигархов. Публичные же высказывания против религии (как, впрочем, и против государственного строя) формально являются тяжким преступлением (хотя на деле оба эти правила соблюдаются редко).

С другой стороны, деятельность священников – вплоть до содержания проповедей – жестко контролируется государством, которое имеет право запретить священнику служение где бы то ни было, кроме собственной семьи, а при нарушении этого права, – посадить в тюрьму за уголовное преступление.

Это вполне соответствует историческому опыту России, в которой со времен Петра Великого Русская православная церковь существовала на правах отдела при всего лишь департаменте Министерства юстиции (правда, именовался департамент пышно – Священным Синодом), и огромная часть ее имущества (сейчас возвращаемого ей) была государственной, переданной ей всего лишь в пользование. Безусловно, после краха государства в Февральской революции и восстановлении патриаршества эта система не вызывала у РПЦ теплых чувств, что нашло свое ярчайшее выражение в принципиальном отказе Патриарха Тихона помочь попытке спасения Николая Второго (правда, в порядке моральной компенсации один будущий святой послал другому освященную просфору). Однако во время функционирования этой системы недовольства в ее отношении среди священников, насколько можно судить, не наблюдалось, – как не наблюдается сегодня в Греции и Турции.

Симфония с государством практически исключает возможность антиобщественной, антигосударственной деятельности отдельных священников, примеры чего столь ярки, например, в Великобритании, мечети которой едва ли не превратились в кузницу тер-

рористических кадров, и в США, где протестантский пастор вызвал кровавую дискредитацию своей страны в исламском мире.

Церковь, находящаяся в симфонии с государством, обладает по отношению к обществу не только правами и духовными обязанностями, но и обязанностями светскими, объективно порождаемыми не ее духовной сущностью, но ее неотторжимой от нее сущностью как организации, действующей в обществе и влияющей на него. Эти обязанности, – пока государство выполняет свои обязанности перед ней, – обеспечивают эффективное выполнение церковью ее важнейшей общественной функции встроенного стабилизатора и нормализатора общества. *(Сейчас эти обязанности не выполняются целым рядом церквей отнюдь не в силу их внутренней испорченности, но именно в результате трагического диссонанса между их духовными и организационными функциями, порожденного устарелой политикой государства.)*

Конечно, перевод священников на зарплату формально противоречит концепции светского государства, – но не больше, чем освобождение от налогов хозяйственной деятельности, направленной на обеспечение деятельности церкви. Кроме того, в рамках церковной симфонии с государством священник выполняет важнейшую государственную задачу по стабилизации и нормализации общества, которая заслуживает честной оплаты по меньшей мере так же, как, например, работа психотерапевта в государственной поликлинике.

Увеличение числа бюджетников за счет священников, конечно, нанесет удар по бюджету, – но этот удар будет с лихвой компенсирован сокращением расходов на противодействие различным (и в том числе порождающим друг друга) видам экстремизма.

Независимая церковь – встроенный стабилизатор конфессиональной системы

Зачем же в этой системе нужны независимые церкви? – ведь их не было в царской России!

Не только по историческим причинам, не только потому, что многие церкви уже существуют в нашем обществе сами по себе, ничего не получают от государства и не пойдут на симфонию с ним, – но именно потому, что их не было в царской России.

И отсутствие регулируемой и в силу этого не разрушающей, но оздоровляющей и стимулирующей конкуренции привело к жестокому кадровому кризису внутри Русской православной церкви. Многие знающие свою историю священники отмечают, что «по каким-то причинам» в последнее десятилетие XIX века в духовные училища пошли массы молодых людей, стремящихся не быть пастырями душ человеческих и не служить Господу, но всего лишь получить несложную и хорошо вознаграждаемую работу. И, выплеснувшись на просторы империи, эти люди возбудили к себе ненависть значительной части народа, без которой усилия большевиков-богоборцев после прихода их к власти не имели бы заметного результата.

Чтобы внутреннее загнивание церквей не повторилось (а некоторые признаки этого наглядно видны в том, как страшно, например, проигрывает современная РПЦ конкуренцию исламу и протестантизму и проигрывала бы католичеству, не вздумай ксендзы в начале 90-х пороть детей розгами даже в московских школах), – необходим постоянный доступ верующих к альтернативе, необходима разумная конкуренция, которая и будет существовать в форме независимых церквей и общин.

Церковь же (или отдельная община), выбравшая путь независимости, должно регулироваться, как и

все остальное общество, и ее ответственность за нормальное развитие общества в полной мере будет регулируется обычным светским законодательством.

При этом отдельные общины должны иметь право свободно и в любое время переходить от одной церковной организации к другой со всем своим имуществом, необходимым для «отправления культа».

И, разумеется, не только в стране в целом, но и на уровне каждого региона и каждого муниципалитета органы государственного управления должны быть обязаны соблюдать полное равноправие, на одном уровне, традиционных для России религий и, на другом уровне, религий нетрадиционных, но тем не менее имеющихся. Нарушение этого правила должно беспощадно и сурово караться в соответствии с нормами уголовного права.

Вопрос о том, считать ли атеизм (то есть веру в отсутствие бога) религией, представляется весьма интересным и спорным с богословской точки зрения, однако юридически в рамках доктрины свободы совести нарушение прав атеистов является столь же неприемлемым и должно караться столь же сурово, что и нарушение прав верующих.

* * *

Описанная система представляется достаточно гибкой и вместе с тем вполне соответствующей культурно-историческим традициям народов нашей страны для того, чтобы религиозное возрождение современной России, – вне зависимости от нашего к нему отношения, – пошло на пользу нашему обществу, укрепило его и способствовало бы его развитию, а не уничтожило бы его, порвав великий народ на этноконфессиональные лоскуты.

ВЕЛИКАЯ ЛОЖЬ ПРИВАТИЗАЦИИ ДОЛЖНА БЫТЬ РАЗОБЛАЧЕНА И ИСПРАВЛЕНА

Собственность – это кража.

Прудон;
подтверждено российскими либералами

Последствия либеральных реформ, этой квинтэссенции длящегося вот уже более четверти века национального предательства, делают их тягчайшим преступлением против нашей страны и народа со времен гитлеровского нашествия.

Их стержень – кровавая приватизация: массовый захват общенародной собственности и ее концентрация у «нужных» людей разрушили правовое сознание общества, превратили закон в издевательство и породили бандитский беспредел. На каждом российском кладбище – поля могил, в которых лежит молодежь, выкошенная мечтой о вседозволенности и сладкой жизни.

Россия не забыла приватизационной вакханалии и не смирится с ее последствиями; недаром перед выборами 2012 года Путин, встав перед необходимостью получить реальную поддержку народа, признал несправедливость приватизации и необходимость исправления ее итогов.

Приватизация принесла состояния своим либеральным организаторам, но главное – обеспечила их мощной социальной базой: фарцовщики пошли спекулировать заводами и, поднявшись на разрушении их львиной части, стали «офшорной аристократией».

Социальная цена этого была чудовищной: дезорганизованная страна окунулась в ад безысходности и нищеты. Ставшая символом либерального ханжества фраза Ясина «у вас ничего не отняли – у вас ничего не было» была предельно циничной наглой ложью втройне: реформаторы отняли у страны уровень и качество жизни (в целом не достигнутые и сейчас), отняли принадлежавшую всему народу собственность и, наконец, отняли прочно забытые ныне «общественные фонды потребления». Через последние прибыль успешных государственных предприятий направлялась на финансирование мощного социального сектора, производившего главную производительную силу великой страны – культурного и компетентного человека.

Отнявшие у нас эти богатства либералы с блистательной наглостью и энергией, позаимствованными, похоже, непосредственно у нацистских пропагандистов, до сих пор пытаются уверить нас в принципиальной невозможности плодов этих «общественных фондов» – бесплатных здравоохранении, образовании, жилье и почти бесплатном отдыхе. Их животная ненависть к советской истории вызвана не трагичными, а, напротив, светлыми ее страницами, отрицающими либеральные ценности и сам образ жизни.

Приватизация направлялась в неправовое русло сознательно: реформаторы делали новых хозяев своими заложниками, так как любая другая власть отменила бы итоги приватизации как незаконные.

Сетуя на «правовой нигилизм», либералы тактично умалчивают, что породили его сами.

Приватизация разорвала живой общественный организм на ограбленных и ограбивших, если и не сознающих, то чувствующих себя таковыми. И сейчас для большинства студентов даже либеральных вузов первая ассоциация со словом «предприниматель» –

слово «вор»: это кровоточащая генетическая память, переданная через поколения.

Восстановить единство России необходимо: разорванный организм не может ни развиваться, ни даже просто жить – он может лишь умирать, медленнее или быстрее.

Рефлекторный ответ – национализация – через поколение после катастрофы уже не является универсальным. Принцип «грабь награбленное» разрушителен: грабеж ради общества разоряет страну не хуже грабежа ради личных выгод.

Мы знаем на своем историческом опыте: «красногвардейская атака на капитал» укладывает красногвардейцев и капитал в одну братскую могилу.

Восстановление единства нации требует более сложных механизмов.

Опыт есть: после «приватизации по дешевке», проведенной кумиром либералов Тэтчер, английское общество потребовало справедливости. Инструментом ее восстановления стал «компенсационный налог» в размере разницы между ценой предприятия и платой за него в ходе несправедливой приватизации: у бизнеса забрали подаренное реформаторами, оставив заработанную прибыль.

В нашей стране этим налогом надо облагать лишь источники сверхприбылей, в первую очередь – объекты залоговых аукционов 1995 года, бывших предельно откровенным преступлением.

Государство брало кредит под залог своих лучших активов. Срок возвращения кредита – после президентских выборов: победи не Ельцин, бизнесу вернули бы деньги, а предприятия – государству. Именно залоговые аукционы заставили олигархов поддерживать Ельцина любой ценой, ломая страну.

Но главное в том, что большинство назначенных олигархами бизнесменов давали государству в кредит не свои, а его же собственные деньги – деньги бюд-

жета, заботливо размещенные либеральными реформаторами в их банках.

Недаром при одном упоминании компенсационного налога либералы теряют человеческий облик от гнева: многие активы не раз сменили хозяев, а как можно сметь наказывать добросовестного приобретателя, купившего у приватизатора (или перекупившего у посредника) заведомо краденый комбинат?

Но покупатель знает, что и у кого он приобретает – и несет все связанные с этим риски так же, как перекупающий у бомжей золотые часы или дорогой телефон.

Реальная трудность компенсационного налога – в ущербе предприятиям: ведь на его уплату, даже в рассрочку, придется вынимать деньги из оборота!

Выход – право собственников платить налог не деньгами, а акциями. Это накажет владельцев-«паразитов», проедающих захваченные активы (им придется расставаться со значимой долей имущества), и простимулирует эффективных собственников: если они сильно нарастили капитализацию, полученный ими «подарок», с которым придется расстаться, будет незначительным.

Компенсационный налог – единственный способ укрепить и частную собственность, и справедливость; иного пути к цивилизации нет. Хотя отрицающие все, кроме интересов глобального бизнеса либералы, считающие критику олигархов антисемитизмом, а признание Уголовного кодекса – призывом к сталинскому террору, никогда не признают этого.

Но альтернатива одна – революционный передел собственности и срыв страны в новый хаос. Ведь наша страна и народ никогда не смирятся с результатом «большого хапка», отдавшим плоды непосильного труда наших отцов, дедов и прадедов в руки ничем не примечательных (кроме разве что жестокости и самовлюбленности) людей, назначенных миллиар-

дерами. При этом практика доказала: олигарх, каким бы талантливым он ни был, за редчайшим исключением не может эффективно управлять свалившимся на него богатством.

Положение, когда одному принадлежит все, а всем остальным ничего, порочно. Тем более что олигархи, как правило, не собственники, а временщики. Они могут лишь, дрожа, ждать падения мировых цен на свое сырье и шантажировать государство бунтами во все новых Пикалево при обострении глобального кризиса.

Нужна люстрация: приватизатор или обеспечивавший приватизацию чиновник не может избираться, занимать руководящие должности, работать на госслужбе и преподавать общественные науки.

Компенсационный налог – лишь частный случай реализации базового принципа, позволяющего уйти от ложного выбора между национализацией и приватизацией.

Этот принцип закреплен в Конституции безупречно рыночной Германии, по которой любая, в том числе и частная собственность должна служить обществу и священна лишь пока она служит ему. Если же она используется во вред обществу, она превращает себя во врага, подлежащего уничтожению.

Задача России – не национализация и не реприватизация, но социализация собственности: постановка ее на службу обществу.

Инструмент реализации этого принципа на разрушающихся предприятиях – передача их в управление командам кризисных менеджеров. В случае успеха они должны получать 25%-1 акцию, чтобы не иметь блокирующего пакета, – а остальное надо передавать работникам.

Ведь для нормального общества надо дать людям возможность быть совладельцами предприятий, с которыми они связывают свою жизнь.

Собственность – фундамент рыночных отношений. Без фундамента, на песке нельзя построить ни дом, ни завод – только барак. Да, в нем может быть теплый сортир и занавески на окнах, но он останется бараком, и поколения будут рождаться в нем и проживать жизнь в мечте вырваться из него в нормальный дом, – может, и меньший по площади, но построенный не на песке.

Пока не перестанут рождаться, ибо всякой жизнеспособности есть предел.

Считающим это метафорой стоит вспомнить: дороговизна кредита, удушающего Россию, вызвана не только либеральной политикой властей, но и незащищенностью собственности.

Незащищенностью, обусловленной объективно: нельзя защитить то, что несправедливо и в силу этого отвергается обществом.

Лишь реформа собственности создаст цивилизованную Россию – так же, как когда-то либералы другой реформой собственности сделали цивилизованную советскую Россию дикой.

НЕФТЬ И ГОСУДАРСТВО

Государственная собственность при разработке месторождений внутри страны, частная при экспансии вовне – вот формула оптимального сочетания государственной ответственности с частной инициативой в нефтяной отрасли.

Огосударствление нефтяного бизнеса стало глобальной тенденцией еще вскоре после кризиса 1997-1999 годов: уже в начале 2000-х аналитики с изумлением обратили внимание на рост запасов и добычи государственных нефтяных компаний и сокращение – частных. Это вновь привлекло внимание к проблеме оптимальной формы собственности – и помогло понять, что распространенное либерально-идеологизированное представление о большей эффективности частного бизнеса по сравнению с государственным верно лишь для малых и средних компаний. Для крупных корпораций разница малозаметна: частный бизнес демонстрирует примеры расточительства и даже неадекватности не менее интенсивно, чем государственный.

Не стоит забывать и о том, что по-настоящему крупные акционерные корпорации уже давно не относятся к частной собственности в ее классическом понимании. Частная собственность сохранилась на уровне семейного бизнеса, а на корпоративном она изжита. Когда акционеры практически никак не могут повлиять на топ-менеджеров (разве что уволить одних и нанять других таких же или еще хуже), это значит, что в реальности они не являются собствен-

никами. С другой стороны, акционеры в массе своей и не хотят участвовать в управлении – они хотят быть не столько собственниками, сколько пенсионерами.

Еще в забытом 1997 году по поручению российских реформаторов группой специалистов было проведено исследование сравнительной эффективности государственных и частных предприятий. Даже при наглядной заинтересованности заказчика и части проводивших его специалистов оно показало, что частное предприятие в России лишь чуть-чуть эффективнее государственного, – при том, что оно сравнивало частные предприятия самых рентабельных отраслей (которые к тому времени и были главным образом приватизированы) с государственными предприятиями в основном низкорентабельных отраслей. При такой базе сравнений вывод о том, что частные предприятия лишь чуть-чуть эффективнее государственных, на самом деле означал, что частная форма собственности в России была существенно менее эффективна, чем государственная.

Помимо идеологических предрассудков, представление о частной собственности как всегда более эффективной, чем государственная, продиктована политическими интересами чиновников. Ведь забастовка на государственном предприятии – это политический кризис, а на частном – выгодная для государства ситуация, так как оно, выступая арбитром, может повысить свое влияние.

Даже такой конченый либерал, как Джеффри Сакс, честно пытаясь осмыслить причину успеха Китая с его огосударствленной экономикой, пришел к выводу о том, что для успеха главное – институциональные условия, а не форма собственности.

На деле оптимальная форма собственности определяется технологиями и общим принципом гармонизации интересов бизнеса и населения. Он

прост, хотя и выработан человечеством в жестоких социально-управленческих муках.

Во внешнем мире государство должно реализовывать в первую очередь интересы национального бизнеса как наиболее творческого и агрессивного элемента общества, поддерживая и частично направляя его экспансию.

Внутри же страны, где не нужны никакие агрессии, даже коммерческие, государство должно выражать интересы в первую очередь населения, – не столько из-за его преобладающего (в демократическом обществе) политического влияния, сколько потому, что внутренне нестабильное, расколотое общество не может быть конкурентоспособным.

Примером сочетания ориентации на интересы бизнеса во внешней политике и населения во внутренней – стихийно сложившееся отношение государств к форме собственности на нефтяные компании.

При добыче преимущественно на территории своей страны добывающие компании для удовлетворения интересов своего населения, как правило, находятся в государственной собственности (и не только в развивающихся странах, но даже в Норвегии).

Добыча же, ведущаяся на чужой территории, для большей эффективности экспансии требует частной собственности. Здесь значим и сугубо практический аспект: стране, на территории которой находятся осваиваемые месторождения, легче допустить к их освоению частные иностранные, чем государственные иностранные корпорации, так как в последнем случае угроза утраты политического суверенитета более очевидна.

Описанная модель связана с весьма существенными издержками для бизнеса, но они вполне окупаются эффективностью государства, способного обе-

спечить как выполнение установленных им «правил игры» внутри страны, так и внешнюю экспансию бизнеса, за счет которой он получит гарантированно больше, чем потеряет от внутренних ограничений. Пример подобного самоограничения крупного бизнеса на внутренней арене – его согласие на антимонопольное регулирование (без которого такое регулирование ни при какой эффективности государства было бы невозможно в принципе).

ОТ «ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СВЕРХДЕРЖАВЫ» – К ДРАЙВУ ВОЗРОЖДЕНИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ

«Сланцевая революция» ставит жирный крест на дремотной маниловщине «энергетической сверхдержавы». Невыносимую тень этого креста ощущают на себе даже захлебывающиеся от денег «жирные коты» (по китайской терминологии) «Газпрома».

Идею дезавуировала ее собственная и вполне очевидная стратегическая лживость: сверхдержава может быть лишь передовой, то есть технологической, а не энергетической. А тотальная коррупция, возведенная едва ли не в смысл жизни компрадорского правящего класса и основу государственного строя (характерно нежелание официально интересоваться происхождением капиталов бывшего депутата Пехтина, в роли председателя думской комиссии по этике исполнявшем обязанности живой совести правящей тусовки), не совместима не то что со сверхдержавой, но даже с суверенитетом.

«Энергетическая сверхдержава» была невозможна и из-за разложения государственного менеджмента, способного понимать и демонстрировать только голую (и отнюдь не «мягкую») силу. Воровство – простое занятие и ведет потому к падению не только морали, но и интеллекта.

В итоге из-за патологической политики, вынуждавшей даже Украину до нацистского переворота закупать наш газ у Германии, «энергетическую сверхдержаву» в конце концов, предпочли забыть сами ее авторы.

Но «сланцевая революция», в ходе которой США еще в 2009 году обогнали Россию по добыче газа, подвела черту.

Стало ясно: тотальная коррупция в интересах компрадорской «офшорной аристократии» доживает последние годы: воровать станет нечего и не у кого, и это разрушит неформальный «гражданский договор», лежащий в основе всей четверти века национального предательства.

Старая идеология грабежа советского наследия и легализации разворованного в фешенебельных странах умирает, – причем вместе с некоторыми из этих стран, не выживающих в глобальном кризисе.

На повестке дня – вопрос о новой идеологии нового правящего класса, которая придет взамен идеологии воровства. Эта идеология будет прямым следствием главного дела общества.

Понятно, что в условиях Смуты, – неважно, вызванной межклановой сварой, коррупционным гниением или же обесценением сырья, – главным делом станет выживание.

Для выживания нужно восстановление инфраструктуры: мы не Украина, способная пережить почти любую власть, просто кормясь «с огорода».

А ограниченность ресурсов (накопленные резервы частью будут украдены, частью сгорят в аду глобального кризиса) не даст восстановить советскую инфраструктуру: понадобятся новые, дешевые и гибкие технологии.

Потому, если ключом к современной России является воровство элит, кощунственно возведенное (подобно демократии на Западе) в ранг почти религии, ключ к нашему будущему прост и прозаичен: модернизация инфраструктуры.

Все, помогающее решению этой задачи, даже уродливое, – расцветет и продолжится; все мешающее, даже законное и гуманное, – будет убито.

Здесь нет выбора: грядущее – не грузовик на встречке, от него можно увернуться лишь в могилу.

Единственный способ выживания в глобальной депрессии – модернизация инфраструктуры – резко

снизит издержки и не просто повысит деловую активность, но и сменит все «правила игры». Ведь придется подавлять коррупцию и произвол монополий, сталинско-мичуринскими методами прививая правящему классу ответственность, – а требуемый масштаб деятельности в принципе изменит лицо нашей Родины.

Легко сказать «модернизация инфраструктуры» и радоваться, что это единственная сфера, в которой государство гарантированно, из-за высокой капиталоемкости и длительной окупаемости проектов, не вступит в недобросовестную конкуренцию с бизнесом.

Но ведь эта «сфера» всеобъемлюща!

Она включает не только автодороги, плата за проезд по которым должна компенсировать ремонт, но не строительство (слишком дорогой проезд затормозит развитие), и ЖКХ, гарантированная доходность модернизации которого делает его естественным объектом вложения страховых и пенсионных взносов. Это еще и энергосистема, железные дороги, неэкспортное судоходство, гидротехнические и мелиоративные сооружения, аэродромное хозяйство и даже почта!

Масштаб требуемых под страхом смерти работ колоссален и сам по себе изменит все нормы поведения.

А законность и даже демократия вырастут позже – из благосостояния, которое несет с собой дешевая и качественная инфраструктура.

Ведь свобода, что бы ни твердили теоретики, – прежде всего избыток инфраструктуры.

Свобода передвижения стоит в царстве бездорожья не больше свободы потребления в царстве нищеты, свободы собраний – в царстве произвола, а свободы совести – в царстве мракобесия.

России нужна инфраструктура!

Стране откроет будущее не тот, кто приятней скажет или жестче изнасилует, а тот, кто начнет ее созидать.

Не на словах, а на деле.

РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ – ПУТЬ К ВОЗРОЖДЕНИЮ РОССИИ

Россия прожила все уже более чем четверть века национального предательства (с горбачевских хозяйственных реформ 1987 года) под знаком нарастающей деиндустриализации, разрушения колоссального потенциала ее реального сектора.

Формальное отношение к промышленной политике и к самому этому термину менялось: до дефолта 1998 года и в первой половине 2000-х он считался либеральными руководителями экономической политики России ужасным ругательством, в другие времена представители государства с удовольствием говорили о ее полезности и важности.

Не менялась (за исключением полугода пребывания у власти триумвирата Примакова-Маслюкова-Геращенко) только суть дела: чудовищная либеральная политика, уничтожающая Россию (и ее реальный сектор в том числе) в интересах глобального бизнеса.

Тем не менее, в настоящее время возможности продолжения этой политики исчерпаны, – и резкое торможение экономического роста, которое уже в этом году сменится экономическим спадом, является лишь внешним выражением этого.

Кардинальная, категорическая необходимость реиндустриализации России именно сейчас порождена двумя глубокими изменениями.

Первое – стратегическое: глобальный кризис. При возникновении глобального рынка на нем естественным образом сложились глобальные же монополии, которые загнивают: внешнего источника конкуренции нет. Скорее всего, глобальный кризис будет ре-

шен распадом глобального рынка, – точнее, основной части глобальных рынков, – на макрорегионы. Движение к этому уже наблюдается.

Если Россия не сможет создать свой макрорегион, она превратится в совокупность никому не нужных окраин: окраину Европы, окраину Большого Китая, окраину исламского мира, – и, соответственно, исчезнет. Именно этим вызвано отчаянное сопротивление Запада любой попытке реинтеграции постсоветского пространства с участием России: ему не нужны конкуренты.

Но, даже если Россия создаст свой макрорегион, заметный в масштабе мировой экономики, – в нем нужно будет иметь собственную индустрию как источник не только прибыли, но и цивилизации.

С одной стороны, современные постиндустриальные технологии растут, как показывает опыт, лишь на фундаменте индустрии. С другой – социальное устройство, которое они порождают, разрушают нормальное для нас общество и делают нормальную полноценную жизнь невозможной.

В частности, господство современных информационных технологий, что наглядно показывает социальная практика хипстеров и в целом «офисного планктона», несут с собой внятную угрозу утраты самосознания и суверенитета личности, возврата ее к слитно-роевому существованию, которое было ее уделом до эпохи Возрождения, – с той разницей, что место рода и цеха занимает соответствующий сегмент социальных или игровых сетей. Люди в массовом порядке, в том числе и вполне осознанно, жертвуют своими интересами ради новых эмоций, в конечном счете уничтожая самих себя как общество. В целом даже в развитых странах наблюдается дегуманизация, доходящая до расчеловечивания.

Единственный способ удержаться от падения в новое Средневековье, которое очень недолго будет

оставаться компьютерным, единственный способ обеспечить социальное оздоровление общества, – это развивать, наряду с информационными и биологическими технологиями, и разнообразную индустрию.

Естественно, не на уровне XVIII или даже XX века, и не в том катастрофичном виде, в котором она еще существует в моногородах черной металлургии на Урале.

Классический пример современного развития индустрии – сланцевая революция. В ее ходе государство абсолютно сознательно, вопреки текущим рыночным соображениям, в том числе раздачей грантов и весьма сомнительных, как тогда казалось, льгот, кардинально снизило стоимость энергии и в результате запустило процесс реиндустриализации в масштабах крупнейшей экономики мира.

Это вдохновляющий пример, – и совершенно новый опыт: масштабная реиндустриализация нового типа. Ведь технология «сланцевой революции» заключается в компьютерном моделировании, которое «посажено» на старую геофизику и старое же бурение. Это индустриализация на базе компьютерного моделирования, – именно то, что нам необходимо.

Если мы не запустим, не создадим собственную технологическую базу, в том числе и аналогичным способом, нас просто не будет уже в ближайшие 15 лет.

Принципиально важно, что сужение рынков в ходе распада глобальных рынков на макрорегионы требует качественно новых технологий: общедоступных, относительно простых, дешевых и при этом сверхпроизводительных. Традиционные технологии, эффективность которых пропорциональна сложности и дороговизне, исчерпали свой потенциал: в рамках макрорегионов у них гарантированно не будет должного количества потребителей.

В рамках советского военно-промышленного комплекса было разработано большое количество технологий нового типа, многие из них живы и применяются в незначительных масштабах, и государству нужно их просто найти.

Это стратегическая задача для всех тех, кто хочет, как модно сейчас говорить, «жить в этой стране».

Вторая проблема, которая создает потребность в реиндустриализации, – не стратегическая, а тактическая, но от этого ничуть не менее острая: наши дорогие друзья и любимые коллеги на Западе под сурдинку разговоров о международном праве устроили на Украине нацистский государственный переворот и объявили нам «холодную войну».

Санкции могут быть существенными или нет, но их в любом случае вводят против нас не за то, в чем мы плохи, а за то, в чем мы хороши: за то, что не приемлем нацизм, не хотим быть евреями времен Адольфа Гитлера, не хотим терпеть русофобии.

Санкции вводят против нас за то, что мы сделали первый серьезный шаг навстречу демократии с 1992 года.

И от нас требуют сейчас не Крым, – от нас требуют, чтобы мы отказались от своих ценностей и чтобы мы, таким образом, перестали существовать как народ.

Напомню, что одновременно с этим угрозы украинских нацистов создать ядерное оружие и применить его против нас встречают полное понимание со стороны США и Евросоюза.

Подчеркну – не «ястребов», не «неоконов», – а именно политической элиты в целом и даже заметной части населения.

Четверть века национального предательства, на протяжении которых Запад нас хотел только грабить, на этом фоне начинают восприниматься как краткая и упущенная историческая передышка.

Нас хотели грабить, – но нас не хотели уничтожить.

Сейчас нас начинают хотеть именно уничтожить: с одной стороны, из-за наших ресурсов, с другой – из-за все более дефицитного емкого рынка для сбыта товаров и услуг. Кроме того, просто не хочется иметь рядом непонятных людей, – а мы для них непонятны. Ну и, наконец, Западу надо нас уничтожить, чтобы в условиях распада глобальных рынков не возник новый конкурентный макрорегион.

Достойный ответ на это – не пропагандистские истерики.

Достойный ответ только один: реиндустриализация.

Два самых разных человека российской современности несколько лет назад произнесли это слово порознь с интервалом в два месяца: это Ходорковский и Путин.

Ходорковский, потрясший многих своим выступлением на Евромайдане, с точки зрения экономической безопасности, что феноменально для либерала, фиксировал: все, что мы покупаем за границей, мы можем безопасно покупать, только если есть три независимых, никак не связанных друг с другом крупных производителя соответствующего товара.

Если они как-то связаны друг с другом или их меньше, чем три, – мы, исходя из интересов обеспечения минимальной экономической безопасности, должны производить соответствующие товары и услуги и сами.

Подобных товаров и услуг не так много: производство в мире высоко концентрировано.

Значит, мы очень многое должны производить сами – вне зависимости от соображений коммерческой эффективности, просто из соображений безопасности.

ПОД ПЯТОЙ ВТО: КАК РАЗВИТЬ СЕЛО?

Позорное присоединение к ВТО на заведомо кабальных условиях нанесло экономике страшный удар. Но самое обидное то, что правила ВТО все же отличаются от правил Освенцима: в них можно выживать, если знать их и иметь государство на стороне своего народа, а не глобального бизнеса.

Россия – единственный член «большой двадцатки», после 2008 года не усиливший протекционистской защиты своей экономики, – но остальные-то пользуются возможностями, причем до такой степени, что США отчаялись взломать рынки Евросоюза в рамках ВТО и стали интенсивно навязывать ему трансатлантическую зону свободной торговли.

Главное и самое сложное в ВТО – правила ведения торговых споров. Мы обречены проигрывать их основную часть не только потому, что за 14 лет истерической рекламы либеральные реформаторы не удосужились подготовить нужное количество квалифицированных юристов и маркетологов (как, впрочем, и просто объяснить бизнесу новые «правила игры»). Дело в самих методах ведения этих споров: недаром, как с удивлением подметил нобелевский лауреат, бывший старший вице-президент Всемирного банка Стиглиц, большинство споров развитых стран с неразвитыми в рамках ВТО «почему-то» выигрывают первые.

Но правила ВТО оставляют государствам некоторые возможности поддержки своей экономики – даже сельского хозяйства: было бы желание ими пользоваться.

Так, они вообще не ограничивают поддержку села развитием его инфраструктуры. Государство не может снижать издержки крестьян компенсацией ставок по кредитам или прямым финансированием, – но имеет право снижать их строительством нормальных дорог, обеспечением надежного и дешевого снабжения электроэнергией, газом и связью.

Главный ущерб российское село несет из-за тотального диктата перекупщиков, часто криминальных и даже объединенных в этнические мафии. Обеспечение производителям прямого и свободного доступа к сбыту – на рынки городов, на перерабатывающие предприятия, в торговые сети – на годы вперед компенсирует ущерб, нанесенный присоединением к ВТО.

ВТО не ограничивает господдержку таких важных сфер, как семеноводство и племенное животноводство. Их восстановление может в прямом смысле слова вдохнуть в деревню новую жизнь – даже в самых тяжелых конъюнктурных условиях. Удалось же в самый разгар либеральной разрухи районировать черешню в Подмосковье!

Наконец, наше государство не использует колоссальную возможность, предоставляемую ВТО и энергично используемую, например, Францией: поддерживать сельское хозяйство не как бизнес, а как совокупность национальных обычаев.

Возможности здесь широчайшие, ибо заметная часть сельхозпроизводства ведется так, что может быть признана формой моления богу, воспитания молодежи, образом жизни, – словом, чем угодно, но никак не обычной коммерческой деятельностью.

Например, чувашские села специализируются на выращивании картофеля – в суглинистых почвах, что делает этот процесс неимоверно трудоемким. Это подвиг, длящийся поколениями: менее интеллигентные и трудолюбивые люди после нескольких лет

такой работы прокляли бы все и ушли хоть в партизаны, – а чуваши даже получают прибыль.

Но любого из чинуш ВТО, усомнившегося в характере их труда, можно будет отправить в поле – даже не сажать или копать картошку, а просто окучивать, – и согласие на признание выращивания картофеля в суглинке будет получено «добровольно и с песней».

Разумеется, этот метод не универсален: доказательство того, что народным обычаем русских и украинцев, неотделимым от их национального самосознания, является выращивание свинины на модернизированных комплексах или работа на птицефабриках, безусловно, является нетривиальной задачей.

Но выращивание трудоемких гречихи, льна, ржи, репы, а также речное рыболовство, пчеловодство, разведение баранов и многие другие виды работ вполне соответствуют понятию «национальных обычаев».

Финансировать их в этом случае придется через не Минсельхоз, а Минкультуры или Миннац (если его восстановят), – но это уже детали.

Конечно, изложенное живо напоминает удаление гланд через задний проход, – но желающим работать нормально надо было думать и спохватываться раньше.

За пределами ВТО.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО: «О ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР!»

Лозунг «электронного правительства» лезет в уши с начала тысячелетия. Несмотря на феерические скандалы, обществом и государством сделано многое: от портала «Госуслуги» и частичной реализации «принципа одного окна» до сбора подписей под интернет-петициями (которые, правда, игнорируются так же, как бумажные) и иногда толковыми (а иногда и нет) инструкциями о порядке обращения в государственные структуры.

Однако в мучительном пропихивании технологических достижений в тело госаппарата и склоках за бюджетные деньги забылось главное: взаимодействие граждан с государством — лишь часть, причем наименее важная, «электронного правительства».

А главное в нем — формализация и перевод на электронную основу святая святых: всей процедуры принятия решений, как это сделано в лучших корпорациях мира (и, кстати, некоторых в России).

Замена (а не дублирование, как сейчас) бумажного документооборота электронным должна быть полной, касаться не только всех госорганов, но и взаимодействующих с ними фирм.

Это сэкономит не столько бумагу и услуги почты (включая дорогую фельдсвязь), сколько время. Решения начнут приниматься мгновенно, причем с вечным хранением связанной с ними информации.

Любой спор между государственными органами, не разрешенный ими самими, например, за сутки, будет автоматически переходить на рассмотрение арбитру — Комиссии по административным спорам

при президенте, работающей со схожей скоростью. Это позволит урегулировать внутренние конфликты быстрей, чем сегодня исполняются указания.

Сейчас только на подготовку ответа вышестоящей структуре чиновник имеет неделю, а равной по положению или нижестоящей – месяц, и даже эти сроки обычно срываются.

Важно, что Комиссия по административным спорам должна определять примерную «стоимость проблемы»: ущерб от ее неверного решения или отказа от него (ее может предлагать и обращающийся в нее). Признанный ею виновным чиновник получит соответствующие «штрафные очки»; при превышении годового лимита, установленного для его должности (чем выше должность, тем, в соответствии с масштабами деятельности, он выше), он должен автоматически понижаться или увольняться.

Контролирующие органы получат свободный и, что особенно важно, незаметный для проверяемых доступ ко всей деловой электронной переписке в рамках их компетенции, что станет серьезной угрозой коррупции.

Электронная система принятия решений позволит на аппаратном уровне не допускать раскрытия имени жалобщика тем, на кого он жалуется, и направление его жалобы им же на рассмотрение (как это обычно происходит сейчас и часто происходило в СССР).

Весьма существенно, что Федеральное Казначейство получит возможность мотивированно останавливать любой платеж, осуществляемый не только федеральными, но и региональными властями. С другой стороны, отказ от блокирования в течение разумного времени (например, тех же суток) будет означать согласие с ним.

Качественное ускорение (и упрощение, что еще важнее) документооборота позволит кардинально, в разы сократить численность государственного аппа-

рата и снизить расходы на него при непредставимом сегодня повышении его эффективности и оперативности принятия решений.

Прозрачность же принимаемых решений, соответствие их жестким процедурам и нормативам, наличие большого количества контуров обратной связи, в том числе и конфиденциальной, институционально и технологически ограничит коррупцию.

Последовательность действий по ее искоренению очевидна. Сначала надо изменить структуру органов государственного управления и перевести их на электронный документооборот, затем привязать зарплату и социальные гарантии чиновников (в том числе через число набранных каждым «штрафных очков») к эффективности их работы, а на третьем этапе – провести глубокую чистку госаппарата, чтобы убить пронизывающую его культуру коррупции.

Последний этап стоит начать с одномоментного обновления состава судей всех судов (включая арбитражные), подобного проведенному де Голлем во Франции. Он должен предусматривать масштабное и разнообразное провоцирование чиновников на получение взяток (по образцу операции «Шейх» в США), а также освобождение взяткодателей от ответственности в обмен на сотрудничество со следствием против получавших у них взятки чиновников (по образцу операции «Чистые руки» в Италии).

Конечно, никакой контроль не может быть всеобъемлющ и безошибочен. Поэтому даже совершенный по структуре государственный аппарат требует своего скрепления идеологией, единым патриотическим духом, не допускающим коррупцию в слабо контролируемые структуры (это, прежде всего, структуры политического руководства, стратегического планирования, суды и сами контролирующие органы), а пассивность – в структуры, призванные принимать творческие решения.

Помимо ограничения коррупции, электронная система принятия решений позволит интегрировать федеральный и региональные уровни государственного управления по аналогии с наиболее эффективными бизнес-структурами.

Конечно, отличие государства от корпорации принципиально и вызвано коренным различием целей; корпорация объективно стремится наращивать прибыль, а государство – свое население (причем забвение этих целей отнюдь не отменяет их).

Но основные функции управления универсальны, что позволяет госаппарату использовать многие корпоративные наработки.

Среди них – интегрированное управление. Перейдя на электронную систему принятия решений, государство может объединить функциональное и отраслевое управление, с одной стороны, и федеральное и региональное – с другой. Неминуемые конфликты, вызываемые объективно обусловленным различием интересов центра и регионов (а также ведомств), должны разрешаться на единой основе Комиссией по административным спорам.

Контрольные функции, сегодня дезорганизованные и размытые, необходимо сконцентрировать в специальных структурах с развитой обратной связью. Контроль должен быть специализирован: технологический (включая экологию) – дело правительства, юридический – правоохранительных органов, политический и управленческий – задача Администрации Президента.

Функции контроля и решения споров должны быть жестко разделены, а занимающиеся ими структуры – не связаны и даже «не знакомы» друг с другом.

Оказание государственных услуг следует отделить от управления и максимально централизовать для облегчения контроля (сейчас все наоборот: агентства

подведомственны министерствам, причем каждое по-своему, а оказываемые ими услуги децентрализованы; в частности, просто не существует структуры, на деле борющейся с незаконным лицензированием и контролирующей процесс выдачи лицензий). Госзакупки, начиная с определенных сумм, необходимо осуществлять только через единую Федеральную контрактную корпорацию, поставленную (в силу своей исключительной коррупциогенности) под особо жесткий, постоянный и многоуровневый контроль.

Функции инноваций, сегодня размытые до воровства или (в лучшем случае) до полного отсутствия, должны быть сконцентрированы: технологические – в министерстве науки и технологий, управленческие – в Администрации Президента. Эти структуры должны заниматься организацией экспертизы и принятием решений о внедрении тех или иных предложений.

Но главная задача модернизации управляющей системы – интеграция регионального управления, этой мешанины «удельных феодальных княжеств», в единый государственный аппарат.

Ключевой принцип прост: губернатор должен руководить исключительно процессами регионального масштаба, не имея возможности серьезно влиять на федеральные процессы, развертывающиеся на его территории. Поэтому вице-губернаторы и даже руководители департаментов региональных правительств, курирующие вопросы общенационального значения, должны подчиняться не губернатору, но профильному органу правительства.

Губернатор может лишь координировать их деятельность. А вот руководители силовых, кадровых и финансовых структур, федеральных по своей сути, должны предоставлять ему информацию о своей деятельности и планах в касающейся его части, но оставаться при этом самостоятельными.

Региональные власти не могут обладать в отношении вопросов, имеющих общенациональную значимость, и контрольными функциями. Более того: окончательные решения о финансировании в этих сферах должен принимать не губернатор, а руководители соответствующих региональных структур исполнительной власти.

* * *

Таким образом, переход на электронную систему принятия решений, будучи глубочайшей технологической революцией, кардинально изменит весь облик российского государства. Разумное приближение его к коммерческой сфере повысит его эффективность, с ней – и глобальную конкурентоспособность нашей страны.

СТАЛИНСКИЙ РЫНОК

Постоянная дискуссия, не утихающая вокруг имени Сталина, подпитываемая, насколько можно судить, зримым ничтожеством многих его преемников, вынуждает вспомнить забытые особенности его системы.

Наша история непредсказуема не только потому, что мы «ленивы и нелюбопытны», но прежде всего из-за культурно обусловленной открытости России: ее развитие примерно поровну определяется внешними и внутренними факторами. Этого не могут принять ни «западники», ни «почвенники»: для первых дико то, что «быдло» влияет на свою судьбу не меньше блистательных ясновельможных панов, для вторых – то, что жизнь «народа-богоносца» во многом определяется «жидомасонами».

Дорываясь до власти, они искореняют «неправильное» из учебников: ведь история – не столько наука, сколько способ формирования (или уничтожения) нации. Лишение народа части его опыта снижает его жизнестойкость.

В частности, при рассмотрении сталинской системы фатально замалчивается роль сознательно и последовательно сохранявшейся в ней рыночных отношений.

Прежде всего, Советский Союз остро зависел от внешних рынков. Когда зерно подешевело из-за «Великой депрессии», нужные для выживания в войне средства мог дать лишь экспорт леса: это вызвало рост ГУЛАГа как производственного комплекса и возникновение в нем хозрасчета. При всей жестокости («убивает большая пайка, а не маленькая»), хозрасчет показал эффективность, и в феврале 1941 года

Пленум ЦК ВПК(б) принял решение о его распространении на остальную экономику.

Несмотря на войну, в ряде секторов рыночные отношения закрепились (их выкорчевал уже Хрущев: они мешали оформлявшемуся классу партхозноменклатуры).

Так, малый бизнес, называвшийся кооперацией, давал перед войной не менее 6% промышленной продукции, включая 40% мебели, 70% металлической посуды, почти все игрушки. На 114 тыс. предприятиях промышленности (в Москве в 1936 году их было 15 тыс.) работало 1,8 млн. чел.

Первые советские ламповые приемники (с 1930 года), радиолы (с 1935) и телевизоры (с 1939 года) выпускала ленинградская артель «Прогресс-Радио». В предпринимательском секторе работало около ста конструкторских бюро, 22 экспериментальных лаборатории и даже два полноценных НИИ. Промкооперация имела свою пенсионную систему (которой в то время было лишено село), потребительское и даже жилищное кредитование.

Ее льготы заметно превосходили сегодняшние льготы малого бизнеса, а ее руководители, помимо прибыли, поощрялись наряду с промышленными руководителями сопоставимого уровня.

Торговля сельхозпроизводителей облагалась налогом в 3% с оборота, что делало ненужным бухучет. Попытки отрезать их от рынков сбыта и закабалить (в чем преуспевает сейчас мафия) карались беспощадно. Регистрация промысловых артелей занимала менее дня.

Другой неизвестный успех нашего народа – система активизации массовой творческой активности на производстве, применявшаяся с конца 30-х по середину 50-х годов.

За превышение каждого значимого параметра плана определялась премиальная шкала, известная

всем до начала работы, – и премия выплачивалась всем поровну.

Индивидуальные премии полагались за рацпредложения, позволившие перевыполнить план, и за руководство их внедрением. Они в разы превышали премию, полученную за превышение соответствующего параметра каждым работником.

Эта система распространяла успехи одного на всех, заставляя коллективы выявлять, холить и лелеять творцов.

Благодаря ей за годы войны себестоимость производства большинства видов оружия упала в 2-3 раза.

В коллективах возникали взаимная доброжелательность, взаимопомощь. Начальник стремился разъяснить каждому его роль в общем деле: активность подчиненного несла ему премию. Система меняла психологию до такой степени, что эффект этого держался после ее отмены еще целое поколение.

Ждет своего исследователя и не сводимая к «шарашкам и шпионажу» система управления творческим трудом, позволившая стремительно создать атомное и водородное оружие, средства их доставки, систему ПВО и электронику. А ведь килотонны издаваемой на эту тему литературы показывают: проблема управления творчеством так и не решена «цивилизованным миром».

Высмеиваемое либералами понижение цен выражало стремление обеспечить эффективность рынка для общества, – вплоть до бесплатности основных жизненных благ. Именно оно позволило отменить карточки в разрушенном СССР в 1948 году (их возвращение началось в конце 70-х) при том, что в США они были отменены в 1947, во Франции в 1949, в Англии – в 1954 году.

В наше же время отказ от понимания рынка как инструмента общественного блага, превращение го-

сударства в слугу отдельных фирм удерживает страну в бедности и грозит новой Смутой.

Из опыта СССР все чаще заимствуется плохое.

В последние годы Сталина невыгодность рабского труда была очевидной даже его соратникам, хотя директора требовали все нового бесплатного «спецконтингента». Его использование почти блокировало технологический прогресс, – как сейчас блокирует его труд гастарбайтеров.

Но ряд забытых после Сталина социальных механизмов полезен и сейчас. Еще большее их число придется использовать, если Россия будет сброшена в новую Смуту.

КАК И ЗАЧЕМ ВЫЖИТЬ ПУТИНУ

Украина: минимизация конфликта

Стремление избежать втягивания России в конфликт расценено Западом как приглашение к агрессии. Результат – десятки тысяч погибших и скоро миллионы беженцев.

Чтобы остановить агрессора, надо зафиксировать очевидное: США и их сателлиты по НАТО, опершись на справедливый протест народа против рэкета Януковича, организовали нацистский государственный переворот для захвата ресурсов Украины.

Поскольку украинская экономика существует лишь в интеграции с российской, а культура крайне близка русской, нацизм противоречит интересам Украины и уничтожил ее государственность.

В ее отсутствие Крым воссоединился с Россией, Восток восстал против нацизма, а в Новороссии олигарх Коломойский создал средневековое террористическое образование, войска которого не подчиняются Киеву (в частности, не соблюдая приказы о перемирии), а ряд олигархов помельче создали свои собственные банды, также подчиняющиеся только им и именуемые «батальонами национальной гвардии» или «территориальными батальонами».

Киевские «власти» не могут и не хотят выполнять даже минимальные обязанности государства (от оплаты импорта и социальной поддержки до поддержания порядка на улицах). Эти кровавые марионетки Запада последовательно, целенаправленно и в целом успешно погружают Украину в пучину безумия и русофобии.

Отношение России к нацизму должно определяться ее историей и решениями Нюрнбергского трибунала. Российское государство должно открыто и официально считать киевские и днепропетровские власти оккупационными и террористическими режимами, ведущими самую богатую и развитую часть Советского Союза – Украину – к превращению в «конченое государство» вроде Сомали и вымиранию населения.

Россия не имеет права признавать их законность, должна считать любое сотрудничество с ними преступным (и карать за него) и поддерживать с ними отношения лишь для защиты своих граждан на временно оккупированных нацистами территориях. Любое сотрудничество, включая торговлю, может развиваться лишь с освобожденными от нацизма регионами.

Россия должна провозгласить своей целью денацификацию Украины и восстановление взаимовыгодного сотрудничества, обеспечив борцов с нацизмом всем необходимым (от вооруженных добровольцев до помощи в госстроительстве).

Бежавшие в Россию нацистские каратели («военные» со своим народом не воюют), не совершившие преступлений и не желающие искупить вину в рядах ополчения, должны интернироваться до освобождения Украины. Преступники должны передаваться суду, не имеющие документов – ополченцам для выяснения личности.

Государство должно информировать мир и общество о зверствах нацистов и их западных хозяев, выделяя роль базирующихся в США глобальных монополий.

Бояться санкций поздно: Запад развязал против нас холодную войну, и не дать ей перейти в горячую может лишь демонстрация силы. Американский биз-

нес должен быть полностью изгнан из России до нормализации политики США.

Крым должен стать регионом опережающего развития, свободным от наших пороков. Для получения западных виз его жители должны получать регистрацию в иных регионах.

Государственное имущество России на Западе должно быть скорейшим образом переоформлено на не связанные с государством структуры: иначе оно станет объектом шантажа.

Нужна спешная переориентация всей коммерции на страны, не ведущие против нас холодной войны. В наиболее болезненном вопросе высокоточных станков это Южная Корея и Тайвань.

Учитывая произвольность применения Западом норм «международного права», надо подготовиться к выходу из сферы его действия.

Европейцев стоит проинформировать, что хищение их нацистскими ставленниками хотя бы кубометра газа остановит транзит через бывшую Украину до выплаты нацистами всех долгов. Приведшие преступников к власти европейские кликуши должны знать: они создали форс-мажор прежде всего для себя.

Россия должна оставить за собой возможность прямого принуждения к миру при продолжении информационной агрессии нацистов (не говоря об обстрелах нашей территории и убийствах граждан), но украинцы должны сами освободить свою страну: только тогда они станут ее хозяевами.

Преступление Путина перед Западом

Считающим эти меры чрезмерными надо помнить: Запад никогда не простит России ее существования, а Путину – его проступков.

Дело не в отрицании европейских ценностей в виде неприятия агрессивного навязывания гомосексуализма, не в воссоединении с восставшим против нацистского и этнического террора Крымом, а в непослушании.

Элиты Запада – от Обамы до Ляшко – привыкли беспрекословно подчиняться глобальному бизнесу: это их хозяева в прямом, рабовладельческом смысле.

Путин, демонстрируя независимость от него, в конфликт с ним не входит: тот в целом видит, что Россия не Запад, и ее отличия естественны. Конечно, лучше свергнуть обнаглевшего туземца и заменить его либералами, но если не выйдет, – прибыль от сотрудничества дороже «понтов».

А для политиков Запада даже намеки Путина на возможность неподчинения (не говоря об ответах вроде санкций) – страшное личное оскорбление: даже эти намеки ставят Путина над всем политическим классом Запада.

Путин, даже невольно обозначая возможность неподчинения глобальным монополиям, показывает этому классу, насколько современный русский, сам того не сознавая, выше европейца и американца своей внутренней свободой, ибо (при всех бедах и пороках) признает выгоду этих монополий не как высшую и абсолютную истину, но как чужие правила, разумной части которых надо с удовольствием подчиняться и пытаться их перенять, а неразумную игнорировать.

Это вызывает в западных лидерах личную обиду, памятную нам по мещанским «общественникам»: как так, я подчиняюсь навязанным мне идиотским правилам (от коллективной физзарядки до изучения речей «дорогого Леонида Ильича»), а какой-то хлыщ все безнаказанно игнорирует!

Эта лютая, неутолимая ненависть лечится только жестокой демонстрацией неодолимой и непредсказуемой силы, ломающей агрессивное быдло.

Слова и дозированный ущерб (вроде 12 млрд. евро от встречных санкций) не помогут: гопота – и в провонявшей мочой подворотне, и на саммите лидеров – понимает лишь асимметричный и неадекватный ответ.

Кадры решают все

Либерал может быть хорошим человеком и специалистом, но вера, что государство должно служить глобальному бизнесу, а не народу, делает его врагом последнего.

Поэтому для выживания общества надо очистить государство, – его мозг и руки, – от считающих его независимость преступной ересью.

Либералы, жаждущие вернуть Россию в 90-е, должны быть удалены с госслужбы, от Администрации Президента до администраций поселков, быстро и беспощадно.

Остальным надо даровать выбор между государственной службой и семейными активами на Западе. Утаивший последние чиновник должен увольняться с позором и сохранять свободу, лишь если докажет, что не предавал интересы России.

Бегство «офшорной аристократии» даст возможность реструктуризации госаппарата (который игнорирует ряд своих функций и раздут там, где государству нечего делать) и его переводу на электронную систему принятия решений.

Как ни горько, придется уволить Медведева, ставшего (может, и поневоле) свернутым до поры в чехол знаменем либеральной «пятой колонны».

Его пребывание в кресле премьера создает соблазн устранения Путина для приведения к власти легко управляемого младшего менеджера, при кото-

ром «все будет как при дедушке» (Ельцине), – и ему пора заняться делом, соответствующим его профессиональному и личностному уровню.

Социально-экономический блок правительства и Банк России должны управляться людьми, стремящимися к процветанию Родины, а не к извлечению глобальным бизнесом прибыли из нее.

Массовые медиа: ключевые телеканалы, радиостанции и интернет-порталы (включая поисковики, главные новостные агрегаторы и ленты), – часть власти и должны быть выведены из-под внешнего управления так же решительно, как и органы госуправления.

Это вызовет истерику либералов (как в начале 2000-х, когда олигархов лишили возможности шантажировать государство своим «общественным» и «независимым» телевидением), но альтернатива – обрушение в 90-е и смерть общества.

Не только к СМИ, – ко всей частной собственности пора применить принцип социализации из конституции Германии: она священна лишь в той степени, в которой служит обществу. Если же она используется во вред ему, она преступна: поступать с ее владельцами надо, как с преступниками, а с ней – как с орудием преступления.

Первый шаг – модернизация инфраструктуры

Ключевой инструмент развития – комплексная модернизация инфраструктуры, резко снижающая издержки общества и повышающая деловую активность.

Это единственная сфера, в которой государство гарантировано от недобросовестной конкуренции с бизнесом: для последнего вложения в основную часть инфраструктуры непосильны.

Деньги есть – в бюджете заморожены 8,5 трлн. руб., на малую часть которых можно построить на месте замученной либералами России новую, современную страну.

Но лучше направить бюджетные деньги на социальную сферу и оборону, а экономику развивать за счет перехода к проектному финансированию: эмиссия рубля должна, как в развитых странах, определяться потребностями России, а не тем, сколько нам разрешают заработать наши конкуренты.

Для модернизации инфраструктуры нужны технологически элементарное, но рискованное политически (так как, похоже, сменит государственный строй) кардинальное ограничение коррупции и произвола монополий (иначе выделенные средства частью будут украдены, а частью уйдут в рост цен), переход к разумному, хотя бы европейскому протекционизму (иначе выгода от деловой активности достанется зарубежным конкурентам) и гарантирование прожиточного минимума – экономического выражения права на жизнь. Цена вопроса – около 600 млрд. руб. в год (большая часть которых вернется налогами), но без этого нельзя воспитать и привлечь необходимых для модернизации квалифицированных работников.

Это лишь первоочередные меры. Нужны и прогрессивная шкала налогообложения личных доходов (сейчас она по сути регрессивна: чем человек беднее, тем выше его обязательные соцвзносы, а для богатых создан «налоговый рай»), и электронная система принятия государственных решений, и компенсационный налог на грабительскую приватизацию.

В стране, искусственно удерживаемой либералами в бедности, доступные качественные жилье, здравоохранение и образование для половины населения должны быть почти, а для четверти – полностью бесплатными.

Мир создают технологии, – и сейчас, в начале новой смены технологического базиса («сланцевая революция» и 3D-принтер – лишь первые ласточки будущего), Россия может вернуть глобальную конкурентоспособность поиском и доработкой технологий еще советского ВПК.

Но первоочередные меры за год превратят Россию в новую, прогрессивную, эффективную и сильную страну.

Внешняя стратегия

Государства, даже США, давно уже не главные участники мировой политики. Над ними выросла новая могущественная общность – глобальный бизнес.

Поэтому, сохраняя обычную дипломатию, центр тяжести внешней политики надо перенести на отношения с реальными хозяевами мира – глобальными монополиями. Без этого Россия нелепа, как гость, общающийся с прислугой и игнорирующий хозяина дома.

На противоречиях внутри глобального бизнеса можно и должно играть, – но для этого его надо знать; у нас же изучением его и спаянных с ним в глобальный управляющий класс аристократии, культурных и технологических элит после Сталина не занимались.

Отдельные шаги в этом направлении (вроде сотрудничества «Роснефти» с «ЭкссонМобил») верны, но не систематичны и потому заведомо недостаточны.

Положение России перспективно: крах традиционного мироустройства поворачивает элиты к культуре, патриотизму и социальным ценностям, символом чего всегда была наша страна.

Русская культура, объединяя гуманизм и техническую грамотность, – единственная мощная культура,

способная спасти от двух уже очевидных стратегических угроз: расчеловечивания и технологической деградации. Мессианство позволяет ей стать ресурсом выживания всего человечества.

Но, чтобы эта возможность стала реальностью, государство должно хотя бы начать исполнять свои прямые обязанности.

По мере все более очевидного предательства освободительного движения бывшей Украины (вдохновившегося в том числе известным заявлением «своих не бросаем»), это кажется все более несбыточной мечтой.

Заключение
НАШИ ДВЕНАДЦАТЬ СЛОВ

Линялые бюрократические хомячки всех мастей истошно визжат из уютных щелей об отсутствии у оппозиции какой бы то ни было конструктивной программы, об ее стремлении столкнуть страну обратно в кровавый мрак 90-х годов.

В чем правда этого оголтелого визга?

В том, что социальный, патриотический и демократический по своей природе народный протест взят под контроль представителями либерального клана — обмылками 90-х, истово верующих, что государство, по догмам Вашингтонского консенсуса, должно служить глобальным спекулянтам, а не создавшему его народу.

Сейчас либеральный клан проводит по-ельцински изящную «рокировочку» своего оппозиционного и официозного флангов: на смену траченным молью деятелям либеральной эстрады 90-х приходят вроде бы ни к чему никакого отношения не имеющие продюсеры, актеры, телеведущие, беллетристы и даже «дамы полусвета».

Эта гламурная прокладка – всего лишь маскировка вводимого в действие стратегического резерва, тяжелой олигархической артиллерии либералов: верных представителей официозной части либерального клана.

Мы вот-вот увидим, как оттеснившие оппозиционных либералов 90-х представители «общественно-

сти», стеная и всплескивая лапками, передадут митинги и шествия протеста (то есть их финансирование и процесс переговоров с властями) в руки представителей либеральной бюрократии и олигархии. Их символами уже стали бывший и будущий член правительства Кудрин и неувядаемый кавалер ордена Почетного легиона Прохоров-Куршевельский.

В результате правящая тусовка вступит в переговоры со своей неотъемлемой частью, – но уже выступающей от имени всего разгневанного народа.

Вместо народа бюрократия будет говорить сама с собой, подобно персонажу «Нашей Раши», привыкшему за последние 12 лет говорить с собственным изображением в телевизоре.

Как можно сломать эту пошлую игру сегодня, когда протесты еще не охватили регионы России, идея всеобщей политической забастовки еще не стала национальной идеей, а деньги либералов пока еще переламывают энтузиазм десятков тысяч и гнев миллионов?

Только одним, честным и конструктивным путем: ответом на справедливую часть упреков.

Формирование позитивной программы, не возвращающей в 90-е, а открывающей двери во вторую половину 2010-х.

Программы, положения которой должны стать новым нормативом и камертоном для общества – и железной уздой для любого следующего президента.

Для этого программа должна быть сравнительно легко осуществима прямо сейчас – и при этом выражать языком конкретных действий синтез социальных, патриотических и демократических ценностей, давным-давно стихийно проведенный нашим обществом.

Первоочередная часть этих требований должна оздоровить страну. Это главная задача: **вернуться от**

истребляющих Россию либеральных реформ и коррупции к нормальности. Что строим (социализм, капитализм или традиционализм) – второй вопрос; сначала надо создать субъект этого строительства: оздоровить государство, вернуть его в чувство и от распада перейти к восстановлению.

Комплекс жизненно необходимых мер, способных быстро, менее чем за год изменить всю нашу жизнь и весь облик страны, примерно понятен. Конечно, их надо уточнять, дополнять и оспаривать, – однако довольно долгая работа и многочисленные дискуссии позволяют в основном сформулировать их уже сейчас.

1. Первое и главное – **обуздание коррупции: по сути, изменение государственного строя**. Даже при сгнивших «правоохранительных» органах и невменяемых судах для качественного перелома достаточно следующих мер:

- По опыту Италии: взяткодатель при сотрудничестве со следствием должен освобождаться от ответственности. Только так можно сломать круговую поруку между организатором коррупции и его жертвами.
- По опыту США (законы *RICO*): все активы семьи члена организованной преступности (а коррупция во власти – всегда мафия), не сотрудничающего со следствием, конфисковываются, даже если приобретены добросовестно. Оставляется только достаточное для очень скромной жизни.
- Осужденный за коррупционное преступление пожизненно лишается возможности занимать любую выборную должность, любую должность на госслужбе и любую руководящую должность, а также вести любую юридическую и преподавательскую деятельность.

- Все чиновники и политики должны обосновать источники средств и имущества, приобретенного ими и их семьями после 1991 года суммарной стоимостью более 1 млн. долл., а также регулярно декларировать все расходы и инвестиции. Альтернатива – поражение в правах, аналогичное коррупционному преступлению.
- Государство и все сотрудничающие с ним организации должны быть переведены на электронную систему принятия решений, позволяющую контролировать чиновников незаметно для них.
- По примеру таких разных стран, как Белоруссия, Грузия и Молдавия выслать из России всех находящихся на свободе известных воров в законе.

2. Вторая необходимая мера – **нормализация судебной системы и правоохранительных органов**. Необходима выборность судей, гласность контроля за качеством их работы, пожизненный запрет на юридическую, руководящую, преподавательскую деятельность, занятие выборных и государственных должностей для всех судей и сотрудников правоохранительных органов, уличенных в нарушении служебного долга. Интенсивность работы судей должна быть ограничена, а тяжесть рассматриваемых ими дел (для арбитражных судей – сумма ущерба по искам) – прямо пропорциональна их квалификации. Неисполнение решения суда или искусственное затягивание судебного разбирательства должны трактоваться как тягчайшее преступление.

Следует очистить суды и правоохранительные органы от разложившихся и психически неустойчивых элементов с последующей социализацией уволенных за служебное несоответствие.

Только так можно выполнить главное требование Манежной площади: **ЗАКОН ЕДИН ДЛЯ ВСЕХ!**

3. Необходима **немедленная политическая реформа:** освобождение политзаключенных (включая Аракчеева, Квачкова и Константинова), отмена репрессивной ст. 282 УК, регистрация всех реально существующих политических партий, разрешение митингов и шествий, отмена цензуры в СМИ. Следует вернуть четырехлетний срок полномочий Госдумы и президента, ввести прямые всеобщие выборы губернаторов и членов Совета Федерации с правом самовыдвижения. Установить, что кандидаты на всех выборах выдвигаются партиями или на основе самовыдвижения, но в последнем случае они должны вносить залог.

Для обеспечения честных выборов сделать полностью прозрачной для наблюдения интернет-общественности систему ГАС «Выборы», провести беспристрастное расследование фальсификаций прошлых выборов. Установить, что заверенные копии протоколов вывешиваются на дверях всех избирательных участков для всеобщего обозрения не позднее чем через полтора часа после завершения голосования. При несовпадении данных первичных протоколов с обобщенными результатами последние корректируются и возбуждаются уголовные дела по факту попытки фальсификации результатов выборов.

4. Для восстановления в обществе веры в справедливость и исключения чудовищной ситуации, когда родственники жертв оплачивают их убийц, **восстановить смертную казнь** за сознательные убийства при отягчающих обстоятельствах (включая серийные убийства, терроризм, производство и распространение тяжелых наркотиков в крупных масштабах); во

избежание судебных ошибок не приводить приговор в исполнение до повторного независимого рассмотрения дела Верховным Судом, проводимым через год после окончательного судебного решения, а при подтверждении им приговора – до одобрительного решения губернатора, в регионе которого было совершено соответствующее преступление.

5. Необходимо **реализовать** формально признаваемое государством **право его граждан на жизнь** и в экономической сфере – **гарантированием реального прожиточного минимума**, который должен быть диверсифицирован по регионам (из-за разных цен и природно-климатических условий).

Главной формальной задачей государства должно стать обеспечение всем гражданам прожиточного минимума. Ибо власть, не признающая право своих граждан на жизнь, не имеет права на существование – даже если за нее проголосовало 100% этих граждан.

Помощь федерального бюджета регионам должна быть ориентирована не на достижение «средней температуры по больнице» в виде «среднероссийского уровня бюджетной обеспеченности» (как это имеет место с 2000 года), а на гарантирование прожиточного минимума, пусть и не за один год. Движение к этой цели должно быть наглядным и повсеместным. Объективизированный характер задачи позволит уменьшить произвол и коррупцию, да и губернаторов легче оценивать по одному показателю, чем по нескольким десяткам, как сейчас.

Чтобы губернаторы не испытывали желание завысить региональный прожиточный минимум для увеличения дотаций, при дотировании региона более чем наполовину его финансы должны управляться извне, Минфином России.

6. Необходима **нормализация социальной политики**, в первую очередь:

- Немедленная отмена разрушительных социальных реформ, в первую очередь ЕГЭ и реформы бюджетных организаций, расширяющей платность бюджетных услуг и создающую предпосылки бесплатной приватизации бюджетной сферы.
- Отмена предоставляемого руководству бюджетных организаций права устанавливать зарплату своим подчиненным практически по своему произволу.
- Создание жесткой системы контроля качества услуг здравоохранения и образования, введение профессиональной ответственности в этих сферах.
- Обеспечение гарантированной доступности (то есть для бедных – бесплатности) жилья, качественных услуг здравоохранения и образования. Отказ от подхода к здравоохранению и образованию исключительно как к способу зарабатывания денег на болезнях и неграмотности.
- Введение компенсации (из местного бюджета, при нехватке средств в нем – из регионального и далее из федерального) расходов граждан на ЖКХ (включая налог на жилье и оплату найма социального жилья), превышающих 10% семейного дохода.
- Введение уголовной ответственности за нарушение работодателем Трудового кодекса.
- Обеспечение равноправия работников вне зависимости от их гражданства, исключив этим социальный демпинг и порчу рынка труда со стороны бесправных гастарбайтеров и оставив сползание России к состоянию рабовладельческого общества.

- Установление, что получение любых документов, необходимых для выполнения обязанностей органов госуправления перед гражданами, является обязанностью самих этих органов. **Бюрократия должна сама получать нужные ей справки, а не измываться над гражданами, отправляя за этими справками их**.

7. Запретительно высокие обязательные социальные взносы делают россиян народом преступников, ибо не только бедные, но и средний класс не могут платить налоговую нагрузку на фонд оплаты труда в 39,2%. При этом обязательные социальные взносы еще и регрессивны: чем человек беднее, тем он больше платит. Как и всякая несправедливость, эта система неэффективна: собираемость социальных взносов падает, и Пенсионный фонд испытывает нехватку средств.

Для преодоления пенсионного кризиса и для снижения налоговой нагрузки на оплату труда до приемлемого уровня необходимо в соответствии с предложениями бизнеса **сделать ставку обязательных социальных взносов «плоской» и снизить ее до 15%**, снизив тем самым среднюю налоговую нагрузку на оплату труда более чем в 1,6 раза – до общеприемлемых 26,1%. Создать систему действенного контроля за средствами Пенсионного фонда, фондов социального и обязательного медицинского страхования. Экономия от сокращения уклонения от обложения и воровства с лихвой компенсирует потери от снижения ставок.

Доходы ниже трех среднероссийских прожиточных минимумов не должны облагаться подоходным налогом вообще (можно остановить это правило только для семей с детьми), а доходы выше ста прожиточных минимумов в месяц должны облагаться по ставке 20%.

8. По итогам приватизации россияне чувствуют себя ограбленными, а небольшая часть успешных бизнесменов – ограбившими. Способ преодоления этого раскола применен в Великобритании после тэтчеровской приватизации – **компенсационный налог**, возвращающий в госсобственность разницу между ценой приватизации и реальной стоимости активов на ее момент. Чтобы не подорвать работу предприятий, компенсационный налог лучше взимать не деньгами, а пакетами акций, что вернет государству «командные высоты» в экономике и обеспечит те же позитивные результаты, что национализация и пересмотр итогов приватизации, но без деструктивных последствий этих мер.

9. Необходимо **обуздание произвола монополий**. Антимонопольный орган должен получить безусловное право:

- обеспечивать полную финансово-экономическую прозрачность любой структуры, подозреваемой в злоупотреблении монопольным положением (при необходимости с сохранением коммерческой тайны);
- по примеру Германии, при резком колебании цен сначала возвращать их на место и лишь затем расследовать произошедшее (так как за время расследования экономике может быть нанесен необратимый ущерб).

10. России жизненно необходим разумный протекционизм – хотя бы на уровне Евросоюза: все, что мы делаем руками, Китай делает дешевле, а часто уже и лучше нас. Чтобы сохранить и развивать рабочие места, надо следовать примеру развитых стран, большинство которых, не признаваясь в этом, усиливает протекционизм из-за глобального кризиса.

В России слабость рыночных стимулов вынуждает сочетать протекционизм с принуждением предприятий к технологическому прогрессу, сначала цивилизованными (через введение новых стандартов), а в случае непонимания – и административными методами.

По примеру Чили и Малайзии (единственных неразвитых стран, выстоявших в кризисе 1997-1999 годов), учитываемому сегодня и Великобританией, **предусмотреть возможность оперативного введения налога на приток и отток спекулятивных капиталов** в условиях резкого колебания конъюнктуры мировых рынков.

11. Необходимо **освобождение малого бизнеса.** Предприятия с менее чем 20 занятыми (в сельском хозяйстве – менее чем 50), не занимающиеся финансовыми спекуляциями, консультациями, внешней торговлей, перепродажей и другими потенциально спекулятивными видами деятельности, должны на 5 лет полностью освобождаться от всех налогов и обязательных платежей.

Это исключит возможность налогового террора и качественно расширит возможности самозанятости.

Кроме того, необходимо **свободное занятие пустующих сельхозземель.** Труд на земле тяжел и непривлекателен. Поэтому любой гражданин России должен получить право занять брошенную землю сельхозназначения общей площадью до 1 гектара на семью. По факту ее обработки она должна оформляться в бесплатную долгосрочную аренду, по факту ее непрерывной обработки в течение 10 лет подряд – передаваться в собственность.

Все нормативные документы, относящиеся к налогообложению, должны быть упрощены и сделаны понятными среднему гражданину, – **чтобы предпри-**

ниматель мог вести бухгалтерский учет сам, не тратя деньги на бухгалтеров.

12. Необходима **комплексная модернизация технологической инфраструктуры** за счет накопленных резервов государства (безопасно для валютной стабильности можно использовать более 200 млрд. долл. международных резервов, а в федеральном бюджете лежит без движения 5,5 трлн. руб.), а в части гарантированной доходности (например, ЖКХ крупных и средних городов) – за счет накопительных средств пенсионной системы.

Это кардинально снизит издержки экономики и расходы граждан и, создав огромный внутренний спрос, качественно улучшит деловой климат, усилит трудовую мотивацию населения, а главное – **сделает Россию неуязвимой перед ударами глобального кризиса**.

Но не менее важно и то, что модернизация инфраструктуры – практически единственная сфера, в которой государство почти гарантированно не вступит в недобросовестную конкуренцию с частным бизнесом: последнему из-за капиталоемкости и долгосрочности вложений развитие инфраструктуры просто не по силам.

Таким образом, **НАША ПРОГРАММА:**

1. Обуздать коррупцию!
2. Порядок в судах и правоохране!
3. Вернуть свободу, демократию и ответственность!
4. Террористам, маньякам и наркоторговцам – смерть!
5. Право на жизнь – каждому!
6. Россия для народа, а не для бандитов и олигархов!

7. Дайте нам платить налоги!

8. Компенсационный налог: закроем тему приватизации.

9. Произвол монополий – на свалку истории!

10. Разумный, европейский протекционизм.

11. Освободить бизнес!

12. Комплексная модернизация инфраструктуры сделает Россию неуязвимой перед ударами глобального кризиса.

Это можно сделать сегодня – и мы требуем от государства сделать это сейчас!

Коллекция
Изборского
клуба

Михаил Делягин

РОССИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ ИСТОРИИ

КОНЕЦ ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА?

Знак информационной продукции согласно Федеральному закону от 29.12.2010 г. №436-ФЗ

Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 12.
Заказ №3098.
Тираж 2000 экз.

ЗАО «Книжный мир».
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru

Отпечатано в типографии ООО «ТДДС-Столица-8»
Тел.: (495) 363-48-86
http://capitalpress.ru

Делягин Михаил Геннадьевич – доктор экономических наук, академик РАЕН. Сотрудник аппаратов президента и правительства (1990–2003 г.г.), помощник премьер-министра (2002–2003 г.г.). Основной разработчик программы Правительства РФ «О мерах по стабилизации социально-экономической ситуации в стране» (осень 1998). В 1998 году создал и по сей день возглавляет Институт проблем глобализации. Автор многочисленных публикаций и монографий.

Новая книга известного российского экономиста, публициста и политика Михаила Делягина посвящена анализу путей развития России в недалеком будущем. Как повлияет на это будущее противостояние России и Запада, война на Украине, грядущий мировой экономический кризис и какие другие события нам стоит ожидать в ближайшие годы?

Что надо сделать, чтобы вырвать нашу страну из смертельных объятий экономического либерализма и мирового финансового олигархата? Что станет с ценой на нефть, долларом и рублем? Сможет ли президент Путин возродить державу и почему для этого придется вспомнить экономическое наследие Сталина?

Об этом и о многом другом, что коснется каждого из нас уже в следующем году – прочти в этой книге. Знание – сила. Узнай будущее – стань сильным.